

ПАМ'ЯТНИК И ЛІТЕРАТУРЬ

Владиміръ Набоковъ

Отчаяніе

Im Werden Verlag
München
2007

© 1936 by Vladimir Nabokov

© <http://imwerden.de> - некоммерческое электронное издание, 2007

Текст подготовлен для некоммерческого распространения Сергѣемъ Виницкимъ по репринтному изданію: Ardis, Ann Arbor, 1978. Оригинальное издание: «Петрополисъ», Берлинъ, 1936. Дополнительная вычитка: Александръ Свирилинъ.

ГЛАВА I.

Если бы я не былъ совершенно увѣренъ въ своей писательской силѣ, въ чудной своей способности выражать съ предѣльнымъ изяществомъ и живостью — — Такъ, примѣрно, я полагалъ начать свою повѣсть. Далѣе я обратилъ бы вниманіе читателя на то, что, не будь во мнѣ этой силы, способности и прочаго, я бы не только отказался отъ описыванія недавнихъ событій, но и вообще нечего было бы описывать, ибо, дорогой читатель, не случилось бы ничего. Это глупо, но зато ясно. Лишь дару проникать въ измышленія жизни, врожденной склонности къ непрерывному творчеству я обязанъ тѣмъ — — Тутъ я сравнилъ бы нарушителя того закона, который запрещаетъ проливать красненькое, съ поэтомъ, съ артистомъ... Но, какъ говаривалъ мой бѣдный лѣвшя, философія выдумка богачей. Долой.

Я, кажется, попросту не знаю, съ чего начать. Смѣшонъ пожилой человѣкъ, который бѣгомъ, съ прыгающими щеками, съ рѣшительнымъ топотомъ, догналъ {5} послѣдній автобусъ, но боится вскочить на ходу, и виновато улыбаясь, еще труся по инерціи, отстааетъ. Неужто не смѣю вскочить? Онъ воетъ, онъ ускоряетъ ходъ, онъ сейчасъ уйдетъ за уголъ, непоправимо, — могучій автобусъ моего рассказа. Образъ довольно громоздкій. Я все еще бѣгу.

Покойный отецъ мой былъ ревельскій нѣмецъ, по образованію агрономъ, покойная мать — чисто-русская. Стариннаго княжескаго рода. Да, въ жаркіе лѣтніе дни она, бывало, въ сиреневыхъ шелкахъ, томная, съ вѣромъ въ рукѣ, полулежала въ качалкѣ обмахиваясь, кушала шоколадъ, и наливались сѣнокоснымъ вѣтромъ лиловые паруса спущенныхъ шторъ. Во время войны меня, нѣмецкаго подданнаго, интернировали, — я только-что поступилъ въ петербургскій университетъ, пришлось все бросить. Съ конца четырнадцатаго до середины девятнадцатаго года я прочелъ тысяча восемнадцать книгъ, — велъ счетъ. Проѣздомъ въ Германію я на три мѣсяца застрялъ въ Москвѣ и тамъ женился. Съ двадцатаго года проживалъ въ Берлинѣ. Девятаго мая тридцатаго года, уже переваливъ лично за тридцать пять — —

Маленькое отступленіе: насчетъ матери я совралъ. По настоящему она была дочь мелкаго мѣщанина, — простая, грубая женщина въ грязной кацавейкѣ. Я могъ бы, конечно, похерить выдуманную исторію съ вѣромъ, но я нарочно оставляю ее, какъ образецъ одной изъ главныхъ моихъ чертъ: легкой, вдохновенной лживости. Итакъ, говорю я, девятаго

мая тридцатаго года я былъ по дѣлу въ Прагѣ. Дѣло было шоколадное. Шоколадъ — хорошая вещь. Есть барышни, которыя {6} любятъ только горькій сортъ, — надменные лакомки. Не понимаю, зачѣмъ беру такой тонъ.

У меня руки дрожатъ, мнѣ хочется заорать или разбить что-нибудь, грохнуть чѣмъ-нибудь объ полъ... Въ такомъ настроеніи невозможно вести плавное повѣствованіе. У меня сердце чешется, — ужасное ощущеніе. Надо успокоиться, надо взять себя въ руки. Такъ нельзя. Спокойствіе. Шоколадъ, какъ извѣстно, (представьте себѣ, что слѣдуетъ описаніе его производства). На оберткѣ нашего товара изображена дама въ лиловомъ, съ вѣромъ. Мы предлагали иностранной фирмѣ, скатывавшейся въ банкротство, перейти на наше производство для обслуживания Чехіи, — поэтому-то я и оказался въ Прагѣ. Утромъ девятаго мая я, изъ гостиницы, въ таксомоторѣ отправился — — Все это скучно докладывать, убійственно скучно, — мнѣ хочется поскорѣе добраться до главнаго, — но вѣдь полагается же кое-что предварительно объяснить. Словомъ, — контора фирмы была на окраинѣ города, и я не засталъ кого хотѣлъ, сказали, что онъ будетъ черезъ часъ, навѣрное...

Нахожу нужнымъ сообщить читателю, что только-что былъ длинный перерывъ, — успѣло зайти солнце, опаляя по пути палевыя облака надъ горой, похожей на Фузіяму, — я просидѣлъ въ какомъ-то тягостномъ изнеможеніи, то прислушиваясь къ шуму и уханію вѣтра, то рисуя носы на поляхъ, то впадая въ полудремоту, — и вдругъ содрагаясь... и снова росло ощущеніе внутренняго зуда, нестерпимой щекотки, — и такое безволіе, такая пустота. Мнѣ стоило большого усилія зажечь лампу и вставить новое перо, — старое {7} расщепилось, согнулось и теперь смахивало на клювъ хищной птицы. Нѣтъ, это не муки творчества, это — совсѣмъ другое.

Значить, не засталъ, и сказали, что черезъ часъ. Отъ нечего дѣлать я пошелъ погулять. Былъ продувной день, голубой, въ яблокахъ; вѣтеръ, дальній родственникъ здѣшняго, леталъ по узкимъ улицамъ; облака то и дѣло сметали солнце, и оно показывалось опять какъ монета фокусника. Въ скверѣ, гдѣ катались инвалиды въ колясочкахъ, бушевала сирень. Я глядѣлъ на вывѣски, находилъ слово, таившее понятный корень, но обросшее непонятнымъ смысломъ. Пошелъ наугадъ, размахивая руками въ новыхъ желтыхъ перчаткахъ, и вдругъ дома кончились, распахнулся просторъ, показавшійся мнѣ вольнымъ, деревенскимъ, весьма заманчивымъ. Миновалъ казарму, передъ которой солдатъ вываживалъ бѣлую лошадь, я зашагалъ уже по мягкой, липкой землѣ, дрожали на вѣтру одуванчики, млѣлъ на солнцепекѣ у забора дырявый сапожокъ. Впереди великолѣпный крутой холмъ поднимался стѣной въ

небо. Рѣшилъ на него взобраться. Великолѣпіе его оказалось обманомъ. Среди низкорослыхъ буковъ и бузины вилась вверхъ зигзагами ступенчатая тропинка. Казалось, вотъ-вотъ сейчасъ дойду до какой-то чудной глухой красоты, но ея все не было. Эта растительность, нищая и неказистая, меня не удовлетворяла, кусты росли прямо на голой землѣ, и все было загажено, бумажонки, тряпки, отбросы. Со ступеней тропинки, проложенной очень глубоко, некуда было свернуть; изъ земляныхъ стѣнъ по бокамъ, какъ пружины изъ ветхой мебели, торчали корни и клочья гнилого мха. Когда я наконецъ дошелъ {8} доверху, тамъ оказались кривые домики, да на веревкѣ надувались мнимой жизнью подштанники.

Облокотясь на узловатые перила, я увидѣлъ внизу одернутую легкой поволокой Прагу, мрѣющія крыши, дымящія трубы, дворъ казармы, крохотную бѣлую лошадь. Рѣшилъ вернуться другимъ путемъ и сталъ спускаться по шоссейной дорогѣ, которую нашелъ за домишками. Единственной красотой ландшафта былъ вдали, на пригоркѣ, окруженный голубизной неба круглый, румяный газоемъ, похожій на исплинскій футбольный мячъ. Я покинулъ шоссе и пошелъ опять вверхъ, по рѣдкому бобрику травы. Унылыя, бесплодныя мѣста, грохотъ грузовика на покинутой мною дорогѣ, навстрѣчу грузовику — телѣга, потомъ велосипедистъ, потомъ въ гнусную радугу окрашенный автомобиль фабрики лаковъ.

Нѣкоторое время я глядѣлъ со ската на шоссе; повернулся, пошелъ дальше, нашелъ что-то вродѣ тропинки между двухъ лысыхъ горбовъ и искалъ глазами гдѣ бы присѣсть отдохнуть. Поодаль, около терновыхъ кустовъ, лежалъ навзничъ, раскинувъ ноги, съ картузомъ на лицѣ, человекъ. Я прошелъ было мимо, но что-то въ его позѣ странно привлекло мое вниманіе, — эта подчеркнутая неподвижность, мертво раздвинутыя колѣни, деревянность полусогнутой руки. Онъ былъ въ обшарканныхъ плисовыхъ штанахъ и темномъ пиджачкѣ.

«Глупости, — сказалъ я себѣ, — онъ спитъ, онъ просто спитъ. Чего буду соваться, разглядывать». И все же я подошелъ и носкомъ моего изящнаго ботинка брезгливо скинулъ съ его лица картузь.

Оркестръ, играй тушь! Или лучше: дробь барабана, {9} какъ при задыхающемся акробатическомъ трюкѣ! Невѣроятная минута. Я усомнился въ дѣйствительности происходящаго, въ здравости моего разсудка, мнѣ сдѣлалось почти дурно — честное слово, — я сѣлъ рядомъ, — дрожали ноги. Будь на моемъ мѣстѣ другой, увидь онъ, что увидѣлъ я, его бы можетъ быть прежде всего охватилъ гомерическій смѣхъ. Меня же ошеломила таинственность увидѣннаго. Я глядѣлъ, — и все во мнѣ какъ-то срывалось, летало съ какихъ-то десятыхъ этажей. Я

смотрѣлъ на чудо. Чудо вызывало во мнѣ нѣкій ужасъ своимъ совершенствомъ, безпричинностью и безцѣльностью.

Тутъ, разъ я уже добрался до сути и утолилъ зудъ, не лишнее, пожалуй, слогу своему приказать: вольно — потихоньку повернуть вспять и установить, какое же настроеніе было у меня въ то утро, о чемъ я размышлялъ, когда, не заставъ контрагента, пошелъ погулять, ползъ на холмъ, глядѣлъ вдаль, на облыі румянецъ газоема среди вѣтренной синевы майскаго дня. Вернемся, установимъ. Вотъ, безъ цѣли еще, я блуждаю, я еще никого не нашелъ. О чемъ я, въ самомъ дѣлѣ, думалъ? То-то и оно, что ни о чемъ. Я былъ совершенно пустъ, какъ прозрачный сосудъ, ожидающій неизвѣстнаго, но неизбѣжнаго содержанія. Дымка какихъ-то мыслей, — о моемъ дѣлѣ, о недавно пріобрѣтенномъ автомобилѣ, о различныхъ свойствахъ тѣхъ мѣсть, которыми я шелъ, — дымка этихъ мыслей витала внѣ меня, а если что и звучало въ просторной моей пустотѣ, то лишь невнятное ощущеніе какой-то силы, влекущей меня. Одинъ умный латышъ, котораго я знавалъ въ девятнадцатомъ году въ Москвѣ, сказалъ мнѣ однажды, что безпричинная задумчивость, {10} иногда обволакивающая меня, признакъ того, что я кончу въ сумасшедшемъ домѣ. Конечно, онъ преувеличивалъ, — я за этотъ годъ хорошо испыталъ необыкновенную ясность и стройность того логическаго зодчества, которому предавался мой сильно развитый, но вполнѣ нормальный разумъ. Интуитивныя игры, творчество, вдохновеніе, все то возвышенное, что украшало мою жизнь, можетъ, допустимъ, показаться профану, пускай умному профану, предисловіемъ къ невинному помѣшательству. Но успокойтесь, я совершенно здоровъ, тѣло мое чисто какъ снаружи, такъ и внутри, поступь легка, я не пью, курю въ мѣру, не развратничаю. Здоровый, прекрасно одѣтый, очень моложавый, я блуждалъ по только-что описаннымъ мѣстамъ, — и тайное вдохновеніе меня не обмануло, я нашелъ то, чего безсознательно искалъ. Повторяю, невѣроятная минута. Я смотрѣлъ на чудо, и чудо вызывало во мнѣ нѣкій ужасъ своимъ совершенствомъ, безпричинностью, безцѣльностью, но быть можетъ уже тогда, въ ту минуту, разсудокъ мой началъ пытаться совершенство, добиваться причины, разгадывать цѣль.

Онъ сильно потянулъ носомъ, зыбъ жизни побѣжала по лицу, чудо слегка замутилось, но не ушло. Затѣмъ онъ открылъ глаза, покосился на меня, приподнялся и началъ, зѣвая и все недозѣвая, скрести обѣими руками въ жирныхъ русыхъ волосахъ.

Это былъ человекъ моего возраста, долговязый, грязный, дня три не брившійся; между нижнимъ краемъ воротничка (мягкаго, съ двумя петельками спереди для несуществующей булавки) и верхнимъ краемъ рубашки розѣла полоска кожи. Тоцій конецъ вязанаго галстука свѣ-

сился на бокъ, и на груди не {11} было ни одной пуговицы. Въ петлицѣ пиджака увядалъ пучекъ блѣдныхъ фіалокъ, одна выбилась и висѣла головкой внизъ. Подлѣ лежалъ грушевидный заплочный мѣшокъ съ ремнями, подлеченными веревкой. Я разсматривалъ бродягу съ неизъяснимымъ удивленіемъ, словно это онъ такъ нарядился нарочно, ради простоватаго маскарада.

«Папироса найдется?» — спросилъ онъ по-чешски, неожиданно низкимъ, даже солиднымъ голосомъ и сдѣлалъ двумя разставленными пальцами жестъ куренія.

Я протянулъ ему мою большую кожаную папиросницу, ни на мгновение не спуская съ него глазъ. Онъ пододвинулся, опершись ладонью оземь. Тѣмъ временемъ я осмотрѣлъ его ухо и впалый високъ.

«Нѣмецкія», — сказалъ онъ и улыбнулся, — показавъ десны; это меня разочаровало, но къ счастью улыбка тотчасъ исчезла (мнѣ теперь не хотѣлось разставаться съ чудомъ).

«Вы нѣмецъ?» — спросилъ онъ по-нѣмецки, вертя, уплотняя папиросу.

Я отвѣтилъ утвердительно и щелкнулъ передъ его носомъ зажигалкой. Онъ жадно сложилъ ладони куполомъ надъ мятущимся маленькимъ пламенемъ. Ногти — черно-синіе, квадратные.

«Я тоже нѣмецъ, — сказалъ онъ, выпустивъ дымъ, — то-есть, мой отецъ былъ нѣмецъ, а мать изъ Пильзена, чешка».

Я все ждалъ отъ него взрыва удивленія, — можетъ быть гомерическаго смѣха, — но онъ оставался невозмутимъ. Уже тогда я понималъ, какой это оболтусъ. {12}

«Да, я выпался», — сказалъ онъ самому себѣ съ тупымъ удовлетвореніемъ и смачно сплюнулъ.

Я спросилъ: «Вы что — безъ работы?»

Скорбно закивалъ и опять сплюнулъ. Всегда удивляюсь тому, сколько слюны у простого народа.

«Я могу больше пройти, чѣмъ мои сапоги», — сказалъ онъ, глядя на свои ноги. Обувь у него была, дѣйствительно, неважная.

Медленно перевалившись на животъ и глядя вдаль, на газоемъ, на жаворонка, поднявшагося съ межи, онъ мечтательно проговорилъ:

«Въ прошломъ году у меня была хорошая работа въ Саксоніи, неподалеку отъ границы. Садовничалъ — что можетъ быть лучше? Потомъ работалъ въ кондитерской. Мы каждый день съ товарищемъ послѣ работы переходили границу, чтобы выпить по кружкѣ пика. Девять верстъ туда и столько же обратно, оно въ Чехіи дешевле. А одно время я игралъ на скрипкѣ, и у меня была бѣлая мышь».

Теперь поглядимъ со стороны, — но такъ, мимоходомъ, не всматриваясь въ лица, не всматриваясь, господа, — а то слишкомъ удивитесь. А впрочемъ все равно, — послѣ всего случившагося я знаю, увы, какъ плохо и пристрастно людское зрѣніе. Итакъ: двое рядомъ на чахлой травѣ. Прекрасно одѣтый господинъ, хлопающій себя желтой перчаткой по колѣну, и разсѣянный бродяга, лежащій ничкомъ и жалующійся на жизнь. Жесткій трепетъ терновыхъ кустовъ, бѣгушія облака, майскій день, вздрагивающій отъ вѣтра, какъ вздрагиваетъ лошадиная кожа, дальній грохотъ грузовика со стороны шоссе, голосокъ жаворонка въ небѣ. {13} Бродяга говорилъ съ перерывами, изрѣдка сплевывая. То да сѣ, то да сѣ... Меланхолично вздыхалъ. Лежа ничкомъ, отгибалъ икры къ заду и опять вытягивалъ ноги.

«Послушайте, — не вытерпѣлъ я, — неужели вы ничего не замѣчаете?»

Перевернулся, сѣлъ. «Въ чемъ дѣло?» — спросилъ онъ, и на его лицѣ появилось выраженіе хмурой подозрительности.

Я сказалъ: «Ты, значить, слѣпъ».

Секундъ десять мы смотрѣли другъ другу въ глаза. Я медленно поднялъ правую руку, но его шуйца не поднялась, а я почти ожидалъ этого. Я прищурилъ лѣвый глазъ, но оба его глаза остались открытыми. Я показалъ ему языкъ. Онъ пробормоталъ опять: «Въ чемъ дѣло, въ чемъ дѣло?»

Было у меня зеркальце въ карманѣ. Я его далъ ему. Еще только беря его, онъ всей пятерней мазнулъ себя по лицу, взглянулъ на ладонь, но ни крови, ни грязи не было. Посмотрѣлся въ блестящее стекло. Пожалъ плечами и отдалъ.

«Мы же съ тобой, болванъ, — крикнулъ я, — мы же съ тобой — ну развѣ, болванъ, не видишь, ну посмотри на меня хорошенько...»

Я привлекъ его голову къ моей, високъ къ виску, въ зеркальцѣ запрыгали и поплыли наши глаза.

Онъ снисходительно сказалъ: «Богатый на бѣдняка не похожъ, — но вамъ виднѣе... Вотъ помню на ярмаркѣ двухъ близнецовъ, это было въ августѣ двадцать шестого года или въ сентябрѣ, нѣтъ, кажется, въ августѣ. Такъ тамъ дѣйствительно — ихъ нельзя было {14} отличить другъ отъ друга. Предлагали сто марокъ тому, кто найдетъ примѣту. Хорошо, говоритъ рыжій Фрицъ, и баць одному изъ близнецовъ въ ухо. Смотрите, говоритъ, у этого ухо красное, а у того нѣтъ, давайте сюда ваши сто марокъ. Какъ мы смѣялись!»

Его взглядъ скользнулъ по дорогой блѣдно-сѣрой матеріи моего костюма, побѣжалъ по рукаву, споткнулся о золотые часики на кисти.

«А работы у васъ для меня не найдется?» — освѣдомился онъ, склонивъ голову на бокъ.

Отмѣчу, что онъ первый, не я, почувалъ масонскую связь нашего сходства, а такъ какъ установленіе этого сходства шло отъ меня, то я находился, по его бессознательному расчету, въ тонкой отъ него зависимости, точно мимикрирующимъ видомъ былъ я, а онъ — образцомъ. Всякій, конечно, предпочитаетъ, чтобы сказали: онъ похожъ на васъ, — а не наоборотъ: вы на него. Обращаясь ко мнѣ съ просьбой, этотъ мелкій мошенникъ испытывалъ почву для будущихъ требованій. Въ его туманномъ мозгу мелькала, можетъ быть, мысль, что мнѣ полагается быть ему благодарнымъ за то, что онъ существованіемъ своимъ щедро даетъ мнѣ возможность походить на него. Наше сходство казалось мнѣ игрой чудесныхъ силъ. Онъ въ нашемъ сходствѣ усматривалъ участіе моей воли. Я видѣлъ въ немъ своего двойника, то-есть существо, физически равное мнѣ, — именно это полное равенство такъ мучительно меня волновало. Онъ же видѣлъ во мнѣ сомнительнаго подражателя. Подчеркиваю однако туманность этихъ его мыслей. По крайней тупости своей онъ, разумѣется, не понялъ бы моихъ комментаріевъ къ нимъ. {15}

«Въ настоящее время ничѣмъ помочь тебѣ не могу, — отвѣтилъ я холодно, — но дай мнѣ свой адресъ». Я вынулъ записную книжку и серебряный карандашъ.

Онъ усмѣхнулся: «Не могу сказать, чтобы у меня сейчасъ была вила. Лучше спать на сѣновалѣ, чѣмъ въ лѣсу, но лучше спать въ лѣсу, чѣмъ на скамейкѣ».

«А все-таки, — сказалъ я, — гдѣ въ случаѣ чего можно тебя найти?»

Онъ подумалъ и отвѣтилъ: «Осенью я навѣрное буду въ той деревнѣ, гдѣ работалъ прошлой осенью. Вотъ на тамошній почтамтъ и адресуйте. Неподалеку отъ Тарница. Дайте, запишу».

Его имя оказалось: Феликсъ, что значитъ «счастливый». Фамилію, читатель, тебѣ знать незачѣмъ. Почеркъ неуклюжій, скрипящій на поворотахъ. Писалъ онъ лѣвой рукой.

Мнѣ было пора уходить. Я далъ ему десять кронъ. Снисходительно осклабясь, онъ протянулъ мнѣ руку, оставаясь при этомъ въ полулежащемъ положеніи.

Я быстро пошелъ къ шоссе. Обернувшись, я увидѣлъ его темную, долговязую фигуру среди кустовъ: онъ лежалъ на спинѣ, перекинувъ ногу на ногу и подложивъ подъ темя руки. Я почувствовалъ вдругъ, что ослабѣлъ, прямо изнемогъ, кружилась голова, какъ послѣ долгой и мерзкой оргіи. Меня сладко и мутно волновало, что онъ такъ хладнокровно, будто невзначай, въ разсѣяніи, прикарманилъ серебряный карандашъ.

Шагая по обочинѣ, я время отъ времени прикрывалъ глаза и едва не попалъ въ канаву. Потомъ, въ конторѣ, среди дѣлового разговора меня такъ и подмывало вдругъ сообщить моему собесѣднику: «Со мною случилась невѣроятная вещь. Представьте себѣ...» {16} Но я ничего не сказалъ и этимъ создалъ прецедентъ тайны. Когда я наконецъ вернулся къ себѣ въ номеръ, то тамъ, въ ртутныхъ тѣняхъ, обрамленный курчавой бронзой, ждалъ меня Феликсъ. Съ серьезнымъ и блѣднымъ лицомъ онъ подошелъ ко мнѣ вплотную. Былъ онъ теперь чисто выбритъ, гладко зачесанные назадъ волосы, блѣдно сѣрый костюмъ, сиреневый галстукъ. Я вынулъ платокъ, онъ вынулъ платокъ тоже. Перемирие, переговоры...

Пыль предмѣстья набилась мнѣ въ ноздри. Сморкаясь, я присѣлъ на край постели, продолжая смотрѣться въ олакрезъ. Помню, что мелкіе признаки бытія, — щекотка въ носу, голодъ, и потомъ рыжій вкусъ шницеля въ ресторанѣ, — странно меня занимали, точно я искалъ и находилъ (и все-таки слегка сомнѣвался) доказательства тому, что я — я, что я (средней руки комерсантъ съ замашками) дѣйствительно нахожусь въ гостиницѣ, обѣдаю, думаю о дѣлахъ и ничаго не имѣю общаго съ бродягой, валяющимся сейчасъ гдѣ-то за-городомъ, подъ кустомъ. И вдругъ снова у меня сжималось въ груди отъ ощущенія чуда. Вѣдь этотъ человѣкъ, особенно когда онъ спалъ, когда черты были неподвижны, являлъ мнѣ мое лицо, мою маску, безупречную и чистую личину моего трупа, — я говорю, трупа только для того, чтобы съ предѣльной ясностью выразить мою мысль, — какую мысль? — а вотъ какую: у насъ были тождественныя черты, и въ совершенномъ покоѣ тождество это достигало крайней своей очевидности, — а смерть это покой лица, художественное его совершенство: жизнь только портила мнѣ двойника: такъ вѣтеръ туманитъ счастье Нарцисса, такъ входитъ ученикъ въ отсутствіе художника и непрошенной {17} игрой лишнихъ красокъ искажаетъ мастеромъ написанный портретъ. И еще я думалъ о томъ, что именно мнѣ, особенно любившему и знавшему свое лицо, было легче, чѣмъ другому, обратить вниманіе на двойника, — вѣдь не всѣ такъ внимательны, вѣдь часто бываетъ, что говоришь «какъ похожи!» о двухъ знакомыхъ между собою людяхъ, которые не подозрѣваютъ о подобіи своемъ (и стали бы отрицать его не безъ досады, ежели его имъ открыть). Возможность, однако, такого совершеннаго сходства, какое было между мной и Феликсомъ, никогда прежде мною не предполагалась. Я видалъ схожихъ братьевъ, соутробниковъ, я видалъ въ кинематографѣ двойниковъ, то есть актера въ двухъ роляхъ, — какъ и въ нашемъ случаѣ, наивно подчеркивалась разница общественнаго положенія: одинъ непремѣнно бѣденъ, а другой состоятеленъ, одинъ — бродяга въ кепкѣ, съ расхристанной походкой, а другой — солидный буржуа съ автомобилемъ, —

какъ будто и впрямь чета схожихъ бродягъ или чета схожихъ джентльменовъ менѣе поражала бы воображеніе. Да, я все это видалъ, — но сходство близнецовъ испорчено штампомъ родственности, а фильмoвый актеръ въ двухъ роляхъ никого не обманываетъ, ибо если онъ и появляется сразу въ двухъ лицахъ, то чувствуешь поперекъ снимка линію склейки. Въ данномъ же случаѣ не было ни анеміи близнячества (кровь пошла на двоихъ), ни трюка иллюзіониста.

Я желаю во чтобы то ни стало, и я этого добьюсь, убѣдить всѣхъ васъ, заставить васъ, негодяевъ, убѣдиться, — но боюсь, что по самой природѣ своей, слово не можетъ полностью изобразить сходство двухъ {18} человѣческихъ лицъ, — слѣдовало бы написать ихъ рядомъ не словами, а красками, и тогда зрителю было бы ясно, о чемъ идетъ рѣчь. Высшая мечта автора: превратить читателя въ зрителя, — достигается ли это когда-нибудь? Блѣдные организмы литературныхъ героевъ, питаюсь подъ руководствомъ автора, наливаются живой читательской кровью; геній писателя состоитъ въ томъ, чтобы дать имъ способность ожить благодаря этому питанію и жить долго. Но сейчасъ мнѣ нужна не литература, а простая, грубая наглядность живописи. Вотъ мой носъ, — крупный, сѣвернаго образца, съ крѣпкой костью и почти прямоугольной мякиной. Вотъ его носъ, — точь-въ-точь такой же. Вотъ эти двѣ рѣзкія бороздки по сторонамъ рта и тонкія, какъ бы слизанныя губы. Вотъ онѣ и у него. Вотъ скулы... Но это — паспортный, ничего не говорящій перечень чертъ, и въ общемъ ерундовая условность. Кто-то когда-то мнѣ сказалъ, что я похожъ на Амундсена. Вотъ онъ тоже похожъ на Амундсена. Но не всѣ помнятъ Амундсеново лицо, я самъ сейчасъ плохо помню. Нѣтъ, ничего не могу объяснить.

Жеманничаю. Знаю, что доказалъ. Все обстоитъ великолѣпно. Читатель, ты уже видишь насъ. Одно лицо! Но не думай, я не стѣсняюсь возможныхъ недостатковъ, мелкихъ опечатокъ въ книгѣ природы. Присмотрись: у меня большіе желтоватые зубы, у него они тѣснѣе, свѣтлѣе, — но развѣ это важно? У меня на лбу надувается жила, какъ недочерченная «мысль», но когда я сплю, у меня лобъ такъ же гладокъ, какъ у моего дубликата. А уши... изгибы его раковинъ очень мало измѣнены противъ моихъ: спрессованы тутъ, разглажены тамъ. Разрѣзь глазъ одинаковъ, узкіе глаза, {19} подтянутые, съ рѣдкими рѣсницами, — но они у него цвѣтомъ блѣднѣе. Вотъ, кажется, и всѣ отличительныя примѣты, которыя въ ту первую встрѣчу я могъ высмотрѣть. Въ тотъ вечеръ, въ ту ночь я памятью разсудка перебиралъ эти незначительныя погрѣшности, а глазной памятью видѣлъ, вопреки всему, себя, себя, въ жалкомъ образѣ бродяги, съ неподвижнымъ лицомъ, съ колючей тѣнью — какъ за-ночь у покойниковъ — на подбородкѣ и щекахъ...

Почему я замѣшкаться въ Прагѣ? Съ дѣлами было покончено, я свободенъ былъ вернуться въ Берлинъ. Почему? Почему на другое утро я опять отправился на окраину и пошелъ по знакомому шоссе? Безъ труда я отыскалъ мѣсто, гдѣ онъ вчера валялся. Я тамъ нашелъ золотой окурокъ, кусокъ чешской газеты и еще — то жалкое, безличное, что незатѣйливый пѣшеходъ оставляетъ подѣ кустомъ. Нѣсколько изумрудныхъ мухъ дополняло картину. Куда онъ ушелъ, гдѣ провелъ ночь? Праздные, неразрѣшимые вопросы. Мнѣ стало нехорошо на душѣ, смутно, тягостно, словно все, что произошло, было недобрымъ дѣломъ. Я вернулся въ гостиницу за чемоданомъ и поспѣшилъ на вокзалъ. У выхода на дебаркадеръ стояли въ два ряда низкія, удобныя, по спинному хребту выгнутыя скамейки, тамъ сидѣли люди, кое-кто дремалъ. Мнѣ подумалось: вотъ сейчасъ увижу его, спящимъ, съ раскрытыми руками, съ послѣдней уцѣлѣвшей фіалкой въ петлицѣ. Насъ бы замѣтили рядомъ, вскочили, окружили, потащили бы въ участокъ. Почему? Зачѣмъ я это пишу? Привычный разбѣгъ пера? Или въ самомъ дѣлѣ есть уже преступленіе въ томъ, чтобы какъ двѣ капли крови походить другъ на друга? {20}

ГЛАВА II.

Я слишкомъ привыкъ смотрѣть на себя со стороны, быть собственнымъ натурщикомъ — вотъ почему мой слогъ лишенъ благодатнаго духа непосредственности. Никакъ не удастся мнѣ вернуться въ свою оболочку и по старому расположиться въ самомъ себѣ, — такой тамъ безпорядокъ: мебель переставлена, лампочка перегорѣла, прошлое мое разорвано на клочки.

А я былъ довольно счастливъ. Въ Берлинѣ у меня была небольшая, но симпатичная квартира, — три съ половиной комнаты, солнечный балконъ, горячая вода, центральное отопленіе, жена Лида и горничная Эльза. По сосѣдству находился гаражъ, и тамъ стоялъ пріобрѣтенный мной на выплату, хорошенькій, темно-синій автомобиль, — двухмѣстный. Успѣшно, хоть и медлительно, росъ на балконѣ круглый, натуженный, сѣдовласый кактусъ. Папиросы я покупалъ всегда въ одной и той же лавкѣ, и тамъ встрѣчали меня счастливой улыбкой. Такая же улыбка встрѣчала жену тамъ, гдѣ покупались масло и яйца. По субботамъ мы ходили въ кафе или кинематографъ. Мы принадлежали къ сливкамъ мѣщанства, — по крайней мѣрѣ такъ могло казаться. Однако, по возвращеніи домой изъ конторы, я не разувался, не ложился на кушетку съ вечерней газетой. Разговоръ мой съ женой не

состоялъ исключительно изъ небольшихъ цифръ. Приключенія моего шоколада притягивали мысль не всегда. Мнѣ, признаюсь, была не чужда нѣкоторая склонность къ богемѣ. Что касается моего отношенія къ новой Россіи, то прямо скажу: мнѣнїи моей жены я не раздѣлялъ. Понятіе {21} «большевики» принимало въ ея крашенныхъ устахъ оттѣнокъ привычной и ходульной ненависти, — нѣтъ, пожалуй «ненависть» слишкомъ страстно сказано, — это было что-то домашнее, элементарное, бабье, — большевиковъ она не любила, какъ не любишь дождя (особенно по воскресеніямъ), или клоповъ (особенно въ новой квартирѣ), — большевизмъ былъ для нея чѣмъ-то природнымъ и непріятнымъ, какъ простуда. Обоснованіе этихъ взглядовъ подразумѣвалось само собой, толковать ихъ было незачѣмъ. Большевикъ не вѣритъ въ Бога, — ахъ, какой нехорошій, — и вообще — хулиганъ и садистъ. Когда я бывало говорилъ, что коммунизмъ въ конечномъ счетѣ — великая, нужная вещь, что новая, молодая Россія создаетъ замѣчательныя цѣнности, пускай непонятныя европейцу, пускай непріемлемыя для обездоленнаго и обозленнаго эмигранта, что такого энтузіазма, аскетизма, безкорыстія, вѣры въ свое грядущее единообразіе еще никогда не знала исторія, — моя жена невозмутимо отвѣчала: «Если ты такъ говоришь, чтобы дразнить меня, то это не мило». Но я дѣйствительно такъ думаю, т. е. дѣйствительно думаю, что надобно что-то такое кореннымъ образомъ измѣнить въ нашей пестрой, неуловимой, запутанной жизни, что коммунизмъ дѣйствительно создастъ прекрасный квадратный міръ одинаковыхъ здоровяковъ, широкоплечихъ микроцефаловъ, и что въ непріязни къ нему есть нѣчто дѣтское и предвзятое, вродѣ ужимки, къ которой прибѣгаетъ моя жена, напрягаетъ ноздри и поднимаетъ бровь (то-есть даетъ дѣтскій и предвзятый образъ роковой женщины) всякій разъ, какъ смотрится — даже мелькомъ — въ зеркало. {22}

Вотъ, не люблю этого слова. Страшная штука. Съ тѣхъ поръ, какъ я пересталъ бриться, онаго не употребляю. Между тѣмъ упоминаніе о немъ непріятно взволновало меня, прервало теченіе моего разсказа. (Представьте себѣ, что слѣдуетъ: исторія зеркаль.). А есть и кривыя зеркала, зеркала-чудовища; малѣйшая обнаженность шеи вдругъ удлиняется, а снизу, навстрѣчу ей, вытягивается другая, неизвѣстно откуда взявшаяся марципановая нагота, и обѣ сливаются; кривое зеркало раздѣваетъ человѣка или начинаетъ уплотнять его, и получается человѣкъ-быкъ, человѣкъ-жаба, подъ давленіемъ неисчислимыхъ зеркальныхъ атмосферъ, — а не то тянешься, какъ тѣсто, и рвешься пополамъ, — уйдемъ, уйдемъ, — я не умѣю смѣяться гомерическимъ смѣхомъ, — все это не такъ просто, какъ вы, сволочи, думаете. Да, я буду ругаться, никто не можетъ мнѣ запретить ругаться. И не имѣтъ

зеркала въ комнатѣ — тоже мое право. А въ крайнемъ случаѣ (чего я, дѣйствительно, боюсь?) отразился бы въ немъ незнакомый бородачъ, — здорово она у меня выросла, эта самая борода, — и за такой короткій срокъ, — я другой, совсѣмъ другой, — я не вижу себя. Изъ всѣхъ поръ претъ волосъ. Повидимому внутри у меня были огромные запасы косматости. Скрываюсь въ естественной чащѣ, выросшей изъ меня. Мнѣ нечего бояться. Пустая суевѣрность. Вотъ я напишу опять то слово. Олакрезъ. Зеркало. И ничего не случилось. Зеркало, зеркало, зеркало. Сколько угодно, — не боюсь. Зеркало. Смотрѣться въ зеркало. Я это говорилъ о женѣ. Трудно говорить, если меня все время перебиваютъ.

Она между прочимъ тоже была суевѣрна. Сухо дерево. {23} Торопливо, съ рѣшительнымъ видомъ, плотно сжавъ губы, искала какой-нибудь голый, неполированной деревянности, чтобы легонько тронуть ее своими короткими пальцами, съ подушечками вокругъ землянично-яркихъ, но всегда, какъ у ребенка, не очень чистыхъ ногтей, — поскорѣе тронуть, пока еще не остыло въ воздухѣ упоминаніе счастья. Она вѣрила въ сны, — выпавшій зубъ — смерть знакомаго, зубъ съ кровью — смерть родственника. Жемчуга это слезы. Очень дурно видѣть себя въ бѣломъ платьѣ, сидящей во главѣ стола. Грязь — это богатство, кошка — измѣна, море — душевныя волненія. Она любила подолгу и обстоятельно рассказывать свои сны. Увы, я пишу о ней въ прошедшемъ времени. Подтянемъ пряжку рассказа на одну дырочку.

Она ненавидитъ Ллойдъ-Джорджа, изъ-за него, дескать, погибла Россія, — и вообще: «Я бы этихъ англичанъ своими руками передушила». Нѣмцамъ попадаетъ за пломбированный поѣздъ (большевичный консервъ, импортъ Ленина). Французамъ: «Мнѣ, знаешь, рассказывалъ Ардаліонъ, что они держались по-хамски во время эвакуаціи». Вмѣстѣ съ тѣмъ она находитъ типъ англичанина (послѣ моего) самымъ красивымъ на свѣтѣ, нѣмцевъ уважаетъ за музыкальность и солидность и «обожаетъ Парижъ», гдѣ какъ то провела со мной нѣсколько дней. Эти ея убѣжденія неподвижны, какъ статуи въ нишахъ. Зато ея отношеніе къ русскому народу продѣлало все-таки нѣкоторую эволюцію. Въ двадцатомъ году она еще говорила: «Настоящій русскій мужикъ — монархистъ!». Теперь она говоритъ: «Настоящій русскій мужикъ вымеръ». Она мало образована и мало наблюдательна. Мы {24} выяснили какъ-то, что слово «мистикъ» она принимала всегда за уменьшительное, допуская такимъ образомъ существованіе какихъ-то настоящихъ, большихъ «мистовъ», въ черныхъ тогахъ, что-ли, со звѣздными лицами. Единственное дерево, которое она отличаетъ, это береза: наша, молъ, русская. Она читаетъ запоемъ, и все — дребедень, ничего не запоминая и выпуская длинныя описанія. Ходитъ по книги въ русскую библіотеку,

сидитъ тамъ у стола и долго выбираетъ, ощупываетъ, перелистываетъ, заглядываетъ въ книгу бокомъ, какъ курица, высматривающая зерно, — откладываетъ, — беретъ другую, открываетъ, — все это дѣлается одной рукой, не снимая со стола, — замѣтивъ, что открыла вверхъ ногами, поворачиваетъ на девяносто градусовъ, — и тутъ же быстро тянется къ той, которую библиотечаръ готовится предложить другой дамѣ, — все это длится больше часа, а чѣмъ опредѣляется ея конечный выборъ — не знаю, быть можетъ заглавіемъ. Однажды я ей привезъ съ вокзала пустяковый криминальный романъ въ обложкѣ, украшенной краснымъ крестовикомъ на черной паутинѣ, — принялась читать, адски интересно, просто нельзя удержаться, чтобы не заглянуть въ конецъ, — но, такъ какъ это все-бы испортило, она, зажмурясь, разорвала книгу по корешку на двѣ части и заключительную спрятала, а куда — забыла, и долго-долго искала по комнатамъ ея же сокрытаго преступника, приговаривая тонкимъ голосомъ: «Это такъ было интересно, такъ интересно, я умру, если не узнаю».

Она теперь узнала. Эти все объясняющія страницы были хорошо запрятаны, но онѣ нашлись, всѣ, кромѣ, быть можетъ, одной. Вообще много чего произошло {25} и теперь объяснилось. Случилось и то, чего она больше всего боялась. Изъ всѣхъ примѣтъ это была самая жуткая. Разбитое зеркало. Да, такъ оно и случилось, но несовсѣмъ обычнымъ образомъ. Бѣдная покойница!

Ти-ри-бомъ. И еще разъ — бомъ! Нѣтъ, я не сошелъ съ ума, это я просто издаю маленькіе радостные звуки. Такъ радуешься, надувъ кого-нибудь. А я только-что здорово кого-то надулъ. Кого? Посмотришь, читатель, въ зеркало, благо ты зеркала такъ любишь.

Но теперь мнѣ вдругъ стало грустно, — по-настоящему. Я вспомнилъ вдругъ такъ живо этотъ кактусъ на балконѣ, эти синія наши комнаты, эту квартиру въ новомъ домѣ, выдержанную въ современномъ коробочно - обжулю - пространство - безфинтифлюшечномъ стилѣ, — и на фонѣ моей аккуратности и чистоты ералашъ, который всюду сѣяла Лида, сладкій, вульгарный запахъ ея духовъ. Но ея недостатки, ея святая тупость, институтскіе фурирчики въ подушку, не сердили меня. Мы никогда не ссорились, я никогда не сдѣлалъ ей ни одного замѣчанія, — какую бы глупость она на людяхъ ни сморозила, какъ бы дурно она ни одѣлась. Не разбиралась, бѣдная, въ оттѣнкахъ: ей казалось, что, если все одного цвѣта, цѣль достигнута, гармонія полная, и поэтому она могла нацѣпить изумрудно-зеленую фетровую шляпу при платьѣ оливковымъ или нильской воды. Любила, чтобы все «повторялось», — если кушакъ черный, то уже непременно какой-нибудь черный кантикъ или черный бантикъ на шеѣ. Въ первые годы нашего брака она носила бѣлье

со швейцарскимъ шитьемъ. Ей ничего не стоило къ воздушному платью надѣть плотныя осенніе башмаки, — нѣтъ, тайны гармоніи ей были совершенно недоступны, {26} и съ этимъ связывалась необычайная ея безалаберность, неряшливость. Неряшливость сказывалась въ самой ея походкѣ: мгновенно стаптывала каблукъ на лѣвой ногѣ. Страшно было заглянуть въ ящикъ комода, — тамъ кишѣли, свившись въ клубокъ, тряпочки, ленточки, куски матеріи, ея паспортъ, обрѣзокъ молю подѣденнаго мѣха, еще какіе-то анахронизмы, напримѣръ, дамскія гетры — однимъ словомъ, Богъ знаетъ что. Частенько и въ царство моихъ аккуратно сложенныхъ вещей захаживалъ какой-нибудь грязный кружевной платочекъ или одинокій рваный чулокъ: чулки у нея рвались немедленно, — словно сгорали на ея бойкихъ икрахъ. Въ хозяйствѣ она не понимала ни аза, гостей принимала ужасно, къ чаю почему-то подавалась въ вазочкѣ наломанная на кусочки плитка молочнаго шоколада, какъ въ бѣдной провинціальной семьѣ. Я иногда спрашивалъ себя, за что, собственно, ее люблю, — можетъ быть, за теплый карій раекъ пушистыхъ глазъ, за естественную боковую волну въ кое-какъ причесанныхъ каштановыхъ волосахъ, за круглыя, подвижныя плечи, а всего вѣрнѣе — за ея любовь ко мнѣ.

Я былъ для нея идеаломъ мужчины: умница, смѣльчакъ. Наряднѣе меня не одѣвался никто, — помню, когда я сшилъ себѣ новый смокингъ съ огромными панталонами, она тихо всплеснула руками, въ тихомъ изнеможеніи опустила на стулъ и тихо произнесла: «Ахъ, Германъ...» — это было восхищеніе, граничившее съ какой-то райской грустью.

Пользуясь ея довѣрчивостью, съ безотчетнымъ чувствомъ, быть можетъ, что, украшая образъ любимаго ею человѣка, иду ей навстрѣчу, творю доброе, полезное {27} для ея счастья дѣло, я за десять лѣтъ нашей совмѣстной жизни навралъ о себѣ, о своемъ прошломъ, о своихъ приключеніяхъ такъ много, что мнѣ самому все помнить и держать наготовѣ для возможныхъ ссылокъ — было бы непосильно. Но она забывала все, — ея зонтикъ перегостилъ у всѣхъ нашихъ знакомыхъ, исторія, прочитанная въ утренней газетѣ, сообщалась мнѣ вечеромъ приблизительно такъ: «Ахъ, гдѣ я читала, — и что это было... не могу поймать за хвостикъ, — подскажи, ради Бога», — дать ей опустить письмо равнялось тому, чтобы бросить его въ рѣку, положась на расторопность теченія и рыболовный досугъ получателя. Она путала даты, имена, лица. Понавыдумавъ чего-нибудь, я никогда къ этому не возвращался, она скоро забывала, рассказъ погружался на дно ея сознанія, но на поверхности оставалась вѣчно обновляемая зыбь нетребовательнаго изумленія. Ея любовь ко мнѣ почти выступала за ту черту, которая опредѣляла всѣ ея другія чувства. Въ

инья ночи — лунныя, лѣтнія, — самыя осѣдлыя ея мысли превращались въ робкихъ кочевниковъ. Это длилось недолго, заходили онѣ недалеко; міръ замыкался опять, — простѣйшій міръ; самое сложное въ немъ было разыскиваніе телефоннаго номера, записаннаго на одной изъ страницъ библіотечной книги, одолженной какъ разъ тѣмъ знакомымъ, которымъ слѣдовало позвонить.

Любила она меня безъ оговорокъ и безъ оглядокъ, съ какой-то естественной преданностью. Не знаю, почему я опять впалъ въ прошедшее время, — но все равно, — такъ удобнѣе писать. Да, она любила меня, вѣрно любила. Ей нравилось разсматривать такъ {28} и сякъ мое лицо: большимъ пальцемъ и указательнымъ, какъ циркулемъ, она мѣрила мои черты, — чуть колючее, съ длинной выемкой посрединѣ, надгубье, просторный лобъ, съ припухлостями надъ бровями, проводила ногтемъ по бороздкамъ съ обѣихъ сторонъ сжатаго, нечувствительнаго къ щекоткѣ, рта. Крупное лицо, непростое, вылъпленное на заказъ, съ блескомъ на маслакахъ и слегка впалыми щеками, которыя на второй день покрывались какъ разъ такимъ же рыжеватымъ на свѣтъ волосомъ, какъ у него. А сходство глазъ (правда, неполное сходство) это уже роскошь, — да и все равно они были у него прикрыты, когда онъ лежалъ передо мной, — и хотя я никогда не видалъ воочию, только ощупывалъ, свои сомкнутыя вѣки, я знаю, что они не отличались отъ евойныхъ, — удобное слово, пора ему въ калашный рядъ. Нѣтъ, я ничуть не волнуюсь, я вполне владѣю собой. Если мое лицо то и дѣло выскакиваетъ, точно изъ-за плетня, раздражая, пожалуй, деликатнаго читателя, то это только на благо читателю, — пускай ко мнѣ привыкнетъ; я же буду тихо радоваться, что онъ не знаетъ, мое ли это лицо или Феликса, — выгляну и спрячусь, — а это былъ не я. Только такимъ способомъ и можно читателя проучить, доказать ему на опытѣ, что это не выдуманное сходство, что оно можетъ, можетъ существовать, что оно существуетъ, да, да, да, — какъ бы искусственно и нелѣпо это ни казалось.

Когда я вернулся изъ Праги въ Берлинъ, Лида на кухнѣ взбивала гоголь-моголь... «Горлышко болитъ», — сказала она озабоченно; поставила стаканъ на плиту, отерла кистью желтыя губы и поцѣловала мою руку. {29} Розовое платье, розовые чулки, рваные шлепанцы... Кухню наполняло вечернее солнце. Она принялась опять вертѣть ложкой въ густой желтой массѣ, похрустывалъ сахарный песокъ, было еще рыхло, ложка еще не шла гладко, съ тѣмъ бархатнымъ оканіемъ котораго слѣдуетъ добиться. На плитѣ лежала открытая потрепанная книга; неизвѣстнымъ почеркомъ, тупымъ карандашемъ — замѣтка на полѣ: «Увы, это вѣрно» и три восклицательныхъ знака со съѣхавшими набокъ точками. Я прочелъ фразу, такъ понравившуюся одному изъ пред-

шественниковъ моей жены: «Любовь къ ближнему, проговорилъ сэръ Реджинальдъ, не котируется на биржѣ современныхъ отношеній».

«Ну какъ, — хорошо съѣздилъ?» — спросила жена, сильно вертя рукояткой и зажавъ ящикъ между колѣнъ. Кофейныя зерна потрескивали, крѣпко благоухали, мельница еще работала съ натугой и грохоткомъ, но вдругъ полегчало, сопротивленія нѣтъ, пустота...

Я что-то спуталъ. Это какъ во снѣ. Она вѣдь дѣлала гоголь-моголь, а не кофе.

«Такъ себѣ съѣздилъ. А у тебя что слышно?»

Почему я ей не сказалъ о невѣроятномъ моемъ приключеніи? Я, рассказывавшій ей уйму чудесныхъ небылицъ, точно не смѣлъ оскверненными не разъ устами повѣдать ей чудесную правду. А можетъ быть удерживало меня другое: писатель не читаетъ во всеуслышаніе неоконченнаго черновика, дикарь не произноситъ словъ, обозначающихъ вещи таинственныя, сомнительно къ нему настроенныя, сама Лида не любила преждевременнаго именованія едва свѣтающихся событій. {30}

Нѣсколько дней я оставался подъ гнетомъ той встрѣчи. Меня странно беспокоила мысль, что сейчасъ мой двойникъ шагаетъ по неизвѣстнымъ мнѣ дорогамъ, дурно питается, холодаетъ, мокнетъ, — можетъ быть уже простуженъ. Мнѣ ужасно хотѣлось, чтобы онъ нашель работу: пріятнѣе было бы знать, что онъ въ сохранности, въ теплѣ или хотя бы въ надежныхъ стѣнахъ тюрьмы. Вмѣстѣ съ тѣмъ я вовсе не собирался принять какія-либо мѣры для улучшенія его обстоятельствъ, содержать его мнѣ ни чуть не хотѣлось. Да и найти для него работу въ Берлинѣ, и такъ полномъ дворомыгъ, было все равно невозможно, — и, вообще говоря, мнѣ почему-то казалось предпочтительнѣе, чтобы онъ находился въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ меня, точно близкое съ нимъ сосѣдство нарушило бы чары нашего сходства. Время отъ времени, дабы онъ не погибъ, не опустился окончательно среди своихъ дальнихъ скитаній, оставался живымъ, вѣрнымъ носителемъ моего лица въ мірѣ, я бы ему, пожалуй, посылалъ небольшую сумму... Праздное благоволеніе, — ибо у него не было постояннаго адреса; такъ что повременимъ, дождемся того осенняго дня, когда онъ зайдетъ на почтамтъ въ глухомъ саксонскомъ селеніи.

Прошелъ май, и воспоминаніе о Феликсѣ затянулось. Отмѣчаю самъ для себя ровный ритмъ этой фразы: банальную повѣствовательность первыхъ двухъ словъ и затѣмъ — длинный вздохъ идиотическаго удовлетворенія. Любителямъ сенсацій я однако укажу на то, что затягивается, собственно говоря, не воспоминаніе, а рана. Но это — такъ, между прочимъ, безотносительно. Еще отмѣчу, что мнѣ теперь какъ то легче пишется, рассказъ мой тронулся: я уже попалъ {31} на тотъ авто-

бусь, о которомъ упоминалось въ началѣ, и ѣду не стоя, а сидя, со всѣми удобствами, у окна. Такъ по утрамъ я ѣздилъ въ контору, покамѣстъ не пріобрѣлъ автомобиля.

Ему въ то лѣто пришлось малость пошевелиться, — да, я увлекся этой блестящей синей игрушкой. Мы съ женой часто закатывались на весь день за-городъ. Обыкновенно забирали съ собой Ардаліона, добродушнаго и бездарнаго художника, двоюроднаго брата жены. По моимъ соображеніямъ, онъ былъ бѣденъ, какъ воробей; если кто-либо и заказывалъ ему свой портретъ, то изъ милости, а не то — по слабости воли (Ардаліонъ бывалъ невыносимо настойчивъ). У меня, и вѣроятно у Лиды, онъ бралъ займы по полтиннику, по маркѣ, — и ужъ конечно норовилъ у насъ пообѣдать. За комнату онъ не платилъ мѣсяцами или платилъ мертвой натурой, — какими-нибудь квадратными яблоками, разсыпанными по косою скатерти, или малиновой сиренью въ набокой вазѣ съ бликомъ. Его хозяйка обрамляла все это на свой счетъ; ея столовая походила на картинную выставку. Питался онъ въ русскомъ кабачкѣ, который когда-то «раздраконилъ»: былъ онъ москвичъ и любилъ слова этакія густыя, съ искрой, съ пошлѣйшей московской прищуринкой. И вотъ, несмотря на свою нищету, онъ какимъ-то образомъ ухитрился пріобрѣсти небольшой участокъ въ трехъ часахъ ѣзды отъ Берлина, — вѣрнѣе, внесъ первыя сто марокъ, будущіе взносы его не беспокоили, ни гроша больше онъ не собирался выложить, считая, что эта полоса земли оплодотворена первымъ его платежомъ и уже принадлежитъ ему на вѣки вѣчныя. Полоса была длиной въ двѣ съ половиной теннисныхъ {32} площадки и упиралась въ маленькое миловидное озеро. На ней росли двѣ неразлучныя березы (или четыре, если считать ихъ отраженія), нѣсколько кустовъ крушины, да поодаль пятокъ сосенъ, а еще дальше въ тылъ — немного вереска: дань окрестнаго лѣса. Участокъ не былъ огороженъ, — на это не хватило средствъ; Ардаліонъ по моему ждалъ, чтобы огородились оба смежныхъ участка, автоматически узаконивъ предѣлы его владѣній и давъ ему даровой частоколь; но эти сосѣднія полосы еще не были проданы, — вообще продажа шла туго въ данномъ мѣстѣ: сыро, комары, очень далеко отъ деревни, а дороги къ шоссе еще нѣтъ, и когда ее проложатъ неизвѣстно.

Первый разъ мы побывали тамъ (поддавшись восторженнымъ угорамъ Ардаліона) въ серединѣ іюня. Помню, воскреснымъ утромъ мы заѣхали за нимъ, я сталъ трубить, глядя на его окно. Окно спало крѣпко. Лида сдѣлала рупоръ изъ рукъ и крикнула: «Ардаліо-ша!» Яростно метнулась штора въ одномъ изъ нижнихъ оконъ, надъ вывѣской пивной, видъ которой почему-то наводилъ меня на мысль, что

Ардаліонъ тамъ задолжалъ немало, — метнулась, говорю я, штора, и сердито выглянулъ какой-то старый бисмаркъ въ халатѣ.

Оставивъ Лиду въ отдрожавшемъ автомобилѣ, я пошелъ поднимать Ардаліона. Онъ спалъ. Онъ спалъ въ купальномъ костюмѣ. Выкатившись изъ постели, онъ молча и быстро надѣлъ тапочки, натянулъ на купальное трико фланелевые штаны и синюю рубашку, захватилъ портфель съ подозрительнымъ вздутіемъ, и мы спустились. Торжественно сонное выраженіе мало {33} красило его толстоносое лицо. Онъ былъ посаженъ сзади, на тещино мѣсто.

Я дороги не зналъ. Онъ говорилъ, что знаетъ ее, какъ Отче Нашъ. Едва выѣхавъ изъ Берлина, мы стали плутать. Въ дальнѣйшемъ пришлось справляться: останавливались, спрашивали и потомъ поворачивали посреди невѣдомой деревни; маневрируя, наѣзжали задними колесами на куръ; я не безъ раздраженія сильно раскручивалъ руль, выпрямляя его, и, дернувшись, мы устремлялись дальше.

«Узнаю мои владѣнія! — воскликнулъ Ардаліонъ, когда около полудня мы проѣхали Кенигсдорфъ и попали на знакомое ему шоссе. — Я вамъ укажу, гдѣ свернуть. Привѣтъ, привѣтъ, столѣтнія деревья!»

«Ардаліончикъ, не валяй дурака», — мирно сказала Лида.

По сторонамъ шоссе тянулись бугристыя пустыни, верескъ и песокъ, кое-гдѣ мелкія сосенки. Потомъ все это немножко пригладилось — поле какъ поле, и за нимъ темная опушка лѣса. Ардаліонъ захопоталъ снова. На краю шоссе, справа, выросъ ярко-желтый столбъ, и въ этомъ мѣстѣ отъ шоссе исходила подъ прямымъ угломъ едва замѣтная дорога, призракъ старой дороги, почти сразу выдыхающей въ хвощахъ и дикомъ овсѣ.

«Сворачивайте», — важно сказалъ Ардаліонъ и, невольно крикнувъ, навалился на меня, ибо я затормазилъ.

Ты улыбнулся, читатель. Въ самомъ дѣлѣ — почему бы и не улыбнуться: пріятный лѣтній день, мирный пейзажъ, добродушный дуракъ-художникъ, придорожный столбъ. О, этотъ желтый столбъ... Поставленный {34} дѣльцомъ, продающимъ земельные участки, торчащій въ яркомъ одиночествѣ, блудный братъ другихъ охряныхъ столбовъ, которые въ семи верстахъ отсюда, поближе къ деревнѣ Вальдау, стояли на стражѣ болѣе дорогихъ и соблазнительныхъ десятинъ, — онъ, этотъ одинокій столбъ, превратился для меня впоследствии въ навязчивую идею. Отчетливо-желтый среди размазанной природы, онъ выросталъ въ моихъ снахъ. Мои видѣнія по немъ ориентировались. Всѣ мысли мои возвращались къ нему. Онъ сіялъ вѣрнымъ огнемъ во мракѣ моихъ предположеній. Мнѣ теперь кажется, что увидѣвъ его впервые я какъ бы его узналъ: онъ мнѣ былъ знакомъ по будущему. Быть можетъ, я ошибаюсь,

быть можетъ я взглянулъ на него равнодушно и только думалъ о томъ, чтобы сворачивая не задѣтъ его крыломъ автомобиля, — но все равно: теперь, вспоминая его, не могу отдѣлить это первое знакомство съ нимъ отъ его созрѣвшаго образа.

Дорога, какъ я уже сказалъ, затерялась, стерлась; автомобиль недовольно заскрипѣлъ, прыгая на кочкахъ; я застопорилъ и пожалъ плечами.

Лида сказала: «Знаешь, Ардаліоша, мы лучше поѣдемъ прямо по шоссе въ Вальдау, — ты говорилъ, тамъ большое озеро, кафе».

«Ни въ коемъ случаѣ, — взволнованно возразилъ Ардаліонъ. — Во-первыхъ, тамъ кафе только проектируется, а, во-вторыхъ, у меня тоже есть озеро. Будьте любезны, дорогой, — обратился онъ ко мнѣ, — двиньте дальше вашу машину, не пожалѣете».

Впереди, шагахъ въ трехстахъ, начинался сосновый боръ. Я посмотрѣлъ туда и, клянусь, почувствовалъ, {35} что все это уже знаю! Да, теперь я вспомнилъ ясно: конечно, было у меня такое чувство, я его не выдумалъ заднимъ числомъ, и этотъ желтый столбъ... онъ многозначительно на меня посмотрѣлъ, когда я оглянулся, — и какъ будто сказалъ мнѣ: я тутъ, я къ твоимъ услугамъ, — и стволы сосенъ впереди, словно обтянутые красноватой змѣиной кожей, и мохнатая зелень ихъ хвои, которую противъ шерсти гладилъ вѣтеръ, и голая береза на опушкѣ... почему голая? вѣдь это еще не зима, — зима была еще далеко, — стоялъ мягкій, почти безоблачный день, тянули «зе-зе-зе», срываясь, зайки-кузнечики... да, все это было полно значенія, все это было не даромъ...

«Куда, собственно, прикажете двинуться? Я дороги не вижу».

«Нечего миндальничать, — сказалъ Ардаліонъ. — Жарьте, дорогуша. Ну, да, прямо. Вонъ туда, къ тому просвѣту. Вполнѣ можно пробиться. А тамъ ужъ лѣсомъ недалеко».

«Можетъ быть, выйдемъ и пойдѣмъ пѣшкомъ», — предложила Лида.

«Ты права, — сказалъ я, — кому придетъ въ голову украсть новенькій автомобиль».

«Да это опасно, — тотчасъ согласилась она, — тогда, можетъ быть вы вдвоемъ (Ардаліонъ застоналъ), онъ тебѣ покажетъ свое имѣніе, а я васъ здѣсь подожду, а потомъ поѣдемъ въ Вальдау, выкупаемся, посидимъ въ кафе».

«Это свинство, барыня, — съ чувствомъ сказалъ Ардаліонъ. — Мнѣ же хочется принять васъ у себя, на своей землѣ. Для васъ заготовлены кое-какіе сюрпризы. Меня обижаютъ». {36}

Я пустиль моторъ и одновременно сказалъ: «Но если сломаемъ машину, отвѣчаете вы».

Я подскакивалъ, рядомъ подскакивала Лида, сзади подскакивалъ Ардаліонъ и говорилъ: «Мы сейчасъ (гопъ) въѣдемъ въ лѣсъ (гопъ), и тамъ (гопъ-гопъ) по вереску пойдетъ легче (гопъ)».

Въѣхали. Сначала застряли въ зыбучемъ пескѣ, моторъ ревѣлъ, колеса лягались, наконецъ — выскочили; затѣмъ вѣтки пошли хлестать по крыльямъ, по кузову, царапая лакъ. Намѣтилось впрочемъ что-то вродѣ тропы, которая то обростала сухо хрустящимъ верескомъ, то выпрастывалась опять, изгибаясь между тѣсныхъ стволовъ.

«Правѣе, — сказалъ Ардаліонъ, — капельку правѣе, сейчасъ приѣдемъ. Чувствуете, какой расчудесный сосновый духъ — роскошь! Я предсказывалъ, что будетъ роскошно. Вотъ теперь можно остановиться. Я пойду на развѣдку».

Онъ вылѣзъ и, вдохновенно вертя толстымъ задомъ, зашагалъ въ чащу.

«Погоди, я съ тобой!» — крикнула Лида, но онъ уже шелъ во весь парусъ, и вотъ исчезъ за деревьями.

Моторъ поцыкалъ и смолкъ.

«Какая глушь, — сказала Лида, — я бы, знаешь, боялась остаться здѣсь одна. Тутъ могутъ ограбить, убить, все что угодно».

Дѣйствительно, мѣсто было глухое. Сдержанно шумѣли сосны, снѣгъ лежалъ на землѣ, въ немъ чернѣли проплѣшины... Ерунда, — откуда въ іюнѣ снѣгъ? Его бы слѣдовало вычеркнуть. Нѣтъ, — грѣшно. Не я пишу, — пишетъ моя нетерпѣливая память. Понимайте, какъ хотите, — я не при чемъ. И на желтомъ {37} столбѣ была мурмолка снѣга. Такъ просвѣчиваетъ будущее. Но довольно, да будетъ опять въ фокусѣ лѣтній день: пятна солнца, тѣни вѣтвей на синемъ автомобилѣ, сосновая шишка на подножкѣ, гдѣ нѣкогда будетъ стоять предметъ весьма неожиданный: кисточка для бритья.

«На какой день мы съ ними условились? — спросила жена.

Я отвѣтилъ: «На среду вечеромъ».

Молчаніе.

«Я только надѣюсь, что они ее не приведутъ опять», — сказала жена.

«Ну, приведутъ... Не все ли тебѣ равно?»

Молчаніе. Маленькія голубыя бабочки надъ тимьяномъ.

«А ты увѣренъ, Германъ, что въ среду?»

(Стоитъ ли раскрывать скобки? Мы говорили о пустякахъ, — о какихъ-то знакомыхъ, имѣлась въ виду собачка, маленькая и злая, кото-

рою въ гостяхъ всѣ занимались, Лида любила только «большихъ породистыхъ псовъ», на словѣ «породистыхъ» у нея раздувались ноздри).

«Что же это онъ не возвращается? Навѣрное заблудился» .

Я вышелъ изъ автомобиля, походилъ кругомъ. Исцарапанъ.

Лида отъ нечего дѣлать ощупала, а потомъ приоткрыла Ардаліоновъ портфель. Я отошелъ въ сторонку, — не помню, не помню, о чемъ думалъ; посмотрѣлъ на хворостъ подъ ногами, вернулся. Лида сидѣла на подножкѣ автомобиля и посвистывала. Мы оба {38} закурили. Молчаніе. Она выпускала дымъ бокомъ, кривя ротъ.

Издалека донесся сочный крикъ Ардаліона. Минуту спустя онъ появился на прогалинѣ и замахалъ, приглашая насъ слѣдовать. Медленно поѣхали, объѣзжая стволы. Ардаліонъ шелъ впереди, дѣловито и увѣренно. Вскорѣ блеснуло озеро.

Его участокъ я уже описалъ. Онъ не могъ мнѣ указать точно его границы. Ходилъ большими твердыми шагами, отмѣривая метры, оглядывался, припавъ на согнутую ногу, качалъ головой и шелъ отыскивать какой-то пень, служившій ему примѣтой. Березы глядѣлись въ воду, плавалъ какой-то пухъ, лоснились камыши. Ардаліоновымъ сюрпризомъ оказалась бутылка водки, которую впрочемъ Лида уже успѣла спрятать. Смѣялась, подпрыгивала, въ тѣсномъ палевомъ трико съ двуцвѣтнымъ, краснымъ и синимъ, ободкомъ, — прямо крокетный шаръ. Когда вдоволь накатавшись верхомъ на медленно плававшемъ Ардаліонѣ («Не щиплись, матушка, а то свалю»), покричавъ и пофыркавъ, она выходила изъ воды, ноги у нея дѣлались волосатыми, но потомъ высыхали и только слегка золотились. Ардаліонъ крестился прежде чѣмъ нырнуть, вдоль голени былъ у него здоровенный шрамъ — слѣдъ гражданской войны, изъ проймы его ужаснаго вытянутаго трико то и дѣло выскакивалъ натѣльный крестъ мужицкаго образца.

Лида, старательно намазавшись кремомъ, легла навзничь, предоставляя себя въ распоряженіе солнца. Мы съ Ардаліономъ расположились по-близости, подъ лучшей его сосной. Онъ вынулъ изъ печально похудѣвшаго портфеля тетрадь ватманской бумаги, карандаши, {39} и черезъ минуту я замѣтилъ, что онъ рисуетъ меня.

«У васъ трудное лицо», — сказалъ онъ, щурясь.

«Ахъ, покажи», — крикнула Лида, не шевельнувъ ни однимъ членомъ.

«Повыше голову, — сказалъ Ардаліонъ, — вотъ такъ, достаточно».

«Ахъ покажи», — снова крикнула она погодя.

«Ты мнѣ прежде покажи, куда ты запендрячила мою водку», — недовольно проговорилъ Ардаліонъ.

«Дудки, — отвѣтила Лида. — Ты при мнѣ пить не будешь».

«Вотъ чудачка. Какъ вы думаете, она ее правда закопала? Я собственно хотѣлъ съ вами, сэръ, выпить на брудершафтъ».

«Ты у меня отучишься пить», — крикнула Лида, не поднимая глянцевиныхъ вѣкъ.

«Стерва», — сказалъ Ардаліонъ.

Я спросилъ: «Почему вы говорите, что у меня трудное лицо? Въ чемъ его трудность?»

«Не знаю, — карандашъ не беретъ. Надобно попробовать углемъ или масломъ».

Онъ стеръ что-то резинкой, сбиль пыль суставами пальцевъ, накренилъ голову.

«У меня по-моему очень обыкновенное лицо. Можетъ быть, вы попробуете нарисовать меня въ профиль?»

«Да, въ профиль!» — крикнула Лида (все такъ же распятая на землѣ).

«Нѣтъ, обыкновеннымъ его назвать нельзя. Капельку выше. Напротивъ, въ немъ есть что-то странное. {40} У меня всѣ ваши линіи уходятъ изъ-подъ карандаша. Разъ, — и ушла».

«Такія лица, значить, встрѣчаются рѣдко, — вы это хотите сказать?»

«Всякое лицо — уникамъ», — произнесъ Ардаліонъ.

«Охъ, сгораю», — простонала Лида, но не двинулась.

«Но позвольте, при чемъ тутъ уникамъ? Вѣдь, во-первыхъ, бываютъ опредѣленные типы лицъ, — зоологическіе, на примѣръ. Есть люди съ обезьяньими чертами, есть крысиный типъ, свиной... А затѣмъ — типы знаменитыхъ людей, — скажемъ, Наполеоны среди мужчинъ, королевы Викторіи среди женщинъ. Мнѣ говорили, что я смахиваю на Амундсена. Мнѣ приходилось не разъ видѣть носы а ля Левъ Толстой. Ну еще бываетъ типъ художественный, — иконописный ликъ, мадоннообразный. Наконецъ, — бытовые, профессиональные типы...»

«Вы еще скажите, что всѣ японцы между собою схожи. Вы забываете, синьоръ, что художникъ видитъ именно разницу. Сходство видитъ профанъ. Вотъ Лида вскрикиваетъ въ кинематографѣ: Мотри, какъ похожа на нашу горничную Катю!»

«Ардаліончикъ, не остри», — сказала Лида.

«Но согласитесь, — продолжалъ я, — что иногда важно именно сходство».

«Когда прикупаешь подсвѣчникъ», — сказалъ Ардаліонъ.

Нѣтъ нужды записывать дальше этотъ разговоръ. Мнѣ страстно хотѣлось, чтобы дуракъ заговорилъ о двойникахъ, — но я этого не

добился. Черезъ нѣкоторое {41} время онъ спряталъ тетрадь, Лида умоляла показать ей, онъ требовалъ въ награду возвращенія водки, она отказалась, онъ не показалъ. Воспоминаніе объ этомъ днѣ кончается тѣмъ, что растворяется въ солнечномъ туманѣ, — или переплетается съ воспоминаніемъ о слѣдующихъ нашихъ поѣздкахъ туда. А ѣздили мы не разъ. Я тяжело и мучительно привязался къ этому уединенному лѣсу съ горящимъ въ немъ озеромъ. Ардаліонъ непременно хотѣлъ познакомить меня съ директоромъ предпріятія и заставить меня купить сосѣдній участокъ, но я отказывался, да если и было-бы желаніе купить, я бы все равно не рѣшился, — мои дѣла пошли тѣмъ лѣтомъ неважно, все мнѣ какъ-то опостылѣло, скверный мой шоколадъ меня раззорялъ. Но честное слово, господа, честное слово, — не корысть, не только корысть, не только желаніе дѣла свои поправить... Впрочемъ, незачѣмъ забѣгать впередъ.

ГЛАВА III.

Какъ мы начнемъ эту главу? Предлагаю на выборъ нѣсколько вариантовъ. Вариантъ первый, — онъ встрѣчается часто въ романахъ, ведущихся отъ лица настоящаго или подставнаго автора:

День нынче солнечный, но холодный, все такъ же бушуетъ вѣтеръ, ходуномъ ходитъ вѣчно-зеленая листва за окнами, почтальонъ идетъ по шоссе задомъ напередъ, придерживая фуражку. Мнѣ тягостно... {42}

Отличительныя черты этого варианта довольно очевидны: вѣдь ясно, что пока человѣкъ пишетъ, онъ находится гдѣ-то въ определенномъ мѣстѣ, — онъ не просто нѣкій духъ, витающій надъ страницей. Пока онъ вспоминаетъ и пишетъ, что-то происходитъ вокругъ него, — вотъ какъ сейчасъ этотъ вѣтеръ, эта пыль на шоссе, которую вижу въ окно (почтальонъ повернулся и, согнувшись, продолжая бороться, пошелъ впередъ). Вариантъ пріятный, освѣжительный, передышка, переходъ къ личному, это придаетъ рассказу жизненность, особенно когда первое лицо такое же выдуманное, какъ и всѣ остальные. То-то и оно: этимъ пріемомъ злоупотребляютъ, литературные выдумщики измочалили его, онъ не подходитъ мнѣ, ибо я сталъ правдивъ. Обратимся теперь ко второму варианту. Онъ состоитъ въ томъ, чтобы сразу ввести новаго героя, — такъ и начать главу:

Орловіусъ былъ недоволенъ.

Когда онъ бывалъ недоволенъ, или озабоченъ, или просто не зналъ, что отвѣтить, онъ тянулъ себя за длинную мочку лѣваго уха, съ сѣдымъ пушкомъ по краю, — а потомъ за длинную мочку праваго, —

чтобъ не завидовало, — и смотрѣлъ поверхъ своихъ простыхъ честныхъ очковъ на собесѣдника, и медлилъ съ отвѣтомъ, и наконецъ отвѣчалъ: Тяжело сказать, но мнѣ кажется — —

«Тяжело» значило у него «трудно». Буква «л» была у него какъ лопата.

Опять же и этотъ второй вариантъ начала главы — приемъ популярный и доброкачественный, — но онъ какъ то слишкомъ щеголеватъ, да и не къ лицу суровому, застѣнчивому Орловиусу бойко растворять ворота {43} главы. Предлагаю вашему вниманію третій вариантъ:

Между тѣмъ... (пригласительный жестъ многоточія).

Въ старину этотъ приемъ былъ баловнемъ біоскопа, сирѣчь иллюзіона, сирѣчь кинематографа. Съ героемъ происходитъ (въ первой картинѣ) то-то и то-то, а между тѣмъ... Многоточіе, — и дѣйствіе переносится въ деревню. Между тѣмъ... Новый абзацъ:

...по раскаленной дорогѣ, стараясь держаться въ тѣни яблонь, когда попадались по краю ихъ кривые ярко бѣленые стволы...

Нѣтъ, глупости — онъ странствовалъ не всегда. Фермеру бывалъ нуженъ лишній батракъ, лишняя спина требовалась на мельницѣ. Я плохо представляю себѣ его жизнь, — я никогда не бродяжничалъ. Больше всего мнѣ хотѣлось вообразить, какое осталось у него впечатлѣніе отъ одного майскаго утра на чахлой травѣ за Прагой. Онъ проснулся. Рядомъ съ нимъ сидѣлъ и глядѣлъ на него прекрасно одѣтый господинъ, который, пожалуй, дастъ папиросу. Господинъ оказался нѣмцемъ. Сталъ приставать, — можетъ быть, несовсѣмъ нормаленъ, — совалъ зеркальце, ругался. Выяснилось, что рѣчь идетъ о сходствѣ. Сходство такъ сходство. Я не при чемъ. Можетъ быть, онъ дастъ мнѣ легкую работу. Вотъ адресъ. Какъ знать, можетъ быть что-нибудь и выйdetъ.

«Послушай-ка ты (разговоръ на постояломъ дворѣ теплой и темной ночью), какого я чудака встрѣтилъ однажды. Выходило, что мы двойники».

Смѣхъ въ темнотѣ: «Это у тебя двоилось въ глазахъ, пьянчуга». {44}

Тутъ вкрался еще одинъ приемъ: подражаніе переводнымъ романамъ изъ быта веселыхъ бродягъ, добрыхъ парней. У меня спутались всѣ приемы.

А знаю я все, что касается литературы. Всегда была у меня эта страстишка. Въ дѣтствѣ я сочинялъ стихи и длинныя исторіи. Я никогда не воровалъ персиковъ изъ теплицъ лужскаго помѣщика, у котораго мой отецъ служилъ въ управляющихъ, никогда не хоронилъ живьемъ кошекъ, никогда не выворачивалъ рукъ болѣе слабымъ сверстникамъ,

но сочинялъ тайно стихи и длинныя исторіи, ужасно и непоправимо, и совершенно зря порочившіе честь знакомыхъ, — но этихъ исторій я не записывалъ и никому о нихъ не говорилъ. Дня не проходило, чтобы я не налгалъ. Лгалъ я съ упоеніемъ, самозабвенно, наслаждаясь той новой жизненной гармоніей, которую создавалъ. За такую соловьиную ложь я получалъ отъ матушки въ лѣвое ухо, а отъ отца бычьей жилой по задѣ. Это ни мало не печалило меня, а скорѣе служило толчкомъ для дальнѣйшихъ вымысловъ. Оглохшій на одно ухо, съ огненными ягодицами, я лежалъ ничкомъ въ сочной травѣ подъ фруктовыми деревьями и посвистывалъ, безопасно мечтая. Въ школѣ мнѣ ставили за русское сочиненіе неизмѣнный колъ, оттого что я по-своему пересказывалъ дѣйствія нашихъ классическихъ героевъ: такъ, въ моей передачѣ «Выстрѣла» Сильвіо наповалъ безъ лишнихъ словъ убивалъ любителя черешень и съ нимъ — фабулу, которую я впрочемъ зналъ отлично. У меня завелся револьверъ, я мѣломъ рисовалъ на осиновыхъ стволахъ въ лѣсу кричащія бѣлыя рожи и дѣловито разстрѣливалъ ихъ. Мнѣ нравилось — и до сихъ поръ нравится — ставить слова въ глупое положеніе, сочетать {45} ихъ шутовской свадьбой каламбура, выворачивать наизнанку, заставать ихъ врасплохъ. Что дѣлаетъ совѣтскій вѣтеръ въ словѣ ветеринаръ? Откуда томатъ въ автоматѣ? Какъ изъ зубра сдѣлать арбузъ? Втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ меня преслѣдовалъ курьезнѣйшій и непріятнѣйшій сонъ, — будто нахожусь въ длинномъ коридорѣ, въ глубинѣ — дверь, — и страстно хочу, не смѣю, но наконецъ рѣшаюсь къ ней подойти и ее отворить; отворивъ ее, я со стономъ просыпался, ибо за дверью оказывалось нѣчто невообразимо страшное, а именно: совершенно пустая, голая, заново выбѣленная комната, — больше ничего, но это было такъ ужасно, что невозможно было выдержать. Съ седьмого класса я сталъ довольно аккуратно посѣщать веселый домъ, тамъ пилъ пиво. Во время войны я прозябалъ въ рыбацьемъ поселкѣ неподалеку отъ Астрахани, и, кабы не книги, не знаю, перенесъ ли бы эти невзрачные годы. Съ Лидой я познакомился въ Москвѣ (куда пробрался чудомъ сквозь мерзкую гражданскую суету), на квартирѣ случайнаго пріятеля-латыша, у котораго жилъ, — это былъ молчаливый бѣлолицый человѣкъ, со стоявшими дыбомъ короткими жесткими волосами на кубическомъ черепѣ и рыбимъ взглядомъ холодныхъ глазъ, — по спеціальности латинистъ, а впоследствии довольно видный совѣтскій чиновникъ. Тамъ обитало нѣсколько людей — все случайныхъ, другъ съ другомъ едва знакомыхъ, — и между прочимъ родной братъ Ардаліона, а Лидинъ двоюродный братъ, Иннокентій, уже послѣ нашего отъѣзда за что-то разстрѣлянный. Собственно говоря, все это подходит скорѣе для начала первой главы, а не третьей... {46}

Хохоча, отвѣчая находчиво,
(отлучиться ты очень не прочь!),
отъ лучей, отъ отчаянья отчаго,
Отчего ты отчалила въ ночь?

Мое, мое, — опыты юности, любовь къ бессмысленнымъ звукамъ... Но вотъ что меня занимаетъ: были ли у меня въ то время какіе-либо преступные, въ кавычкахъ, задатки? Таила-ли моя, съ виду сѣрая, съ виду незамысловатая, молодость возможность геніальнаго беззаконія? Или можетъ быть я все шелъ по тому обыкновенному коридору, который мнѣ снился, вскрикивалъ отъ ужаса, найдя комнату пустой, — но однажды, въ незабвенный день, комната оказалась не пуста, — тамъ всталъ и пошелъ мнѣ навстрѣчу мой двойникъ. Тогда оправдалось все: и стремленіе мое къ этой двери, и странныя игры, и безцѣльная до тѣхъ поръ склонность къ ненасытной, кропотливой лжи. Германъ нашелъ себя. Это было, какъ я имѣлъ честь вамъ сообщить, девятаго мая, а уже въ іюлѣ я посѣтилъ Орловиуса.

Онъ одобрилъ принятое мной и тутъ же осуществленное рѣшеніе, которое къ тому же онъ самъ давно совѣтовалъ мнѣ принять. Недѣлю спустя я пригласилъ его къ намъ обѣдать. Заложилъ уголь салфетки съ боку за воротникъ. Принимаясь за супъ, выразилъ неудовольствіе по поводу политическихъ событій. Лида вѣтренно спросила его, будетъ ли война, и съ кѣмъ. Онъ посмотрѣлъ на нее поверхъ очковъ, медля отвѣтомъ (такимъ приблизительно онъ просквозилъ въ началѣ этой главы), и наконецъ отвѣтилъ: {47}

«Тяжело сказать, но мнѣ кажется, что это исключено. Когда я молодъ былъ, я пришелъ на идею предположить только самое лучшее («лучшее» у него вышло чрезвычайно грустно и жирно). Я эту идею держу съ тѣхъ поръ. Главная вещь у меня, это — оптимизмъ».

«Что какъ разъ необходимо при вашей профессіи», — сказалъ я съ улыбкой.

Онъ исподлобья посмотрѣлъ на меня и серьезно отвѣтилъ:

«Но пессимизмъ даетъ намъ кліентовъ».

Конецъ обѣда былъ неожиданно увѣнчанъ чаемъ въ стаканахъ. Лидѣ это почему-то казалось очень ловкимъ и приятнымъ. Орловиусъ, впрочемъ, былъ доволенъ. Степенно и мрачно рассказывая о своей старухѣ-матери, жившей въ Юрьевѣ, онъ приподнималъ стаканъ и мѣшалъ оставшійся въ немъ чай нѣмецкимъ способомъ, т. е. не ложкой, а круговымъ взбалтывающимъ движеніемъ кисти, дабы не пропалъ осѣвшій на дно сахаръ.

Договоръ съ его агентствомъ былъ съ моей стороны дѣйстви́емъ, я-бы сказалъ, полусоннымъ и странно незначительнымъ. Я сталъ о ту пору угрюмъ, неразговорчивъ, туманенъ. Моя ненаблюдательная жена, и та замѣтила нѣкоторую во мнѣ перемену. «Ты усталъ, Германъ. Мы въ августѣ поѣдемъ къ морю», — сказала она какъ-то среди ночи, — намъ не спалось, было невыносимо душно, даромъ что окно было открыто настежь.

«Мнѣ вообще надоѣла наша городская жизнь», — сказалъ я. Она въ темнотѣ не могла видѣть мое лицо. Черезъ минуту: {48}

«Вотъ тетя Лиза, та, что жила въ Иксѣ, — есть такой городъ — Иксъ? Правда?»

«Есть».

«... живетъ теперь, — продолжала она, — не въ Иксѣ, а около Ниццы, вышла замужъ за француза-старика, и у нихъ ферма».

Зѣвнула.

«Мой шоколадъ, матушка, къ чорту идетъ», — сказалъ я и зѣвнулъ тоже.

«Все будетъ хорошо, — пробормотала Лида. — Тебѣ только нужно отдохнуть».

«Переменитъ жизнь, а не отдохнуть», — сказалъ я съ притворнымъ вздохомъ.

«Переменитъ жизнь», — сказала Лида.

Я спросилъ: «А ты бы хотѣла, чтобы мы жили гдѣ-нибудь въ тишинѣ, на солнцѣ? чтобы никакихъ дѣлъ у меня не было? честными рантье?»

«Мнѣ съ тобой всюду хорошо, Германъ. Прихватили бы Ардалиона, купили бы большого пса...»

Помолчали.

«Къ сожалѣнію, мы никуда не поѣдемъ. Съ деньгами — швахъ. Мнѣ вѣроятно придется шоколадъ ликвидировать».

Прошелъ запоздалый пѣшеходъ. Стукъ. Опять стукъ. Онъ, должно быть, ударялъ тростью по столбамъ фонарей.

«Отгадай: мое первое значитъ «жарко» по-французски. На мое второе сажаютъ турка, мое третье — мѣсто, куда мы рано или поздно попадемъ. А цѣлое — то, что меня разоряетъ».

Съ шелестомъ прокатилъ автомобиль.

«Ну что — не знаешь?» {49}

Но моя дура уже спала. Я закрылъ глаза, легъ на-бокъ, хотѣлъ заснуть тоже, но не удалось. Изъ темноты навстрѣчу мнѣ, выставивъ челюсть и глядя мнѣ прямо въ глаза, шелъ Феликсъ. Дойдя до меня, онъ растворялся, и передо мной была длинная пустая дорога: издалека появ-

лялась фигура, шелъ человѣкъ, стуча тростью по стволамъ придорожныхъ деревьевъ, приближался, я всматривался, и, выставивъ челюсть и глядя мнѣ прямо въ глаза, — — онъ опять растворялся, дойдя до меня, или вѣрнѣе войдя въ меня, пройдя сквозь меня, какъ сквозь тѣнь, и опять выжидательно тянулась дорога, и появлялась вдали фигура и опять это былъ онъ. Я поворачивался на другой бокъ, нѣкоторое время все было темно и спокойно, — ровная чернота; но постепенно намѣчалась дорога — въ другую сторону, — и вотъ возникалъ передъ самымъ моимъ лицомъ, какъ будто изъ меня выйдя, затылокъ человѣка, съ заплечнымъ мѣшкомъ грушей, онъ медленно уменьшался, онъ уходилъ, уходилъ, сейчасъ уйдетъ совсѣмъ, — но вдругъ, обернувшись, онъ оставался и возвращался, и лицо его становилось все яснѣе, и это было мое лицо. Я ложился навзничъ, и, какъ въ темномъ стеклѣ, протягивалось надо мной лаковое черно-синее небо, полоса неба между траурными купами деревьевъ, медленно шедшими вспять справа и слѣва, — а когда я ложился ничкомъ, то видѣлъ подъ собой убитые камни дороги, движущейся какъ конвейеръ, а потомъ выбоину, лужу, и въ лужѣ мое, исковерканное вѣтровой рябью, дрожащее, тусклое лицо, — и я вдругъ замѣчалъ, что глазъ на немъ нѣтъ.

«Глаза я всегда оставляю напоследокъ», — самодовольно сказалъ Ардаліонъ. Держа передъ собой и {50} слегка отстраняя начатый имъ портретъ, онъ такъ и этакъ наклонялъ голову. Приходилъ онъ часто и затѣялъ написать меня углемъ. Мы обычно располагались на балконѣ. Досуга у меня было теперь вдоволь, — я устроилъ себѣ нѣчто вродѣ небольшого отпуска. Лида сидѣла тутъ же, въ плетеномъ креслѣ, и читала книгу; полураздавленный окурокъ — она никогда не добивала окурковъ — съ живучимъ упорствомъ пускалъ изъ пепельницы вверхъ тонкую, прямую струю дыма; маленькое воздушное замѣшательство, и опять — прямо и тонко.

«Мало похоже», — сказала Лида, не отрываясь впрочемъ отъ чтенія.

«Будетъ похоже, — возразилъ Ардаліонъ. — Вотъ сейчасъ подправимъ эту ноздрю, и будетъ похоже. Сегодня свѣтъ какой-то неинтересный».

«Что неинтересно?» — спросила Лида, поднявъ глаза и держа палецъ на прерванной строкѣ.

И еще одинъ кусокъ изъ жизни того лѣта хочу предложить твоему вниманію, читатель. Прощенія прошу за несвязность и пестроту разсказа, но повторяю, не я пишу, а моя память, и у нея свой нравъ, свои законы. Итакъ, я опять въ лѣсу около Ардаліонова озера, но пріѣхалъ я на этотъ разъ одинъ, и не въ автомобилѣ, а сперва поѣздомъ до Кенигс-

дорфа, потомъ автобусомъ до желтаго столба. На картѣ, какъ-то забытой Ардаліономъ у насъ на балконѣ, очень ясны всѣ примѣты мѣстности. Предположимъ, что я держу передъ собой эту карту; тогда Берлинъ, неумѣстившійся на ней, находится примѣрно у сгиба лѣвой моей руки. На самой картѣ, въ юго-западномъ углу, продолжается черно-бѣлымъ живчикомъ желѣзно-дорожный {51} путь, который въ подра-зумѣваемомъ видѣ идетъ по лѣвому моему рукаву изъ Берлина. Живчикъ упирается въ этомъ юго-западномъ углу карты въ городокъ Кенигсдорфъ, а затѣмъ черно-бѣлая ленточка поворачиваетъ, излучисто идетъ на востокъ, и тамъ — новый кружокъ: Айхенбергъ. Но покамѣстъ намъ незачѣмъ ѣхать туда, вылѣзаемъ въ Кенигсдорфъ. Разлучившись съ желѣзной дорогой, повернувшей на востокъ, тянется прямо на сѣверъ, къ деревнѣ Вальдау, шоссейная дорога. Раза три въ день отходить изъ Кенигсдорфа автобусъ и идетъ въ Вальдау (семнадцать километровъ), гдѣ, кстати сказать, находится центръ земельного предпріятія: пестрый павильончикъ, веселый флагъ, много желтыхъ указательныхъ столбовъ, — одинъ на примѣръ со стрѣлкой «Къ пляжу», — но еще никакого пляжа нѣтъ, а только болотце вдоль большого озера; другой съ надписью «Къ казино», но и его нѣтъ, а есть что-то вродѣ скиніи и зачаточный буфетъ; третій, наконецъ, приглашающій къ спортивному плацу, и тамъ дѣйствительно выстроены новыя, сложныя, гимнастическія висѣлицы, которыми некому пользоваться, если не считать какого-нибудь крестьянскаго мальчишки, перегнувшего головой внизъ съ трапеціи и показывающаго заплату на задѣ; кругомъ же, во всѣ стороны, участки, — нѣкоторыя наполовину куплены, и по воскресеньямъ можно видѣть толстяковъ въ купальныхъ костюмахъ и роговыхъ очкахъ, сосредоточенно строящихъ хижину; кое-гдѣ даже посажены цвѣты, или стоитъ кокетливо раскрашенная будка-ретирада.

Но мы и до Вальдау не доѣдемъ, а покинемъ автобусъ на десятой верстѣ отъ Кенигсдорфа, у одинокаго {52} желтаго столба. Теперь обратимся опять къ картѣ: направо, то-есть на востокъ отъ шоссе, тянется большое пространство, все въ точкахъ, — это лѣсъ; въ немъ находится то малое озеро, по западному берегу котораго, точно игральныя карты вѣеромъ, — дюжина участковъ, изъ коихъ проданъ только одинъ — Ардаліону — (и то условно). Близимся къ самому интересному пункту. Мы вначалѣ упомянули о станціи Айхенбергъ, слѣдующей послѣ Кенигсдорфа къ востоку. И вотъ, спрашивается: можно ли добраться пѣшкомъ отъ маленькаго Ардаліонова озера до Айхенберга? Можно. Слѣдуетъ обогнуть озеро съ южной стороны и дальше — прямо на востокъ лѣсомъ. Пройдя лѣсомъ четыре километра, мы выходимъ на деревенскую дорогу,

одинъ конецъ которой ведетъ неважно куда, — въ ненужныя намъ деревни, другой же приводитъ въ Айхенбергъ.

Жизнь моя исковеркана, спутана, — а я тутъ валяю дурака съ этими веселенькими описаньницами, съ этимъ уютнымъ множественнымъ числомъ перваго лица, съ этимъ обращеніемъ къ туристу, къ дачнику, къ любителю окрошки изъ живописныхъ зеленей. Но потерпи, читатель. Я недаромъ поведу тебя сейчасъ на прогулку. Эти разговоры съ читателемъ тоже ни къ чему. Апарте въ театрѣ, или красноречивый шипъ: «Чу! Сюда идуть...»

Прогулка... Я вышелъ изъ автобуса у желтаго столба. Автобусъ удалился, въ немъ остались три старухи, черныхъ въ мелкую горошинку, мужчина въ бархатномъ жилетѣ, съ косою, обернутой въ рогожу, дѣвочка съ большимъ пакетомъ и господинъ въ пальто, со съѣхавшимъ на-бокъ механическимъ галстукомъ, съ {53} беременнымъ саквояжемъ на колѣняхъ, — вѣроятно ветеринаръ. Въ молочаяхъ и хвощахъ были слѣды шинъ, — мы тутъ проѣзжали, прыгая на кочкахъ, уже нѣсколько разъ съ Лидой и Ардаліономъ. Я былъ въ гольфныхъ шароварахъ, или по-нѣмецки кникербокерахъ. Я вошелъ въ лѣсъ. Я остановился въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы однажды съ женой ждали Ардаліона. Я выкурилъ тамъ папиросу. Я посмотрѣлъ на дымокъ, медленно растянувшійся, затѣмъ давшій прозрачную складку и растаявшій въ воздухѣ. Я почувствовалъ спазму въ горлѣ. Я пошелъ къ озеру и замѣтилъ на пескѣ смятую черную съ оранжевымъ бумажку (Лида насъ снимала). Я обогнулъ озеро съ южной стороны и пошелъ густымъ соснякомъ на востокъ. Я вышелъ черезъ часъ на дорогу. Я зашагалъ по ней и пришелъ еще черезъ часъ въ Айхенбергъ. Я сѣлъ въ дачный поѣздъ. Я вернулся въ Берлинъ.

Однообразную эту прогулку я продѣлалъ нѣсколько разъ и никогда не встрѣтилъ въ лѣсу ни одной души. Глушь, тишина. Покупателей на участки у озера не было, да и все предпріятіе хирѣло. Когда мы ѣздили туда втроемъ, то бывали весь день совершенно одни, купаться можно было хоть нагишомъ; помню, кстати, какъ однажды Лида, по моему требованію, все съ себя сняла, и очень мило смѣясь и краснѣя, позировала Ардаліону, который вдругъ обидѣлся на что-то, — вѣроятно на собственную бездарность, — и бросилъ рисовать, пошелъ на поиски боровиковъ. Меня же онъ продолжалъ писать упорно, — это длилось весь августъ. Не справившись съ честной чертой угля, онъ почему-то перешелъ на подленькую пастель. Я поставилъ себѣ нѣкій срокъ: окончаніе портрета. Наконецъ запахло {54} дюшессовой сладостью лака, портретъ былъ обрамленъ, Лида дала Ардаліону двадцать марокъ, — ради шику въ конвертѣ. У насъ были гости, — между прочимъ Орловиусъ, — мы всѣ стояли и глазѣли — на что? На розовый ужасъ моего

лица. Не знаю, почему онъ придалъ моимъ щекамъ этотъ фруктовый оттѣнокъ, — онѣ блѣдны какъ смерть. Вообще сходства не было никакого. Чего стоила, наприимѣръ, эта ярко-красная точка въ носовомъ углу глаза, или проблескъ зубовъ изъ подъ ощеренной кривой губы. Все — это — на фасонистомъ фонѣ съ намеками не то на геометрическія фигуры, не то на висѣлицы. Орловиусъ, который былъ до глупости близорукъ, подошелъ къ портрету вплотную и, поднявъ на лобъ очки (почему онъ ихъ носилъ? они ему только мѣшали), съ полуоткрытымъ ртомъ, замеръ, задышалъ на картину, точно собирался ею питаться. «Модерный штиль», — сказалъ онъ наконецъ съ отвращеніемъ и, перейдя къ другой картинѣ, сталъ такъ же добросовѣстно разсматривать и ее, хотя это была обыкновенная литографія: островъ мертвыхъ.

А теперь, дорогой читатель, вообразимъ небольшую конторскую комнату въ шестомъ этажѣ безличнаго дома. Машинистка ушла, я одинъ. Въ окнѣ — облачное небо. На стѣнѣ — календарь, огромная, чѣмъ-то похожая на бычій языкъ, черная девятка: девятое сентября. На столѣ — очередныя непріятности въ видѣ писемъ отъ кредиторовъ и символически пустая шоколадная коробка съ лиловой дамой, измѣнившей мнѣ. Никого нѣтъ. Пишущая машинка открыта. Тишина. На страничкѣ моей записной книжки — адресъ. Малограмотный почеркъ. Сквозь него я вижу наклоненный восковой {55} лобъ, грязное ухо, изъ петлицы виситъ головкой внизъ фіалка, съ чернымъ ногтемъ палецъ нажимаетъ на мой серебряный карандашъ.

Помнится, я стряхнулъ оцѣпенѣніе, сунулъ книжку въ карманъ, вынулъ ключи, собрался все запереть, уйти, — уже почти ушелъ, но остановился въ коридорѣ съ сильно бьющимся сердцемъ... уйти было невозможно... Я вернулся, я постоялъ у окна, глядя на противоположный домъ. Тамъ уже зажглись лампы, освѣтивъ конторскіе шкапы, и господинъ въ черномъ, заложивъ одну руку за спину, ходилъ взадъ и впередъ, должно-быть диктуя невидимой машинисткѣ. Онъ то появлялся, то исчезалъ, и даже разъ остановился у окна, соображая что-то, и опять повернулся, диктуя, диктуя, диктуя. Неумолимый! Я включилъ свѣтъ, сѣлъ, сжалъ виски. Вдругъ бѣшено затрещалъ телефонъ, — но оказалось: ошибка, спутали номеръ. И потомъ опять тишина, и только легкое постукиваніе дождя, ускорявшаго наступленіе ночи.

ГЛАВА IV.

«Дорогой Феликсъ, я нашелъ для тебя работу. Прежде всего необходимо кое-что съ глазу на глазъ обсудить. Собираюсь быть по дѣлу въ

Саксоніи и, вотъ, предлагаю тебѣ встрѣтиться со мной въ Тарницѣ, — это недалеко отъ тебя. Отвѣчай незамедлительно, согласенъ ли ты въ принципѣ. Тогда укажу день, часъ и точное мѣсто, а на дорогу пришлю тебѣ денегъ. Такъ какъ я все время въ разъѣздахъ, и нѣтъ у меня постоянной квартиры, отвѣчай: «Ардаліонъ» до востребованія {56} (слѣдуетъ адресъ одного изъ берлинскихъ почтамтовъ). До-свиданія, жду. (Подписи нѣтъ)».

Вотъ оно лежитъ передо мной, это письмо отъ девятаго сентября тридцатаго года, — на хорошей, голубоватой бумагѣ съ водянымъ знакомъ въ видѣ фрегата, — но бумага теперь смята, по угламъ смутные отпечатки, вѣроятно его пальцевъ. Выходитъ такъ, какъ будто я — получатель этого письма, а не его отправитель, — да въ концѣ концовъ такъ оно и должно быть: мы перемѣнились мѣстами.

У меня хранятся еще два письма на такой же бумагѣ, но всѣ отвѣты уничтожены. Будь они у меня, будь у меня на примѣръ то глупѣйшее письмо, которое я съ расчитанной небрежностью показалъ Орловиусу (послѣ чего и оно было уничтожено), можно было бы перейти на эпистолярную форму повѣствованія. Форма почтенная, съ традиціями, съ крупными достиженіями въ прошломъ. Отъ Икса къ Игреку: Дорогой Иксъ, — и сверху непременно дата. Письма чередуются, — это вродѣ мяча, летающаго черезъ сѣтку туда и обратно. Читатель вскорѣ перестаетъ обращать вниманіе на дату, — и дѣйствительно — какое ему дѣло, написано ли письмо девятаго сентября или шестнадцатаго, — но эти даты нужны для поддержанія иллюзіи. Такъ Иксъ продолжаетъ писать Игреку, а Игрекъ Иксу на протяженіи многихъ страницъ. Иногда вступаетъ какой-нибудь посторонній Зетъ, — вноситъ и свою эпистолярную лепту, однако только ради того, чтобы растолковать читателю (не глядя, впрочемъ, на него, оставаясь къ нему въ профиль) событіе, которое безъ ущерба для естественности или по какой другой причинѣ ни Иксъ, ни Игрекъ не могли бы въ письмѣ разъяснить. {57} Да и они пишутъ не безъ оглядки, — всѣ эти «Помнишь, какъ тогда-то и тамъ-то...» (слѣдуетъ обстоятельное воспоминаніе) вводятся не столько для того, чтобы освѣжить память корреспондента, сколько для того, чтобы дать читателю нужную справку, — такъ что въ общемъ картина получается довольно комическая, — особенно, повторяю, смѣшны эти аккуратно выписанныя и ни къ чорту ненужныя даты, — и когда въ концѣ вдругъ протискивается Зетъ, чтобы написать своему личному корреспонденту (ибо въ такомъ романѣ переписываются рѣшительно всѣ) о смерти Икса и Игрека или о благополучномъ ихъ соединеніи, то читатель внезапно чувствуетъ, что всему этому предпочелъ бы самое обыкновенное письмо отъ налогового инспектора. Вообще говоря, я всегда былъ надѣленъ

недюжиннымъ юморомъ, — даръ воображенія связанъ съ нимъ; горе тому воображенію, которому юморъ не сопутствуетъ.

Одну минуточку. Я списывалъ письмо, и оно куда-то исчезло.

Могу продолжать, — соскользнуло подъ столъ. Черезъ недѣлю я получилъ отвѣтъ (пять разъ заходилъ на почтамтъ и былъ очень нервень). Феликсъ сообщалъ мнѣ, что съ благодарностью принимаетъ мое предложеніе. Какъ часто случается съ полуграмотными, тонъ его письма совершенно не соответствовалъ тону его обычнаго разговора: въ письмѣ это былъ дрожащій фальцетъ съ провалами витіеватой хрипоты, а въ жизни — самодовольный басокъ съ дидактическими низами. Я написалъ ему вторично, приложивъ десять марокъ и назначивъ ему свиданіе перваго октября въ пять часовъ вечера у бронзоваго всадника въ концѣ {58} бульвара, идущаго влѣво отъ вокзальной площади въ Тарницѣ. Я не помнилъ ни имени всадника (какой-то герцогъ), ни названія бульвара, но однажды, проѣзжая по Саксоніи въ автомобилѣ знакомаго купца, застрялъ въ Тарницѣ на два часа, — моему знакомому вдругъ понадобилось среди пути поговорить по телефону съ Дрезденомъ, — и вотъ, обладая фотографической памятью, я запомнилъ бульваръ, статью и еще другія подробности, — это снимокъ небольшой, однако, знай я способъ увеличить его, можно было бы прочесть, пожалуй, даже вывѣски, — ибо аппаратъ у меня превосходный.

Мое почтенное отъ шестнадцато написано отъ руки, — я писалъ на почтамтѣ, — такъ взволновался, получивъ отвѣтъ на мое почтенное отъ девятаго, что не могъ отложить до возможности настукать, — да и особыхъ причинъ стѣсняться своихъ почерковъ (у меня ихъ нѣсколько) еще не было, — я зналъ, что въ конечномъ счетѣ получателемъ окажусь я. Отославъ его, я почувствовалъ то, что чувствуетъ, должно быть, полумертвый листъ, пока медленно падаетъ на поверхность воды.

Незадолго до перваго октября какъ-то утромъ мы съ женой проходили Тиргартеномъ и остановились на мостикѣ, облокотившись на перила. Въ неподвижной водѣ отражалась гобеленовая пышность бурой и рыжей листвы, стеклянная голубизна неба, темныя очертанія перилъ и нашихъ склоненныхъ лицъ. Когда падалъ листъ, то навстрѣчу ему изъ тѣнистыхъ глубинъ воды летѣлъ неотвратимый двойникъ. Встрѣча ихъ была беззвучна. Падалъ кружась листъ, и кружась стремилось къ нему его точное отраженіе. Я не могъ оторвать {59} взгляда отъ этихъ неизбежныхъ встрѣчъ. «Пойдемъ», — сказала Лида и вздохнула. «Осень, осень, — проговорила она погодя, — осень. Да, это осень». Она уже была въ мѣховомъ пальто, пестромъ, леопардовомъ. Я влекся сзади, на ходу пронзая тростью палые листья.

«Какъ славно сейчасъ въ Россіи», — сказала она (то же самое она говорила ранней весной и въ ясные зимніе дни; одна лѣтняя погода никакъ не дѣйствовала на ея воображеніе).

«... а есть покой и воля, давно завидная мечтается мнѣ доля. Давно, усталый рабъ...»

«Пойдемъ, усталый рабъ. Мы должны сегодня раньше обѣдать».

«... замыслилъ я побѣгъ. Замыслилъ. Я. Побѣгъ. Тебѣ, пожалуй, было бы скучно, Лида, безъ Берлина, безъ пошлостей Ардаліона?»

«Ничего не скучно. Мнѣ тоже страшно хочется куда-нибудь, — солнышко, волнышки. Жить да поживать. Я не понимаю, почему ты его такъ критикуешь».

«... давно завидная мечтается... Ахъ, я его не критикую. Между прочимъ, что дѣлать съ этимъ чудовищнымъ портретомъ, не могу его видѣть. Давно, усталый рабъ...»

«Смотри, Германъ, верховые. Она думаетъ, эта тетеха, что очень красива. Ну-же, идемъ. Ты все отстаешь, какъ маленькій. Не знаю, я его очень люблю. Моя мечта была бы ему подарить денегъ, чтобы онъ могъ съѣздить въ Италію».

«... Мечта. Мечтается мнѣ доля. Въ наше время бездарному художнику Италія ни къ чему. Такъ было когда-то, давно. Давно завидная...»
{60}

«Ты какой-то сонный, Германъ. Пойдемъ чуточку шибче, пожалуйста».

Буду совершенно откровененъ. Никакой особой потребности въ отдыхѣ я не испытывалъ. Но послѣднее время такъ у насъ съ женой завелось. Чуть только мы оставались одни, я съ тупымъ упорствомъ направлялъ разговоръ въ сторону «обители чистыхъ нѣгъ». Между тѣмъ я съ нетерпѣніемъ считалъ дни. Отложилъ я свиданіе на первое октября, дабы дать себѣ время одуматься. Мнѣ теперь кажется, что если бы я одумался и не поѣхалъ въ Тарницъ, то Феликсъ до сихъ поръ ходилъ бы вокругъ бронзоваго герцога, присаживаясь изрѣдка на скамью, чертя палкой тѣ земляныя радуги слѣва направо и справа налѣво, что чертитъ всякій, у кого есть трость и досугъ, — вѣчная привычка наша къ окружающей, въ которой мы всѣ заключены. Да, такъ бы онъ сидѣлъ до сегодняшняго дня, а я бы все помнилъ о немъ, съ дикой тоской и страстью, — огромный ноющій зубъ, который нечѣмъ вырвать, женщина, которой нельзя обладать, мѣсто, до котораго въ силу особой топографіи кошмаровъ никакъ нельзя добраться.

Тридцатаго вечеромъ, накануне моей поѣздки, Ардаліонъ и Лида раскладывали кабалу, а я ходилъ по комнатамъ и глядѣлся во всѣ зеркала. Я въ то время былъ еще въ добрыхъ отношеніяхъ съ зеркалами.

За двѣ недѣли я отпустилъ усы, — это измѣнило мою наружность къ худшему: надъ безкровнымъ ртомъ топорщилась темно-рыжеватая щетина съ непристойной проплѣшинкой посрединѣ. Было такое ощущение, что эта щетина приклеена, — а не то мнѣ казалось, что на губѣ у меня сидитъ небольшое жесткое животное. По {61} ночамъ, въ полудремотѣ, я хватался за лицо, и моя ладонь его не узнавала. Ходилъ, значить, по комнатамъ, курилъ, и изъ всѣхъ зеркалъ на меня смотрѣла испуганно серьезными глазами наспѣхъ загримированная личность. Ардаліонъ въ синей рубашкѣ съ какимъ-то шотландскимъ галстукомъ хлопалъ картами, будто въ кабакѣ. Лида сидѣла къ столу бокомъ, заложивъ ногу на ногу, — юбка поднялась до поджилокъ, — и выпускала папиросный дымъ вверхъ, сильно выпятивъ нижнюю губу и не спуская глазъ съ картъ на столѣ. Была черная вѣтреная ночь, каждая нѣсколько секундъ промахивалъ надъ крышами блѣдный лучъ радіобашни, — свѣтовой тикъ, тихое безуміе прожектора. Въ открытое узкое окно ванной комнаты доносился изъ какого-то окна во дворѣ сдобный голосъ громковѣщателя. Въ столовой лампа освѣщала мой страшный портретъ. Ардаліонъ въ синей рубашкѣ хлопалъ картами, Лида облокотилась на столъ, дымилась пепельница. Я вышелъ на балконъ. «Закрой, дуетъ», — раздался изъ столовой Лидинъ голосъ. Отъ вѣтра мигали и щурились осеннія звѣзды. Я вернулся въ комнату.

«Куда нашъ красавецъ ѣдетъ?» — спросилъ Ардаліонъ, неизвестно къ кому обращаясь.

«Въ Дрезденъ», — отвѣтила Лида. Они теперь играли въ дураки.

«Мое почтеніе Сикстинской, — сказалъ Ардаліонъ. — Этого, кажется, я не покрою. Этого, кажется — — Такъ, потомъ такъ, а это я принялъ».

«Ему бы лечь спать, онъ усталъ, — сказала Лида. — Послушай, ты не имѣешь права подсматривать, сколько осталось въ колодѣ, — это нечестно». {62}

«Я машинально, — сказалъ Ардаліонъ. — Не сердись, голуба. А надолго онъ ѣдетъ?»

«И эту тоже, Ардаліюша, эту тоже, пожалуйста, — ты ее не покрылъ».

Такъ они продолжали долго, говоря то о картахъ, то обо мнѣ, какъ будто меня не было въ комнатѣ, какъ будто я былъ тѣнью или безсловеснымъ существомъ, — и эта ихъ шуточная привычка, оставявшая меня прежде равнодушнымъ, теперь казалась мнѣ полной значенія, точно я и вправду присутствую только въ качествѣ отраженія, а тѣло мое — далеко.

На другой день, около четырехъ, я вышелъ въ Тарницѣ. У меня былъ съ собой небольшой чемоданъ, онъ стѣснялъ свободу передвиженія, — я принадлежу къ породѣ тѣхъ мужчинъ, которые ненавидятъ нести что-либо въ рукахъ: щеголяя дорогими кожаными перчатками, люблю на-ходу свободно размахивать руками и топырить пальцы, — такая у меня манера, и шагаю я ладно, выбрасывая ноги носками врозь, — не по росту моему маленькія, въ идеально чистой и блестящей обуви, въ мышинныхъ гетрахъ, — гетры то-же что перчатки, — онѣ придаютъ мужчинѣ добротное изящество, сродное особому кашэ дорожныхъ принадлежностей високаго качества, — я обожаю магазины, гдѣ продаются чемоданы, ихъ хрустѣ и запахъ, дѣвственность свиной кожи подъ чехломъ, — но я отвлекся, я отвлекся, — я можетъ быть хочу отвлечься, — но все равно, дальше, — я, значить, рѣшилъ оставить сначала чемоданъ въ гостиницѣ: въ какой гостиницѣ? Пересѣкъ, пересѣкъ площадь, озираясь, не только съ цѣлью найти гостиницу, а еще стараясь площадь узнать, {63} — вѣдь я проѣзжалъ тутъ, вонъ тамъ бульваръ и почтамтъ... Но я не успѣлъ дать памяти поупражняться, — въ глазахъ мелькнула вывѣска гостиницы, — по бокамъ двери стояло по два лавровыхъ деревца въ кадкахъ, — этотъ посулъ роскоши былъ обманчивъ, входившаго сразу ошеломляла кухонная вонь, двое усатыхъ простаковъ пили пиво у стойки, старый лакей, сидя на корточкахъ и виляя концомъ салфетки, зажатой подмышкой, валялъ пузатаго бѣлаго щенка, который вилялъ хвостомъ тоже. Я спросилъ комнату, предупредилъ, что у меня будетъ, можетъ быть, ночевать братъ, мнѣ отвели довольно просторный номеръ съ четой кроватей, съ графиномъ мертвой воды на кругломъ столѣ, какъ въ аптекѣ. Лакей ушелъ, я остался въ комнатѣ одинъ, звенѣло въ ушахъ, я испытывалъ странное удивленіе. Двойникъ мой вѣроятно, уже въ томъ же городѣ, что я, ждетъ уже, можетъ быть. Я здѣсь представленъ въ двухъ лицахъ. Если бы не усы и разница въ одеждѣ, служащіе гостиницы — — А можетъ быть (продолжалъ я думать, соскакивая съ мысли на мысль) онъ измѣнился и больше не похожъ на меня, и я понапрасну сюда пріѣхалъ. «Дай Богъ», — сказалъ я съ силой, — и самъ не понялъ, почему я это сказалъ, — вѣдь сейчасъ весь смыслъ моей жизни заключался въ томъ, что у меня есть живое отраженіе, — почему же я упомянулъ имя небытнаго Бога, почему вспыхнула во мнѣ дурацкая надежда, что мое отраженіе исковеркано? Я подошелъ къ окну, выглянулъ, — тамъ былъ глухой дворъ, и съ круглой спиной татаринъ въ тюбетейкѣ показывалъ босоногой женщинѣ синій коврикъ. Женщину я зналъ, и татарина зналъ тоже, и зналъ эти лопухи, собравшіеся {64} въ одномъ углу двора, и воронку пыли, и мягкій напоръ вѣтра и блѣдное, селедочное небо; въ эту минуту постучали,

вошла горничная съ постельнымъ бѣльемъ, и когда я опять посмотрѣлъ на дворъ, это уже былъ не татаринъ, а какой-то мѣстный оборванецъ, продающій подтяжки, женщины же вообще не было — но пока я смотрѣлъ, опять стало все соединяться, строиться, составлять определенное воспоминаніе, — выростали, тѣснясь, лопухи въ углу двора, и рыжая Христина Форсманъ шупала коврикъ, и летѣлъ песокъ, — и я не могъ понять, гдѣ ядро, вокругъ котораго все это образовалось, что именно послужило толчкомъ, зачатіемъ, — и вдругъ я посмотрѣлъ на графинъ съ мертвой водой, и онъ сказалъ «тепло», — какъ въ игрѣ, когда прячуть предметъ, — и я бы вѣроятно нашель въ концѣ концовъ тотъ пустякъ, который, бессознательно замѣченный мной, мгновенно пустилъ въ ходъ машину памяти, а можетъ быть и не нашель бы, а просто все въ этомъ номерѣ провинціальной нѣмецкой гостиницы, — и даже видъ въ окнѣ, — было какъ-то смутно и уродливо схоже съ чѣмъ-то уже видѣннымъ въ Россіи давнымъ давно, — тутъ, однако, я спохватился, что пора итти на свиданіе, и, натягивая перчатки, поспѣшно вышелъ. Я свернулъ на бульваръ, миновалъ почтамтъ. Дулъ вѣтеръ, и наискось черезъ улицу летѣли листья. Несмотря на мое нетерпѣніе, я съ обычной наблюдательностью, замѣчалъ лица прохожихъ, вагоны трамвая, казавшіеся послѣ Берлина игрушечными, лавки, исполинскій цилиндръ, нарисованный на облупившейся стѣнѣ, вывѣски, фамилію надъ булочной, Карлъ Шписъ, — напомнившую мнѣ нѣкоего Карла Шписа, котораго я знавалъ въ волжскомъ поселкѣ, и {65} который тоже торговалъ булками. Наконецъ въ глубинѣ бульвара всталъ на дыбы бронзовый конь, опираясь на хвостъ, какъ дятель, и, если бѣ герцогъ на немъ энергичнѣе протягивалъ руку, то при тускломъ вечернемъ свѣтѣ памятникъ могъ бы сойти за петербургскаго всадника. На одной изъ скамеекъ сидѣлъ старикъ и поѣдалъ изъ бумажнаго мѣшочка виноградъ; на другой расположились двѣ пожилыя дамы; старуха огромной величины полулежала въ колясочкѣ для калѣкъ и слушала ихъ разговоръ, глядя на нихъ круглымъ глазомъ. Я дважды, трижды обошелъ памятникъ, отмѣтивъ придавленную копытомъ змѣю, латинскую надпись, ботфорту съ черной звѣздой шпоры. Змѣи, впрочемъ, никакой не было, это мнѣ почудилось. Затѣмъ я присѣлъ на пустую скамью, — ихъ было всего полдюжины, — и посмотрѣлъ на часы. Три минуты шестого. По газону прыгали воробьи. На вычурной изогнутой клумбѣ цвѣли самые гнусные въ мірѣ цвѣты — астры. Прошло минутъ десять. Такое волненіе, что ждать въ сидячемъ положеніи не могъ. Кромѣ того, вышли всѣ папиросы, курить хотѣлось до бѣшенства. Свернувъ съ бульвара на боковую улицу мимо черной кирки съ претензіями на старину, я нашель табачную лавку, вошелъ, автоматическій звонокъ продолжалъ зудѣть, — я не

прикрылъ двери, — «будьте добры», — сказала женщина въ очкахъ за прилавкомъ, — вернулся, захлопнулъ дверь. Надъ ней былъ натюр-мортъ Ардаліона: трубка на зеленомъ сукнѣ и двѣ розы.

«Какъ это къ вамъ...?» — спросилъ я со смѣхомъ. Она не сразу поняла, а понявъ отвѣтила:

«Это сдѣлала моя племянница. Недавно умерла». {66}

Что за дичь, — подумалъ я. — Вѣдь нѣчто очень похожее, если не точь-въ-точь такое, я видѣлъ у него, — что за дичь...

«Ладно, ладно, — сказалъ я вслухъ. — Дайте мнѣ...» — назвалъ сортъ, который курю, заплатилъ и вышелъ.

Двадцать минутъ шестого.

Не смѣя еще вернуться на урочное мѣсто, давая еще время судьбѣ переменить программу, еще ничего не чувствуя, ни досады, ни облегченія, я довольно долго шелъ по улицѣ, удаляясь отъ памятника, — и все останавливался, пытаюсь закурить, — вѣтеръ вырывалъ у меня огонь, наконецъ я забился въ подъездъ, надулъ вѣтеръ, — какой каламбуръ! И стоя въ подъздѣ, и смотря на двухъ дѣвочекъ, игравшихъ возлѣ, по очереди бросавшихъ стеклянный шарикъ съ радужной искрой внутри, а то — на корточкахъ — подвигавшихъ его пальцемъ, а то еще — сжимавшихъ его между носками и подпрыгивавшихъ, — все для того, чтобы онъ попалъ въ лунку, выдавленную въ землѣ подъ березой съ раздвоеннымъ стволомъ, — смотря на эту сосредоточенную, безмолвную, кропотливую игру, я почему-то подумалъ, что Феликсъ придти не можетъ по той простой причинѣ, что я самъ выдумалъ его, что созданъ онъ моей фантазіей, жадной до отраженій, повтореній, масокъ, — и что мое присутствіе здѣсь, въ этомъ захолустномъ городкѣ, нелѣпо и даже чудовищно.

Вспоминаю теперь оный городокъ, — и вотъ я въ странномъ смущеніи: приводитъ ли еще примѣры тѣхъ его подробностей, которыя непріятнѣйшимъ образомъ {67} перекликались съ подробностями, гдѣ-то и когда-то видѣнными мной? Мнѣ даже кажется, что онъ былъ построенъ изъ какихъ-то отбросовъ моего прошлаго, ибо я находилъ въ немъ вещи, совершенно замѣчательныя по жуткой и необъяснимой близости ко мнѣ: приземистый, блѣдно-голубой домишко, двойникъ котораго я видѣлъ на Охтѣ, лавку старьевщика, гдѣ висѣли костюмы знакомыхъ мнѣ покойниковъ, тотъ же номеръ фонаря (всегда замѣчаю номера фонарей), какъ на стоявшемъ передъ домомъ, гдѣ я жилъ въ Москвѣ, и рядомъ съ нимъ — такая же голая береза, въ такомъ же чугунномъ корсетѣ и съ тѣмъ же раздвоеніемъ ствола (поэтому я и посмотрѣлъ на номеръ). Можно было бы привести еще много примѣровъ — иные изъ нихъ такіе тонкіе, такіе — я бы сказалъ — отвлеченно личные, что

читателю — о которомъ я, какъ нянька, забочусь — они были бы непонятны. Да и кромѣ того я несовсѣмъ увѣренъ въ исключительности сихъ явленій. Всякому человѣку, одаренному повышенной примѣтливостью, знакомы эти анонимные пересказы изъ его прошлаго, эти будто бы невинныя сочетанія деталей, мерзко отдающія плагиатомъ. Оставимъ ихъ на совѣсти судьбы и вернемся, съ замираніемъ сердца, съ тоской и неохотой, къ памятнику въ концѣ бульвара.

Старикъ доѣлъ виноградъ и ушелъ, женщину, умирающую отъ водянки, укатали, — никого не было, кромѣ одного человѣка, который сидѣлъ какъ разъ на той скамейкѣ, гдѣ я самъ давеча сидѣлъ, и, слегка поддавшись впередъ, разставивъ колѣни, кормилъ крошками воробьевъ. Его палка, небрежно прислоненная къ сидѣнію скамьи, медленно пришла въ движеніе въ тотъ мигъ, какъ я ее замѣтилъ, — она поѣхала и упала на {68} гравій. Воробьи вспорхнули, описали дугу, размѣстились на окрестныхъ кустахъ. Я почувствовалъ, что человѣкъ обернулся ко мнѣ...

Да, читатель, ты не ошибся.

ГЛАВА V.

Глядя въ землю, я лѣвой рукой пожалъ его правую руку, одновременно поднялъ его упавшую палку и сѣлъ рядомъ съ нимъ на скамью.

«Ты опоздалъ», — сказалъ я, не глядя на него.

Онъ засмѣялся. Все еще не глядя, я разстегнулъ пальто, снялъ шляпу, провелъ ладонью по головѣ, — мнѣ почему-то стало жарко.

«Я васъ сразу узналъ», — сказалъ онъ льстивымъ, глупо-заговорщичьимъ тономъ.

Теперь я смотрѣлъ на палку, оказавшуюся у меня въ рукахъ: это была толстая, загорѣвшая палка, липовая, съ глазкомъ въ одномъ мѣстѣ и со тщательно выжженнымъ именемъ владѣльца — Феликсъ такой-то, — а подъ этимъ — годъ и названіе деревни. Я отложилъ ее, подумавъ мелькомъ, что онъ, мошенникъ, пришелъ пѣшкомъ.

Рѣшившись наконецъ, я повернулся къ нему. Но посмотрѣлъ на его лицо несразу; я началъ съ ногъ, какъ бываетъ въ кинематографѣ, когда форситъ операторъ. Сперва: пыльные башмачища, толстые носки, плохо подтянутые; затѣмъ — лоснящіеся синіе штаны (тогда были плисовые, — вѣроятно сгнили) и рука, держащая {69} сухой хлѣбецъ. Затѣмъ — синій пиджакъ и подъ нимъ вязаный жилетъ дикаго цвѣта. Еще выше — знакомый воротничекъ, теперь сравнительно чистый. Тутъ

я остановился. Оставить его безъ головы, или продолжать его строить? Прикрывшись рукой, я сквозь пальцы посмотрѣлъ на его лицо.

На мгновение мнѣ подумалось, что все прежнее было обманомъ, галлюцинаціей, что никакой онъ не двойникъ мой, этотъ дурень, поднявшій брови, выжидательно ослабившійся, еще несовсѣмъ знавшій, какое выраженіе принять, — отсюда: на всякій случай поднятыя брови. На мгновение, говорю я, онъ мнѣ показался такъ же на меня похожимъ, какъ былъ бы похожъ первый встрѣчный. Но вернулись успокоившіеся воробьи, одинъ запрыгалъ совсѣмъ близко, и это отвлекло его вниманіе, черты его встали по своимъ мѣстамъ, и я вновь увидѣлъ чудо, явившееся мнѣ пять мѣсяцевъ тому назадъ.

Онъ кинулъ воробьямъ горсть крошекъ. Одинъ изъ нихъ суетливо клюнулъ, крошка подскочила, ее схватилъ другой и улетѣлъ. Феликсъ опять повернулся ко мнѣ съ выраженіемъ ожиданія и готовности.

«Вонъ тому не попало», — сказалъ я, указавъ пальцемъ на воробья, который стоялъ въ сторонѣ, беспомощно хлопая клювомъ.

«Молодъ, — замѣтилъ Феликсъ. — Видите, еще хвоста почти нѣтъ. Люблю птичекъ», — добавилъ онъ съ приторной ужимкой.

«Ты на войнѣ побывалъ?», — спросилъ я и нѣсколько разъ сряду прочистилъ горло, — голосъ былъ хриплый.

«Да, — отвѣтилъ онъ, — а что?» {70}

«Такъ, ничего. Здорово боялся, что убьютъ, — правда?»

Онъ подмигнулъ и проговорилъ загадочно:

«У всякой мыши — свой домъ, но не всякая мышь выходитъ оттуда».

Я уже успѣлъ замѣтить, что онъ любитъ пошлыя прибаутки въ риѳму; не стоило ломать себѣ голову надъ тѣмъ, какую собственно мысль онъ желалъ выразить.

«Все. Больше нѣту, — обратился онъ вскользь къ воробьямъ. — Бѣлокъ тоже люблю» (опять подмигнулъ). «Хорошо, когда въ лѣсу много бѣлокъ. Я люблю ихъ за то, что онѣ противъ помѣщиковъ. Вотъ кроты — тоже».

«А воробьи? — спросилъ я ласково. — Они какъ — противъ?»

«Воробей среди птицъ нищій, — самый что ни на есть нищій. Нищій», — повторилъ онъ еще разъ. Онъ видимо считалъ себя необыкновенно разсудительнымъ и смѣтливымъ парнемъ. Впрочемъ, онъ былъ не просто дуракъ, а дуракъ-меланхоликъ. Улыбка у него выходила скучная, — противно было смотрѣть. И все же я смотрѣлъ съ жадностью. Меня весьма занимало, какъ наше диковинное сходство нарушалось его случайными ужимками. Доживи онъ до старости, — подумалъ я, — сходство совсѣмъ пропадетъ, а сейчасъ оно въ полномъ расцвѣтѣ.

Германъ (игриво): «Ты, я вижу, философъ».

Онъ какъ будто слегка обидѣлся. «Философія — выдумка богачей, — возразилъ онъ съ глубокимъ убѣжденіемъ. — И вообще, все это пустыя выдумки: религія, поэзія... Ахъ, дѣвушка, какъ я страдаю, ахъ, {71} мое бѣдное сердце... Я въ любовь не вѣрю. Вотъ дружба — другое дѣло. Дружба и музыка».

«Знаете что, — вдругъ обратился онъ ко мнѣ съ нѣкоторымъ жаромъ, — я бы хотѣлъ имѣть друга, — вѣрнаго друга, который всегда былъ бы готовъ подѣлиться со мной кускомъ хлѣба, а по завѣщанію оставилъ бы мнѣ немного земли, домишко. Да, я хотѣлъ бы настоящаго друга, — я служилъ бы у него въ садовникахъ, а потомъ его садъ сталъ бы моимъ, и я бы всегда поминалъ покойника со слезами благодарности. А еще — мы бы съ нимъ играли на скрипкахъ, или тамъ онъ на дудкѣ, я на мандолинѣ. А женщины... Ну скажите, развѣ есть жена, которая бы не измѣняла мужу?»

«Очень все это правильно. Очень правильно. Съ тобой пріятно говорить. Ты въ школѣ учился?»

«Недолго. Чему въ школѣ научишься? Ничему. Если человекъ умный, на что ему ученіе? Главное — природа. А политика, напимѣръ, меня не интересуеетъ. И вообще міръ это, знаете, дерьмо».

«Заключеніе безукоризненно правильное, — сказалъ я. — Да, безукоризненно. Прямо удивляюсь. Вотъ что, умникъ, отдай-ка мнѣ моментально мой карандашъ!»

Этимъ я его здорово осадилъ и привелъ въ нужное мнѣ настроеніе.

«Вы забыли на травѣ, — пробормоталъ онъ растерянно. — Я не зналъ, увижу ли васъ опять...»

«Укралъ и продалъ!» — крикнулъ я, — даже притопнулъ.

Отвѣтъ его былъ замѣчательнъ: сперва мотнулъ головой, что значило «Не кралъ», и тотчасъ кивнулъ, {72} что значило «Продалъ». Въ немъ, мнѣ кажется, былъ собранъ весь букетъ человѣческой глупости.

«Чортъ съ тобою, — сказалъ я, — въ другой разъ будь осмотрительнѣе. Ужъ ладно. Бери папиросу».

Онъ размякъ, просіялъ, видя, что я не сержусь; принялся благодарить: «Спасибо, спасибо... Дѣйствительно, какъ мы съ вами похожи, какъ похожи... Можно подумать, что мой отецъ согрѣшилъ съ вашей матушкой!» — Подобострастно засмѣялся, чрезвычайно довольный своею шуткой.

«Къ дѣлу, — сказалъ я, притворившись вдругъ очень серьезнымъ. — Я пригласилъ тебя сюда не для однихъ отвлеченныхъ разговорчиковъ, какъ бы они ни были пріятны. Я тебѣ писалъ о помощи, которую собираюсь тебѣ оказать, о работѣ, которую нашелъ для тебя.

Прежде всего, однако, хочу тебѣ задать вопросъ. Отвѣть мнѣ на него точно и правдиво. Кто я таковъ по твоему мнѣнію?»

Феликсъ осмотрѣлъ меня, отвернулся, пожалъ плечомъ.

«Я тебѣ не загадку задаю, — продолжалъ я терпѣливо. — Я отлично понимаю, что ты не можешь знать, кто я въ дѣйствительности. Отстранимъ на всякій случай возможность, о которой ты такъ остроумно упомянулъ. Кровь, Феликсъ, у насъ разная, — разная, голубчикъ, разная. Я родился въ тысячѣ верстахъ отъ твоей колыбели, и честь моихъ родителей, какъ — надѣюсь — и твоихъ, безупречна. Ты единственный сынъ, я — тоже. Такъ что ни ко мнѣ, ни къ тебѣ никакъ не можетъ явиться этакій таинственный братъ, котораго, молъ, ребенкомъ украли цыгане. Насъ не {73} связываютъ никакія узы, у меня по отношенію къ тебѣ нѣтъ никакихъ обязательствъ, — заруби это себѣ на носу, — никакихъ обязательствъ, — все, что собираюсь сдѣлать для тебя, сдѣлаю по доброй волѣ. Запомни все это, пожалуйста. Теперь я тебя снова спрашиваю, кто я таковъ по твоему мнѣнію, чѣмъ я представляюсь тебѣ, — вѣдь какое-нибудь мнѣніе ты обо мнѣ составилъ, — неправда-ли?»

«Вы, можетъ быть, артистъ», — сказалъ Феликсъ неувѣренно.

«Если я правильно понялъ тебя, дружокъ, ты значить, при первомъ нашемъ свиданіи, такъ примѣрно подумалъ: Э, да онъ, вѣроятно, играетъ въ театрѣ, человѣкъ съ норомомъ, чудакъ и франтъ, можетъ быть знаменитость. Такъ, значить?»

Феликсъ уставился на свой башмакъ, которымъ трамбовалъ гравій, и лицо его приняло нѣсколько напряженное выраженіе.

«Я ничего не подумалъ, — проговорилъ онъ кисло. — Просто вижу: господинъ интересуется, ну и такъ далѣе. А хорошо платятъ вамъ-то, артистамъ?»

Примѣчанье: мысль, которую онъ подалъ мнѣ, показалась мнѣ гибкой, — я рѣшилъ ее испытать. Она любопытнѣйшей излучиной соприкасалась съ главнымъ моимъ планомъ.

«Ты угадалъ, — воскликнулъ я, — ты угадалъ. Да, я актеръ. Точнѣе — фильмный актеръ. Да, это вѣрно. Ты хорошо, ты великолѣпно это сказалъ. Ну, дальше. Что еще можешь сказать обо мнѣ?»

Тутъ я замѣтилъ, что онъ какъ то приунылъ. Моя профессія точно его разочаровала. Онъ сидѣлъ насупившись, держа дымившійся окурокъ между большимъ {74} пальцемъ и указательнымъ. Вдругъ онъ поднялъ голову, прищурился...

«А какую вы мнѣ работу хотите предложить?» — спросилъ онъ безъ прежней заискивающей нѣжности.

«Погоди, погоди. Все въ свое время. Я тебя спрашивалъ, — что ты еще обо мнѣ думаешь, — ну-съ, пожалуйста».

«Почемъ я знаю? — Вы любите развѣзжать, — вотъ это я знаю, — а больше не знаю ничего».

Между тѣмъ за вечерѣло, воробьи исчезли давно, всадникъ потемнѣлъ и какъ-то разросся. Изъ-за траурнаго дерева безшумно появилась луна, — мрачная, жирная. Облако мимоходомъ надѣло на нее маску; остался виденъ только ея полный подбородокъ.

«Вотъ что Феликсъ, тутъ темно и неудобно. Ты, пожалуй, голоденъ. Пойдемъ, закусимъ гдѣ-нибудь и за кружкой пива продолжимъ нашъ разговоръ. Ладно?»

«Ладно», — отозвался онъ, слегка оживившись и глубокомысленно присовокупилъ: — «Пустому желудку одно только и можно сказать» — (перевожу дословно, — по-нѣмецки все это у него выходило въ риѳмочку).

Мы встали и направились къ желтымъ огнямъ бульвара. Теперь, въ надвигающейся тьмѣ, я нашего сходства почти не ощущалъ. Феликсъ шагалъ рядомъ со мной, словно въ какомъ-то раздумьѣ, — походка у него была такая же тупая, какъ онъ самъ.

Я спросилъ: «Ты здѣсь въ Тарницѣ еще никогда не бывалъ?»

«Нѣтъ, — отвѣтилъ онъ. — Городовъ не люблю. Въ городѣ нашему брату скучно».

Вывѣска трактира. Въ окнѣ боченокъ, а по сторонамъ {75} два бородатыхъ карла. Ну, хотя бы сюда. Мы вошли и заняли столъ въ глубинѣ. Стягивая съ растопыренной руки перчатку, я зоркимъ взглядомъ окинулъ присутствующихъ. Было ихъ, впрочемъ, всего трое, и они не обратили на насъ никакого вниманія. Подошелъ лакей, блѣдный человѣчекъ въ пенснэ (я не въ первый разъ видѣлъ лакея въ пенснэ, но не могъ вспомнить, гдѣ мнѣ уже такой попадался). Ожидая заказа, онъ посмотрѣлъ на меня, потомъ на Феликса. Конечно, изъ-за моихъ усовъ сходство не такъ бросалось въ глаза, — я и отпустилъ ихъ, собственно, для того, чтобы, появляясь съ Феликсомъ вмѣстѣ, не возбуждать черезчуръ вниманія. Кажется у Паскаля встрѣчается гдѣ-то умная фраза о томъ, что двое похожихъ другъ на друга людей особаго интереса въ отдѣльности не представляютъ, но коль скоро появляются вмѣстѣ — сенсація. Паскаля самого я не читалъ и не помню, гдѣ слямзилъ это изреченіе. Въ юности я увлекался такими штучками. Бѣда только въ томъ, что иной прикарманенной мыслью щеголялъ не я одинъ. Какъ то въ Петербургѣ, будучи въ гостяхъ, я сказалъ: «Есть чувства, какъ говорилъ Тургеневъ, которыя можетъ выразить одна только музыка». Черезъ нѣсколько минутъ явился еще гость и среди разговора вдругъ

разрѣшился тою же сентенціей. Не я, конечно, а онъ, оказался въ дуракахъ, но мнѣ вчужѣ стало неловко, и я рѣшилъ больше не мудрить. Все это — отступленіе, отступленіе въ литературномъ смыслѣ разумѣется, отнюдь не въ военномъ. Я ничего не боюсь, все расскажу. Нужно признать: восхитительно владѣю не только собой, но и слогомъ. Сколько романовъ я понаписалъ въ молодости, такъ, между {76} дѣломъ, и безъ малѣйшаго намѣренія ихъ опубликовать. Еще изреченіе: опубликованный манускриптъ, какъ говорилъ Свифтъ, становится похожъ на публичную женщину. Однажды, еще въ Россіи, я далъ Лидѣ прочесть одну вещицу въ рукописи, сказавъ, что сочинилъ знакомый, — Лида нашла, что скучно, не дочитала, — моего почерка она до сихъ поръ не знаетъ, — у меня ровнымъ счетомъ двадцать пять почерковъ, — лучшіе изъ нихъ, т. е. тѣ, которые я охотнѣе всего употребляю, суть слѣдующіе: круглявый: съ пріятными сдобными утолщеніями, каждое слово — прямо изъ кондитерской; засимъ: наклонный, востренькій, — даже не почеркъ, а почерченокъ, — такой мелкій, вѣтранный, — съ сокращеніями и безъ твердыхъ знаковъ; и наконецъ — почеркъ, который я особенно цѣню: крупный, четкій, твердый и совершенно безличный, словно пишетъ имъ абстрактная, въ схематической манжетѣ, рука, изображаемая въ учебникахъ физики и на указательныхъ столбахъ. Я началъ было именно этимъ почеркомъ писать предлагаемую читателю повѣсть, но вскорѣ сбился, — повѣсть эта написана всѣми двадцатью пятью почерками, вперемѣшку, такъ что наборщики или неизвѣстная мнѣ машинистка, или наконецъ, тотъ опредѣленный, выбранный мной человекъ, тотъ русскій писатель, которому я мою рукопись доставляю, когда подойдетъ срокъ, подумаютъ, быть можетъ, что писало мою повѣсть нѣсколько человекъ, — а также весьма возможно, что какой-нибудь крысopodobный экспертъ съ хитрымъ личикомъ усмотритъ въ этой какографической роскоши признакъ ненормальности. Тѣмъ лучше.

Вотъ я упомянулъ о тебѣ, мой первый читатель, о {77} тебѣ, извѣстный авторъ психологическихъ романовъ, — я ихъ просматривалъ, — они очень искусственны, но неплохо скроены. Что ты почувствуешь, читатель-авторъ, когда приступишь къ этой рукописи? Восхищеніе? Зависть? Или даже — почему знать? — воспользовавшись моей безсрочной отлучкой, выдашь мое за свое, за плодъ собственной изощренной, не спорю, изощренной и опытной, — фантазіи, и я останусь на бобахъ? Мнѣ было бы нетрудно принять напередъ мѣры противъ такого наглаго похищенія. Приму ли ихъ, — это другой вопросъ. Мнѣ, можетъ быть, даже лестно, что ты украдешь мою вещь. Кража — лучший комплиментъ, который можно сдѣлать вещи. И, знаешь, что самое забавное? Вѣдь, рѣшившись на непріятное для меня воровство, ты исключишь

какъ разъ вотъ эти компрометирующая тебя строки, — да и кромѣ того кое-что перелицуешь по своему, (это уже менѣе пріятно), какъ автомобильный воръ красить въ другой цвѣтъ машину, которую угналъ. И по этому поводу позволю себѣ рассказать маленькую исторію, самую смѣшную исторію, какую я вообще знаю:

Недѣли полторы тому назадъ, т. е. около десятаго марта тридцать перваго года, нѣкимъ человѣкомъ (или людьми), проходившимъ (или проходившими) по шоссе, а не то лѣсомъ (вѣроятно — еще выяснится), былъ обнаруженъ у самой опушки и незаконно присвоенъ небольшой синій автомобиль такой-то марки, такой-то силы (техническія подробности опускаю). Вотъ собственно говоря, и все.

Я не утверждаю, что всякому будетъ смѣшонъ этотъ анекдотъ: соль его не очевидна. Меня онъ разсмѣшилъ — до слезъ — только потому, что я знаю {78} подоплеку. Добавлю, что я его ни отъ кого не слышалъ, нигдѣ не вычиталъ, а строго логически вывелъ изъ факта исчезновенія автомобиля, факта совершенно превратно истолкованнаго газетами. Назадъ, рычагъ времени!

«Ты умѣешь править автомобилемъ?» — вдругъ спросилъ я, помнится, Феликса, когда лакей, ничего не замѣтивъ въ насъ особеннаго, поставилъ передъ нами двѣ кружки пива, и Феликсъ жадно окунулъ губу въ пышную пѣну.

«Что?» — переспросилъ онъ, сладостно крякнувъ.

«Я спрашиваю: ты умѣешь править автомобилемъ?»

«А какъ же, — отвѣтилъ онъ самодовольно. — У меня былъ пріятель шофферъ, — служилъ у одного нашего помѣщика. Мы съ нимъ однажды раздавили свинью. Какъ она визжала...»

Лакей принесъ какое-то рагу въ большомъ количествѣ и картофельное пюре. Гдѣ я уже видѣлъ пенснэ на носу у лакея? Вспомнилъ только сейчасъ, когда пишу это: въ паршивомъ русскомъ ресторанчикѣ, въ Берлинѣ, — и тотъ лакей былъ похожъ на этого, — такой же маленький, унылый, бѣлобрысый.

«Ну вотъ, Феликсъ, мы попили, мы поѣли, будемъ теперь говорить. Ты сдѣлалъ кое-какія предположенія на мой счетъ, и предположенія вѣрныя. Прежде, чѣмъ приступить вплотную къ нашему дѣлу, я хочу нарисовать тебѣ въ общихъ чертахъ мой обликъ, мою жизнь, — ты скоро поймешь, почему это необходимо. Итакъ...»

Я отпилъ пива и продолжалъ:

«Итакъ, родился я въ богатой семьѣ. У насъ былъ домъ и садъ, — ахъ, какой садъ, Феликсъ! Представь {79} себѣ розовую чащобу, цѣлыя заросли розъ, розы всѣхъ сортовъ, каждый сортъ съ дощечкой, и на дощечкѣ — названіе: названія розамъ даютъ такія же звонкія, какъ ска-

ковымъ лошадямъ. Кромѣ розъ, росло въ нашемъ саду множество другихъ цвѣтовъ, — и когда по утрамъ все это бывало обрызгано росой, зрѣлище, Феликсъ, получалось сказочное. Мальчикомъ я уже любилъ и умѣлъ ухаживать за нашимъ садомъ, у меня была маленькая лейка, Феликсъ, и маленькая мотыга, и родители мои сидѣли въ тѣни старой черешни, посаженной еще дѣдомъ, и глядѣли съ умиленіемъ, какъ я, маленькій и дѣловитый, — вообрази, вообрази эту картину, — снимаю съ розъ и давлю гусеницъ, похожихъ на сучки. Было у насъ всякое домашнее звѣрье, какъ на примѣръ, кролики, — самое овальное животное, если понимаешь, что хочу сказать, — и сердитые сангвиники-индюки, и прелестныя козочки, и такъ далѣе, и такъ далѣе. Потомъ родители мои разорились, померли, чудный садъ исчезъ, какъ сонъ, — и вотъ только теперь счастье какъ будто блеснуло опять. Мнѣ удалось недавно приобрести клочокъ земли на берегу озера, и тамъ будетъ разбитъ новый садъ, еще лучше стараго. Моя молодость вся насквозь проблагоухала тьмою цвѣтовъ, окружавшей ее, а сосѣдній лѣсъ, густой и дремучій, наложилъ на мою душу тѣнь романтической меланхоліи. Я всегда былъ одинокъ, Феликсъ, одинокъ я и сейчасъ. Женщины... — Но что говорить объ этихъ измѣнчивыхъ, развратныхъ существахъ... Я много путешествовалъ, люблю, какъ и ты, бродить съ котомкой, — хотя конечно, въ силу нѣкоторыхъ причинъ, которыя всецѣло осуждаю, мои скитанія пріятнѣе твоихъ. Философствовать не {80} люблю, но все же слѣдуетъ признать, что міръ устроенъ несправедливо. Удивительная вещь, — задумывался ли ты когда-нибудь надъ этимъ? — что двое людей, одинаково бѣдныхъ, живутъ неодинаково, одинъ, скажемъ, какъ ты, откровенно и безнадежно нищенствуетъ, а другой, такой же бѣднякъ, ведетъ совсѣмъ иной образъ жизни, — прилично одѣтъ, безпечень, сытъ, вращается среди богатыхъ весельчаковъ, — почему это такъ? А потому, Феликсъ, что принадлежатъ они къ разнымъ классамъ, — и если уже мы заговорили о классахъ, то представь себѣ одного человѣка, который зайцемъ ѣдетъ въ четвертомъ классѣ, и другого, который зайцемъ ѣдетъ въ первомъ: одному твердо, другому мягко, а между тѣмъ у обоихъ кошелькъ пустъ, — вѣрнѣе, у одного есть кошелькъ, хоть и пустой, а у другого и этого нѣтъ, — просто дырявая подкладка. Говорю такъ, чтобы ты осмыслилъ разницу между нами: я актеръ, живущій въ общемъ на фуфу, но у меня всегда есть резиновыя надежды на будущее, которыя можно безъ конца растягивать, — у тебя же и этого нѣтъ, — ты всегда бы остался нищимъ, если бы не чудо, — это чудо: наша встрѣча.

Нѣтъ такой вещи, Феликсъ, которую нельзя было бы эксплуатировать. Скажу болѣе: нѣтъ такой вещи, которую нельзя было бы эксплуа-

тировать очень долго и очень успѣшно. Тебѣ снилась, можетъ быть, въ самыхъ твоихъ заносчивыхъ снахъ двузначная цифра — это предѣлъ твоихъ мечтаній. Нынѣ же рѣчь идетъ сразу, съ мѣста въ карьеръ, о цифрахъ трехзначныхъ, — это конечно нелегко охватить воображеніемъ, вѣдь и десятка была уже для тебя едва мыслимой безконечностью, {81} а теперь мы какъ бы зашли за уголь безконечности, — и тамъ сіяетъ сотенка, а за нею другая, — и какъ знать, Феликсъ, можетъ быть зрѣетъ и еще одинъ, четвертый, знакъ, — кружится голова, страшно, щекотно, — но это такъ, это такъ. Вотъ видишь, ты до такой степени привыкъ къ своей убогой судьбѣ, что сейчасъ едва ли улавливаешь мою мысль, — моя рѣчь тебѣ кажется непонятной, странной; то, что впереди, покажется тебѣ еще непонятнѣе и страннѣе».

Я долго говорилъ въ этомъ духѣ. Онъ глядѣлъ на меня съ опаской: ему, пожалуй, начинало сдаваться, что я издѣваюсь надъ нимъ. Такіе какъ онъ молодцы добродушны только до нѣкотораго предѣла. Какъ только вспадаетъ имъ на мысль, что ихъ собираются околпачить, вся доброта съ нихъ слетаетъ, взглядъ принимаетъ непріятно-стеклянный оттѣнокъ, ихъ начинаетъ разбирать тяжелая, прочная ярость. Я говорилъ темно, но не задавался цѣлью его взбѣсить, напротивъ мнѣ хотѣлось расположить его къ себѣ, — озадачить, но вмѣстѣ съ тѣмъ привлечь; смутно, но все же убѣдительно, внушить ему образъ человѣка, во многомъ сходнаго съ нимъ, — однако фантазія моя разыгралась, и разыгралась нехорошо, увѣсисто, какъ пожилая, но все еще кокетливая дама, выпившая лишнее. Оцѣнивъ впечатлѣніе, которое на него произвожу, я на минуту остановился, пожалѣлъ было, что его напугалъ, но тутъ же ощутилъ нѣкоторую усладу отъ умѣнія моего заставлятъ слушателя чувствовать себя плохо. Я улыбнулся и продолжалъ примѣрно такъ:

«Ты прости меня, Феликсъ, я разболтался, — но мнѣ рѣдко приходится отводить душу. Кромѣ того, я {82} очень спѣшу показать себя со всѣхъ сторонъ, дабы ты имѣлъ полное представленіе о человѣкѣ, съ которымъ тебѣ придется работать, — тѣмъ болѣе, что самая эта работа будетъ прямымъ использованіемъ нашего съ тобою сходства. Скажи мнѣ, знаешь ли ты, что такое дублеръ? «

Онъ покачалъ головою, губа отвисла, я давно замѣтилъ, что онъ дышитъ все больше ртомъ, носъ былъ у него, что-ли, заложенъ.

«Не знаешь, — такъ я тебѣ объясню. Представь себѣ, что директоръ кинематографической фирмы, — ты въ кинематографѣ бывалъ?

«Бывалъ».

«Ну вотъ, — представь себѣ, значить, такого директора... Виновать, ты, дружокъ, что-то хочешь сказать?»

«Бываль, но рѣдко. Ужъ если тратить деньги, такъ на что-нибудь получше».

«Согласенъ, но не всѣ разсуждаютъ, какъ ты, — иначе не было бы и ремесла такого, какъ мое, — неправда-ли? И такъ, мой директоръ предложилъ мнѣ за небольшую сумму, что-то около десяти тысячъ, — это конечно пустякъ, фуфу, но больше не даютъ, — сниматься въ фильмѣ, гдѣ герой — музыкантъ. Я кстати самъ обожаю музыку, играю на нѣсколькихъ инструментахъ. Бывало, лѣтнимъ вечеркомъ беру свою скрипку, иду въ ближній лѣсокъ... Ну такъ вотъ. Дублеръ, Феликсъ, это лицо, могущее въ случаѣ надобности замѣнить даннаго актера.

Актеръ играетъ, его снимаетъ аппаратъ, осталось доснять пустяковую сценку, — скажемъ, герой долженъ проѣхать на автомобилѣ, — а тутъ возьми онъ, {83} да и заболѣй, — а время не терпитъ. Тутъ то и вступаетъ въ свою должность дублеръ, — проѣзжаетъ на этомъ самомъ автомобилѣ, — вѣдь ты умѣешь управлять, — и когда зритель смотритъ фильму, ему и въ голову не приходитъ, что произошла замѣна. Чѣмъ сходство совершеннѣе, тѣмъ оно дороже цѣнится. Есть даже особая организаціи, занимающаяся тѣмъ, что знаменитостямъ подыскиваютъ двойниковъ. И жизнь двойника прекрасна, — онъ получаетъ определенное жалованіе, а работать приходится ему только изрѣдка, — да и какая это работа, — одѣнется точь-въ-точь какъ одѣтъ герой и вмѣсто героя промелькнетъ на нарядной машинѣ, — вотъ и все. Разумѣется, болтать о своей службѣ онъ не долженъ; вѣдь каково получится, если конкурентъ или какой-нибудь журналистъ проникнетъ въ подлогъ, и публика узнаетъ, что ея любимца въ одномъ мѣстѣ подмѣнили. Ты понимаешь теперь, почему я пришелъ въ такой восторгъ, въ такое волненіе, когда нашелъ въ тебѣ точную копію своего лица. Я всегда мечталъ объ этомъ. Подумай, какъ важно для меня — особенно сейчасъ, когда производятся съемки, и я, человекъ хрупкаго здоровья, исполняю главную роль. Въ случаѣ чего тебя сразу вызываютъ, ты являешься — —»

«Никто меня не вызываетъ, и никуда я не являюсь», — перебилъ меня Феликсъ.

«Почему ты такъ говоришь, голубчикъ?» — спросилъ я съ ласковой укоризной.

«Потому, — отвѣтилъ Феликсъ, — что нехорошо съ вашей стороны морочить бѣднаго человека. Я вамъ повѣрилъ. Я думалъ, вы мнѣ предложите честную работу. Я притащился сюда издалека. У меня подметки {84} — смотрите, въ какомъ видѣ... А вмѣсто работы — — Нѣтъ, это мнѣ не подходитъ».

«Тутъ недоразумѣніе, — сказалъ я мягко. — Ничего унижительнаго или чрезмѣрно тяжелаго я не предлагаю тебѣ. Мы заключимъ дого-

воръ. Ты будешь получать отъ меня сто марокъ ежемѣсячно. Работа, повторяю, до смѣшного легкая, — прямо дѣтская, — вотъ какъ дѣти переодѣваются и изображаютъ солдатъ, привидѣнія, авіаторовъ. Подумай, вѣдь ты будешь получать сто марокъ въ мѣсяцъ только за то, чтобы изрѣдка, — можетъ быть разъ въ году, — надѣть вотъ такой костюмъ, какъ сейчасъ на мнѣ. Давай, знаешь, вотъ что сдѣлаемъ: условимся встрѣтиться какъ-нибудь и прорепетировать какую-нибудь сценку, — посмотримъ, что изъ этого выйдетъ».

«Ничего о такихъ вещахъ я не слыхалъ, и не знаю, — довольно грубо возразилъ Феликсъ. — У тетки моей былъ сынъ, который паясничалъ на ярмаркахъ, — вотъ все, что я знаю, — былъ онъ пьяница и развратникъ, и тетка моя всѣ глаза изъ-за него выплакала, пока онъ, слава Богу, не разбился на смерть, грохнувшись съ качелей. Эти кинематографы да цирки — —»

Такъ ли все это было? Вѣрно-ли слѣдую моей памяти, или же, выбившись изъ строя, своевольно пляшетъ мое перо? Что-то уже слишкомъ литературенъ этотъ нашъ разговоръ, смахиваетъ на застѣночныя бесѣды въ бутафорскихъ кабакахъ имени Достоевскаго; еще немного, и появится «сударь», даже въ квадратѣ: «сударь-съ», — знакомый взволнованный говорокъ: «и уже непременно, непременно...», а тамъ и весь мистическій гарниръ нашего отечественнаго Пинкертонна. {85} Меня даже нѣкоторымъ образомъ мучить, то-есть даже не мучить, а совсѣмъ, совсѣмъ сбиваетъ съ толку и, пожалуй, губить меня мысль, что я какъ то слишкомъ понадѣялся на свое перо... Узнаете тонъ этой фразы? Вотъ именно. И еще мнѣ кажется, что разговоръ-то нашъ помню превосходно, со всѣми его оттѣнками, и всю его подноготную (вотъ опять, — любимое словцо нашего спеціалиста по душевнымъ лихорадкамъ и абераціямъ человѣческаго достоинства, — «подноготная» и еще, пожалуй, курсивомъ). Да, помню этотъ разговоръ, но передать его въ точности не могу, что-то мѣшаетъ мнѣ, что-то жгучее, нестерпимое, гнусное, — отъ чего я не могу отвязаться, прилипло, все равно какъ если въ потемкахъ нарваться на мухоморную бумагу, — и, главное, не знаешь, гдѣ зажигается свѣтъ. Нѣтъ, разговоръ нашъ былъ не таковъ, какимъ онъ изложенъ, — то-есть можетъ быть слова-то и были именно такія (вотъ опять), но не удалось мнѣ, или не посмѣлъ я, передать особые шумы, сопровождавшіе его, — были какіе-то провалы и удаленія звука, и затѣмъ снова бормотаніе и шушуканіе, и вдругъ деревянный голосъ, ясно выговаривающій: «Давай, Феликсъ, выпьемъ еще пивца». Узоръ коричневыхъ цвѣтовъ на обояхъ, какая-то надпись, обиженно объясняющая, что кабакъ не отвѣчаетъ за пропажу вещей, картонные круги, служащіе базой для пива, на одномъ изъ которыхъ былъ косо начертанъ

карандашомъ торопливый итогъ, и отдаленная стойка, подлѣ которой пилъ, свивъ ноги чернымъ кренделемъ, окруженный дымомъ человѣкъ, — все это было комментаріями къ нашей бесѣдѣ, столь же бессмысленными, впрочемъ, какъ помѣтки на поляхъ {86} Лидиныхъ паскудныхъ книгъ. Если бы тѣ трое, которые сидѣли у завѣшеннаго пыльно-кровавой портьерой окна, далеко отъ насъ, если бы они обернулись и на насъ посмотрѣли — эти трое тихихъ и печальныхъ бражниковъ, — то они бы увидѣли: брата благополучнаго и брата-неудачника, брата, съ усиками надъ губой и блескомъ на волосахъ, и брата бритаго, но не стриженнаго давно, съ подобіемъ гривки на худой шеѣ, сидѣвшихъ другъ противъ друга, положившихъ локти на столъ и одинаково подпершихъ скулы. Такими насъ отражало тусклое, слегка повидимому ненормальное, зеркало, съ кривизной, съ безуминкой, которое вѣроятно сразу бы треснуло, отразись въ немъ хоть одно подлинное человѣческое лицо. Такъ мы сидѣли, и я продолжалъ уговорчиво бормотать, — говорю я вообще съ трудомъ, тѣ рѣчи, которыя какъ будто дословно привожу, вовсе не текли такъ плавно, какъ текутъ онѣ теперь на бумагу, — да и нельзя начертательно передать мое косноязычіе, повтореніе словъ, спотыканіе, глупое положеніе придаточныхъ предложений, заплутавшихъ, потерявшихъ матку, и всѣ тѣ лишніе нечленораздѣльные звуки, которые даютъ словамъ podporку или лазейку. Но мысль моя работала такъ стройно, шла къ цѣли такой мѣрной и твердой поступью, что впечатлѣніе, сохраненное мной отъ хода собственныхъ словъ, не является чѣмъ-то путаннымъ и сбивчивымъ, — напротивъ. Цѣль однако была еще далеко; сопротивленіе Феликса, сопротивленіе ограниченнаго и боязливаго человѣка, слѣдовало какъ-нибудь сломить. Соблазнившись изящной естественностью темы, я упустилъ изъ виду, что эта тема можетъ ему не понравиться, отпугнуть его такъ же естественно, {87} какъ меня она привлекла. Не то, чтобъ я имѣлъ хоть малѣйшее касательство къ сценѣ, — единственный разъ, когда я выступалъ, было лѣтъ двадцать тому назадъ, ставился домашній спектакль въ усадьбѣ помѣщика, у котораго служилъ мой отецъ, и я долженъ былъ сказать всего нѣсколько словъ: «Его сіятельство велѣли доложить, что сейчасъ будутъ-съ... Да вотъ и они сами идутъ», — вмѣсто чего я съ какимъ-то тончайшимъ наслажденіемъ, ликуя и дрожа всѣмъ тѣломъ, сказалъ такъ: «Его сіятельство придти не могутъ-съ, они зарѣзались бритвой», — а между тѣмъ любитель-актеръ, игравшій князя, уже выходилъ, въ бѣлыхъ штанахъ, съ улыбкой на радужномъ отъ грима лицѣ, — и все повисло, ходъ міра былъ мгновенно пресѣченъ, и я до сихъ поръ помню, какъ глубоко я вдохнулъ этотъ дивный, грозовой озонъ чудовищныхъ катастрофъ. Но хотя я актеромъ въ узкомъ смыслѣ слова никогда не былъ, я все же въ

жизни всегда носилъ съ собой какъ-бы небольшой складной театръ, игралъ не одну роль и игралъ отмѣнно, — и если вы думаете, что суфлеръ мой звался Выгода, — есть такая славянская фамилья, — то вы здорово ошибаетесь, — все это не такъ просто, господа. Въ данномъ же случаѣ моя игра оказалась пустой затратой времени, — я вдругъ понялъ, что, продли я монологъ о кинематографѣ, Феликсъ встанетъ и уйдетъ, вернувъ мнѣ десять марокъ, — нѣтъ, впрочемъ онъ не вернулъ бы, — могу поручиться, — слово «деньги», по-нѣмецки такое увѣсистое («деньги» по-нѣмецки золото, по-французски — серебро, по-русски — мѣдь), произносилось имъ съ необычайнымъ уваженіемъ и даже сладострастіемъ. Но ушелъ бы онъ {88} непременно, да еще съ оскорбленнымъ видомъ... По правдѣ сказать, я до сихъ поръ несовсѣмъ понимаю, почему все связанное съ кинематографомъ и театромъ было ему такъ невыносимо противно; чуждо — допустимъ, — но противно? Постараемся это объяснить отсталостью простонародья, — нѣмецкій мужикъ старомоденъ и стыдливъ, — пройдите-ка по деревнѣ въ купальныхъ трусикахъ, — я пробовалъ, — увидите, что будетъ: мужчины остолбенѣютъ, женщины будутъ фыркать въ ладошку, какъ горничныя въ старосвѣтскихъ комедіяхъ.

Я умолкъ. Феликсъ молчалъ тоже, вода пальцемъ по столу. Онъ полагалъ, вѣроятно, что я ему предложу мѣсто садовника или шоффера, и теперь былъ сердитъ и разочарованъ. Я подозвалъ лакея, расплатился. Мы опять оказались на улицѣ. Ночь была рѣзкая, пустынная. Въ тучахъ, похожихъ на черный мѣхъ, скользила яркая, плоская луна, поминутно скрываясь.

«Вотъ что, Феликсъ. Мы разговоръ нашъ не кончили. Я этого такъ не оставлю. У меня есть номеръ въ гостиницѣ, пойдѣмъ, переночуешь у меня».

Онъ принялъ это какъ должное. Несмотря на свою тупость, онъ понималъ, что нуженъ мнѣ, и что неблагоприятно было бы оборвать наши сношенія, недоговорившись до чего-нибудь. Мы снова прошли мимо двойника мѣднаго всадника. На бульварѣ не встрѣтили ни души. Въ домахъ не было ни одного огня; если бы я замѣтилъ хоть одно освѣщенное окно, то подумалъ бы, что тамъ кто-нибудь повѣсилъ, оставивъ горѣть лампу, настолько свѣтъ показался бы неожиданнымъ и противозаконнымъ. Мы молча дошли до гостиницы. Насъ впустилъ сомнамбуль безъ воротничка. {89} Когда мы вошли въ номеръ, то у меня было опять ощущеніе чего-то очень знакомаго, — но другое занимало мои мысли. Садись. Онъ сѣлъ на стулъ, опутивъ кулаки на колѣни и полуоткрывъ ротъ. Я скинулъ пиджакъ и, засунувъ руки въ карманы штановъ, брэнча мелкой деньгой, принялся ходить взадъ и впередъ по ком-

натѣ. На мнѣ былъ, между прочимъ, сиреневый въ черную мушку галстукъ, который слегка взлеталъ, когда я поворачивался на каблукѣ. Нѣкоторое время продолжалось молчаніе, моя ходьба, вѣтерокъ. Внезапно Феликсъ, какъ будто убитый наповаль, уронилъ голову, — и сталъ развязывать шнуры башмаковъ. Я взглянулъ на его безпомощную шею, на грустное выраженіе шейныхъ позвонковъ, и мнѣ сдѣлалось какъ-то странно, что вотъ буду спать со своимъ двойникомъ въ одной комнатѣ, чуть ли не въ одной постели, — кровати стояли другъ къ другѣ вплотную. Вмѣстѣ съ тѣмъ меня пронзила ужасная мысль, что, можетъ быть, у него какой-нибудь тѣлесный недостатокъ, красный крапъ накожной болѣзни или грубая татуировка, — я требовалъ отъ его тѣла минимумъ сходства съ моимъ, — за лицо я былъ спокоенъ. «Да-да, раздѣвайся», — сказалъ я, продолжая шагать. Онъ поднялъ голову, держа въ рукѣ безобразный башмакъ.

«Я давно не спалъ въ постели, — проговорилъ онъ съ улыбкой (не показывая десенъ, дуракъ), — въ настоящей постели».

«Снимай все съ себя, — сказалъ я нетерпѣливо. — Ты вѣроятно грязенъ, пыленъ. Дамъ тебѣ рубашку для спанья. И вымойся».

Ухмыляясь и побрякивая, нѣсколько какъ будто {90} стѣсняясь меня, онъ раздѣлся донага и сталъ мыть подмышками, склонившись надъ чашкой комодообразнаго умывальника. Ловкими взглядами я жадно осматривалъ этого совершенно голаго человѣка. Онъ былъ худъ и бѣлъ, — гораздо бѣлѣе своего лица, — такъ что мое сохранившее лѣтній загаръ лицо казалось приставленнымъ къ его блѣдному тѣлу, — была даже замѣтна черта на шеѣ, гдѣ приставили голову. Я испыталъ необыкновенное удовольствіе отъ этого осмотра, отлегло, непоправимыхъ примѣтъ не оказалось.

Когда, надѣвъ чистую рубашку, выданную ему изъ чемодана, онъ легъ въ постель, я сѣлъ у него въ ногахъ и уставился на него съ откровенной усмѣшкой. Не знаю, что онъ подумалъ, — но, разомлѣвшій отъ непривычной чистоты, онъ стыдливымъ, сентиментальнымъ, даже просто нѣжнымъ движеніемъ, погладилъ меня по рукѣ и сказалъ, — перевожу дословно: «Ты добрый парень». Не разжимая зубовъ, я затрясся отъ смѣха, и тутъ онъ вѣроятно усмотрѣлъ въ выраженіи моего лица нѣчто странное, — брови его полѣзли наверхъ, онъ повернулъ голову, какъ птица. Уже открыто смѣясь, я сунулъ ему въ ротъ папиросу, онъ чуть не поперхнулся.

«Эхъ ты, дубина! — воскликнулъ я, хлопнувъ его по выступу колѣна, — неужели ты не смекнулъ, что я вызвалъ тебя для важнаго, совершенно исключительно важнаго дѣла», — и вынулъ изъ бумажника

тысячечмарковъй билетъ, и продолжая смѣяться, я поднесъ его къ самому лицу дурака.

«Это мнѣ?» — спросилъ онъ и выронилъ папиросу: видно пальцы у него невольно раздвинулись, готовясь схватить. {91}

«Прожжешь простыню, — проговорилъ я сквозь смѣхъ. — Вонъ тамъ, у локтя. Я вижу, ты взволновался. Да, эти деньги будутъ твоими, ты ихъ даже получишь впередъ, если согласишься на дѣло, которое я тебѣ предложу. Вѣдь неужели ты не сообразилъ, что о кинематографѣ я говорилъ такъ, въ видѣ пробы. Что никакой я не актеръ, а человѣкъ дѣловой, толковый. Короче говоря, вотъ въ чемъ состоитъ дѣло. Я собираюсь произвести кое-какую операцію, и есть маленькая возможность, что впоследствии до меня доберутся. Но подозрѣнія сразу отпадутъ, ибо будетъ доказано, что въ день и въ часъ совершенія этой операціи, я былъ отъ мѣста дѣйствія очень далеко».

«Кража?» — спросилъ Феликсъ, и что-то мелькнуло въ его лицѣ, — странное удовлетвореніе...

«Я вижу что ты не такъ глупъ, — продолжалъ я, понизивъ голосъ до шепота. — Ты невидимому давно подозрѣвалъ неладное и теперь доволенъ, что не ошибся, какъ бываетъ доволенъ всякій, убѣдившись въ правильности своей догадки. Мы оба съ тобой падки на серебряныя вещи, — ты такъ подумалъ, неправда-ли? А можетъ быть, тебѣ просто пріятно, что я не чудакъ, не мечтатель съ бзикомъ, а дѣльный человѣкъ».

«Кража?» — снова спросилъ Феликсъ, глядя на меня ожившими глазами.

«Операція во всякомъ случаѣ незаконная. Подробности узнаешь погоды. Позволь мнѣ сперва тебѣ объяснить, въ чемъ будетъ состоять твоя работа. У меня есть автомобиль. Ты сядешь въ него, надѣвъ мой костюмъ, и проѣдешь по указанной мною дорогѣ. Вотъ и все. За это ты получишь тысячу марокъ». {92}

«Тысячу, — повторилъ за мной Феликсъ. — А когда вы мнѣ ихъ дадите?»

«Это произойдетъ совершенно естественно, другъ мой. Надѣвъ мой пиджакъ, ты въ немъ найдешь мой бумажникъ, а въ бумажникѣ — деньги».

«Что же я долженъ дальше дѣлать?»

«Я тебѣ уже сказалъ. Прокатиться. Скажемъ такъ: я тебя снаряжаю, а на слѣдующій день, когда самъ то я уже далеко, ты ѣдешь кататься, тебя видятъ, тебя принимаютъ за меня, возвращаешься, а я уже тутъ какъ тутъ, сдѣлавъ свое дѣло. Хочешь точнѣе? Изволь. Ты проѣдешь черезъ деревню, гдѣ меня знаютъ въ лицо; ни съ кѣмъ гово-

рить тебѣ не придется, это продолжится всего нѣсколько минутъ, но за эти нѣсколько минутъ я заплачу дорого, ибо онѣ дадутъ мнѣ чудесную возможность быть сразу въ двухъ мѣстахъ».

«Васъ накроютъ съ поличнымъ, — сказалъ Феликсъ, — а потомъ доберутся и до меня. На судѣ все откроется, вы меня предадите».

Я опять размѣялся: «Мнѣ, знаешь, нравится, дружокъ, какъ это ты сразу освоился съ мыслью, что я мошенникъ».

Онъ возразилъ, что не любитъ тюремъ, что въ тюрьмахъ гибнетъ молодость, что ничего нѣтъ лучше свободы и пѣнія птицъ. Говорилъ онъ это довольно вяло и безъ всякой непріязни ко мнѣ. Потомъ задумался, облокотившись на подушку. Стояла душная тишина. Я зѣвнулъ и, не раздѣваясь, легъ навзничъ на постель. Меня посѣтила забавная думка, что Феликсъ среди ночи убьетъ и ограбитъ меня. Вытянувъ въ бокъ ногу, я шаркнулъ подошвой по стѣнѣ, дотронулся {93} носкомъ до выключателя, сорвался, еще сильнѣе вытянулся, и ударомъ каблука погасилъ свѣтъ.

«А можетъ быть это все вранье? — раздался въ тишинѣ его глупый голосъ. — Можетъ быть, я вамъ не вѣрю...»

Я не шелохнулся.

«Вранье», — повторилъ онъ черезъ минуту.

Я не шелохнулся, а немного погодя принялся дышать съ безстрастнымъ ритмомъ сна.

Онъ повидимому прислушивался. Я прислушивался къ тому, какъ онъ прислушивается. Онъ прислушивался къ тому, какъ я прислушиваюсь къ его прислушиванію. Что-то оборвалось. Я замѣтилъ, что думаю вовсе не о томъ, о чемъ мнѣ казалось, что думаю, — попытался поймать свое сознаніе врасплохъ, но запутался.

Мнѣ приснился отвратительный сонъ. Мнѣ приснилась собачка, — но не просто собачка, а лже-собачка, маленькая, съ черными глазками жучьей личинки, и вся бѣленькая, холодненькая, — мясо не мясо, а скорѣе сальце или бланманже, а вѣрнѣе всего мяско бѣлаго червя, да притомъ съ волной и рѣзьбой, какъ бываетъ на пасхальномъ баранѣ изъ масла, — гнусная мимикрія, холонокровное существо, созданное природой подъ собачку, съ хвостомъ, съ лапками, — все какъ слѣдуетъ. Она то и дѣло попадалась мнѣ подругу, невозможно было отвязаться, — и когда она прикасалась ко мнѣ, то это было какъ электрическій разрядъ. Я проснулся. На простынѣ сосѣдней постели лежала, свернувшись холоднымъ бѣлымъ пирожкомъ, все та же гнусная лже-собачка, — такъ впрочемъ сворачиваются личинки, — я застоналъ отъ отвращенія, {94} — и проснулся совсѣмъ. Кругомъ плыли тѣни, постель рядомъ была пуста, и тихо серебрились тѣ широкіе лопухи, которые, вслѣдствіе

сырости, вырастаютъ изъ грядки кровати. На листьяхъ виднѣлись подозрительныя пятна, вродѣ слизи, я всмотрѣлся: среди листьевъ, прилѣпившись къ мякоти стебля, сидѣла маленькая, сальная, съ черными пуговками глазъ... но тутъ ужъ я проснулся по-настоящему.

Въ комнатѣ было уже довольно свѣтло. Мои часики остановились. Должно-быть — пять, половина шестого. Феликсъ спалъ, завернувшись въ пуховикъ, спиной ко мнѣ, я видѣлъ только его макушку. Странное пробужденіе, странный разсвѣтъ. Я вспомнилъ нашъ разговоръ, вспомнилъ, что мнѣ не удалось его убѣдить, — и новая, занимательнѣйшая мысль овладѣла мной. Читатель, я чувствовалъ себя по-дѣтски свѣжимъ послѣ недолгаго сна, душа моя была какъ-бы промыта, мнѣ въ концѣ концовъ шель всего только тридцать шестой годъ, щедрый остатокъ жизни могъ быть посвященъ кое-чему другому, нежели мерзкой мечтѣ. Въ самомъ дѣлѣ, — какая занимательная, какая новая и прекрасная мысль, — воспользоваться совѣтомъ судьбы, и вотъ сейчасъ, сію минуту, уйти изъ этой комнаты, навсегда покинуть, навсегда забыть моего двойника, да можетъ быть онъ и вовсе непохожъ на меня, — я видѣлъ только макушку, онъ крѣпко спалъ, повернувшись ко мнѣ спиной. Какъ отрокъ послѣ одинокой схватки стыднаго порока съ необыкновенной силой и ясностью говоритъ себѣ: кончено, больше никогда, съ этой минуты чистота, счастье чистоты, — такъ и я, высказавъ вчера все, все уже впередъ испытавъ, измучившись и насладившись въ полной {95} мѣрѣ, былъ суевѣрно готовъ отказаться навсегда отъ соблазна. Все стало такъ просто: на сосѣдней кровати спалъ случайно пригрѣтый мною бродяга, его пыльные бѣдные башмаки, носками внутрь, стояли на полу, и съ пролетарской аккуратностью было сложено на стулѣ его платье. Что я собственно дѣлалъ въ этомъ номерѣ провинціальной гостиницы, какой смыслъ былъ дальше оставаться тутъ? И этотъ трезвый, тяжелый запахъ чужого пота, это блѣдносѣрое небо въ окнѣ, большая черная муха, сидѣвшая на графинѣ, — все говорило мнѣ: уйди, встань и уйди.

Я спустилъ ноги на завернувшійся коврикъ, зачесалъ карманнымъ гребешкомъ волосы съ висковъ назадъ, безшумно прошелъ по комнатѣ, надѣлъ пиджакъ, пальто, шляпу, подхватилъ чемоданъ и вышелъ, неслышно прикрывъ за собою дверь. Думаю, что если бы даже я и взглянулъ невзначай на лицо моего спящаго двойника, то я бы все-таки ушелъ, — но я и не почувствовалъ побужденія взглянуть, — какъ тотъ же отрокъ, только-что мною помянутый, уже утромъ не достаиваетъ взглядомъ обольстительную фотографію, которой ночью упивался.

Быстрымъ шагомъ, испытывая легкое головокруженіе, я спустился по лѣстницѣ, заплатилъ за комнату и, провожаемый соннымъ взглядомъ лакея, вышелъ на улицу. Черезъ полчаса я уже сидѣлъ въ вагонѣ, весе-

лила душу коньячная отрыжка, а въ уголкахъ рта остались соленые слѣды яичницы, торопливо съѣденной въ вокзальномъ буфетѣ. Такъ на низкой пищеводной нотѣ кончается эта смутная глава. {96}

ГЛАВА VI.

Небытіе Божье доказывается просто. Невозможно допустить, на примѣръ, что нѣкій серьезный Сый, всемогущій и всемудрый, занимался бы такимъ пустымъ дѣломъ, какъ игра въ человѣчки, — да притомъ — и это, можетъ быть, самое несуразное — ограничивая свою игру пошлѣйшими законами механики, химіи, математики, — и никогда — замѣтьте, никогда! — не показывая своего лица, а развѣ только исподтишка, обиняками, по-воровски — какія ужъ тутъ откровенія! — высказывая спорныя истины изъ-за спины нѣжнаго истерика. Все это божественное является, полагаю я, великой мистификаціей, въ которой разумѣется ужъ отнюдь неповинны попы: они сами — ея жертвы. Идею Бога изобрѣлъ въ утро міра талантливый шелопай, — какъ то слишкомъ отдаетъ человѣчиной эта самая идея, чтобы можно было вѣрить въ ея лазурное происхожденіе, — но это не значитъ, что она порождена невѣжествомъ, — шелопай мой зналъ толкъ въ горнихъ дѣлахъ — и право не знаю, какой вариантъ небесъ мудрѣе: — ослѣпительный плескъ многоочитыхъ ангеловъ или кривое зеркало, въ которое уходитъ, безконечно уменьшаясь, самодовольный профессоръ физики. Я не могу, не хочу въ Бога вѣрить, еще и потому, что сказка о немъ — не моя, чужая, всеобщая сказка, — она пропитана неблаговоными испареніями милліоновъ другихъ людскихъ душъ, повертѣвшихся въ мірѣ и лопнувшихъ; въ ней кишатъ древніе страхи, въ ней звучатъ, мѣшаясь и стараясь другъ друга перекричать, неисчислимые голоса, въ ней — глубокая одышка органа, ревъ дьякона, {97} рулады кантора, негритянской вой, паюсъ рѣчистаго пастора, гонги, громаы, клокотаніе кликушъ, въ ней просвѣчиваютъ блѣдныя страницы всѣхъ философій, какъ пѣна давно разбившихся волнъ, она мнѣ чужда и противна, и совершенно ненужна.

Если я не хозяинъ своей жизни, не деспотъ своего бытія, то никакая логика и ничьи экстазы не разубѣдятъ меня въ невозможной глупости моего положенія, — положенія раба божьяго, — даже не раба, а какой-то спички, которую зря зажигаетъ и потомъ гаситъ любознательный ребенокъ — гроза своихъ игрушекъ. Но безпокоиться не о чемъ, Бога нѣтъ, какъ нѣтъ и безсмертія, — это второе чудище можно такъ же легко уничтожить, какъ и первое. Въ самомъ дѣлѣ, — представьте себѣ, что вы умерли и вотъ очнулись въ раю, гдѣ съ улыбками васъ встрѣча-

ютъ дорогіе покойники. Такъ вотъ, скажите на милость, какая у васъ гарантія, что это покойники подлинныя, что это дѣйствительно ваша покойная матушка, а не какой-нибудь мелкій демонъ-мистификаторъ, изображающій, играющій вашу матушку съ большимъ искусствомъ и правдоподобіемъ. Вотъ въ чемъ заторъ, вотъ въ чемъ ужасъ, и вѣдь игра-то будетъ долгая, безконечная, никогда, никогда, никогда душа на томъ свѣтѣ не будетъ увѣрена, что ласковыя, родныя души, окружившія ее, не ряженые демоны, — и вѣчно, вѣчно, вѣчно душа будетъ пребывать въ сомнѣніи, ждать страшной, издѣвательской перемѣны въ любимомъ лицѣ, наклонившемся къ ней. Поэтому я все приму, пускай — рослый палачъ въ цилиндрѣ, а затѣмъ — раковинный гулъ вѣчнаго небытія, но только не пытка безсмертіемъ, только не эти бѣлыя, холодныя собачки, увольте, {98} — я не вынесу ни малѣйшей нѣжности, предупреждаю васъ, ибо все — обманъ, все — гнусный фокусъ, я не довѣряю ничему и никому, — и когда самый близкій мнѣ человѣкъ, встрѣтивъ меня на томъ свѣтѣ, подойдетъ ко мнѣ и протянетъ знакомыя руки, я заору отъ ужаса, я грохнусь на райскій дернъ, я забьюсь, я не знаю, что сдѣлаю, — нѣтъ, закройте для постороннихъ входъ въ области блаженства.

Однако, несмотря на мое невѣріе, я по природѣ своей не унылъ и не золь. Когда я изъ Тарница вернулся въ Берлинъ и произвелъ опись своего душевнаго имущества, я, какъ ребенокъ, обрадовался тому небольшому, но несомнѣнному богатству, которое оказалось у меня, и почувствовалъ, что, обновленный, освѣженный, освобожденный, вступаю, какъ говорится, въ новую полосу жизни. У меня была глупая, но симпатичная, преклонявшаяся предо мной жена, славная квартирка, прекрасное пищевареніе и синій автомобиль. Я ощущалъ въ себѣ поэтической, писательскій даръ, а сверхъ того — крупныя дѣловыя способности, — даромъ, что мои дѣла шли неважно. Феликсъ, двойникъ мой, казался мнѣ безобиднымъ курьезомъ, и я бы въ тѣ дни, пожалуй, рассказалъ о немъ другу, подвернись такой другъ. Мнѣ приходило въ голову, что слѣдуетъ бросить шоколадъ и заняться другимъ, — на примѣръ, изданіемъ дорогихъ роскошныхъ книгъ, посвященныхъ всестороннему освѣщенію эроса — въ литературѣ, въ искусствѣ, въ медицинѣ... Вообще во мнѣ проснулась пламенная энергія, которую я не зналъ къ чему приложить. Особенно помню одинъ вечеръ, — вернувшись изъ конторы домой, я не засталъ жены, она оставила записку, что ушла въ кинематографъ на первый {99} сеансъ, — я не зналъ, что дѣлать съ собой, ходилъ по комнатамъ и щелкалъ пальцами, — потомъ сѣлъ за письменный столъ, — думалъ заняться художественной прозой, но только замусолилъ перо да нарисовалъ нѣсколько капающихъ носовъ, — всталъ и

вышелъ, мучимый жаждой хоть какого-нибудь общенія съ міромъ, — собственное общество мнѣ было невыносимо, оно слишкомъ возбуждало меня, и возбуждало впустую. Отправился я къ Ардаліону, — человекъ онъ съ шутовской душой, полнокровный, презрѣнный, — когда онъ наконецъ открылъ мнѣ (боясь кредиторовъ, онъ запиралъ комнату на ключъ), я удивился, почему я къ нему пришелъ.

«Лида у меня, — сказалъ онъ, жуя что-то (потомъ оказалось: резинку). — Барынѣ нездоровится, разоблачайтесь».

На постели Ардаліона, полуодѣтая, то-есть безъ туфель и въ мятомъ зеленомъ чехлѣ, лежала Лида и курила.

«О, Германъ, — проговорила она, — какъ хорошо, что ты догадался придти, у меня что-то съ животикомъ. Садись ко мнѣ. Теперь мнѣ лучше, а въ кинематографѣ было совсѣмъ худо».

«Недосмотрѣли боевика, — пожаловался Ардаліонъ, ковыряя въ трубкѣ и просыпая черную золу на полъ. — Вотъ ужъ полчаса, какъ валяется. Все это дамскія штучки, — здорова, какъ корова».

«Попроси его замолчать», — сказала Лида.

«Послушайте, — обратился я къ Ардаліону, — вѣдь не ошибаюсь я, вѣдь у васъ дѣйствительно есть такой натюръ-мортъ, — трубка и двѣ розы?» {100}

Онъ издалъ звукъ, который неразборчивые въ средствахъ романисты изображаютъ такъ: «Гмъ».

«Нѣту. Вы что-то путаете синьоръ».

«Мое первое, — сказала Лида, лежа съ закрытыми глазами, — мое первое — большая и неприятная группа людей, мое второе... мое второе — звѣрь по-французски, — а мое цѣлое — такой маляръ».

«Не обращайтесь на нее вниманія, — сказалъ Ардаліонъ. — А насчетъ трубки и розъ, — нѣтъ, не помню, — впрочемъ, посмотрите сами».

Его произведенія висѣли по стѣнамъ, валялись на столѣ, громоздились въ углу въ пыльных папкахъ. Все вообще было покрыто сѣрымъ пушкомъ пыли. Я посмотрѣлъ на грязныя фіолетовыя пятна акварелей, брезгливо перебралъ нѣсколько жирныхъ листовъ, лежавшихъ на валкомъ стулѣ.

«Во-первыхъ «орда» пишется черезъ «о», — сказалъ Ардаліонъ. — Изволили спутать съ арбой».

Я вышелъ изъ комнаты и направился къ хозяйкѣ въ столовую. Хозяйка, старуха, похожая на сову, сидѣла у окна, на ступень выше пола, въ готическомъ креслѣ и штопала чулокъ на грибѣ. «Посмотрѣть на картины», — сказалъ я.

«Прошу васъ», — отвѣтила она милостиво.

Справа отъ буфета висѣло какъ разъ то, что я искалъ, — но оказалось, что это несовсѣмъ двѣ розы и несовсѣмъ трубка, а два большихъ персика и стеклянная пепельница.

Вернулся я въ сильнѣйшемъ раздраженіи. «Ну что, — спросилъ Ардаліонъ, — нашли?» {101}

Я покачалъ головой. Лида уже была въ платьѣ и приглаживала передъ зеркаломъ волосы грязнѣйшей Ардаліоновой щеткой.

«Главное, — ничего такого не ѣла», — сказала она, суживая по привычкѣ носъ.

«Просто газы, — замѣтилъ Ардаліонъ. — Погодите, господа, я выйду съ вами вмѣстѣ, — только одѣнусь. Отвернись, Лидуша».

Онъ былъ въ заплатанномъ, испачканномъ краской малярскомъ балахонѣ почти до пятъ. Снялъ его. Внизу были кальсоны, — больше ничего. Я ненавижу неряшливость и нечистоплотность. Ей Богу, Феликсъ былъ какъ-то чище его. Лида глядѣла въ окно и напѣвала, дурно произнося нѣмецкія слова, уже успѣвшую выйти изъ моды пѣсенку. Ардаліонъ бродилъ по комнатѣ, одѣваясь по мѣрѣ того, какъ находилъ — въ самыхъ неожиданныхъ мѣстахъ — разныя части своего туалета.

«Эхъ-ма! — воскликнулъ онъ вдругъ. — Что можетъ быть банальнѣе бѣднаго художника? Если бы мнѣ кто-нибудь помогъ устроить выставку, я сталъ бы сразу славенъ и богатъ».

Онъ у насъ ужиналъ, потомъ игралъ съ Лидой въ дураки и ушелъ за-полночь. Даю все это, какъ образецъ весело и плодотворно проведеннаго вечера. Да, все было хорошо, все было отлично, — я чувствовалъ себя другимъ человѣкомъ, — освѣженнымъ, обновленнымъ, освобожденнымъ, — и такъ далѣе, — квартира, жена, балагуры-друзья, пріятный, пронизывающій холодъ желѣзной берлинской зимы, — и такъ далѣе. Не могу удержаться и отъ того, чтобы не привести {102} примѣра тѣхъ литературныхъ забавъ, коимъ я началъ предаваться, — бессознательная тренировка, должно быть, передъ теперешней работой моей надъ сей изнурительной повѣстью. Сочиненьица той зимы я давно уничтожилъ, но довольно живо у меня осталось въ памяти одно изъ нихъ. Какъ хороши, какъ свѣжи... Музычку, пожалуйста!

Жилъ-былъ на свѣтѣ слабый, вялый, но состоятельный человѣкъ, нѣкто Игрекъ Иксовичъ. Онъ любилъ оболъстительную барышню, которая, увы, не обращала на него никакого вниманія. Однажды, путешествуя, этотъ блѣдный, скучный человѣкъ увидѣлъ на берегу моря молодого рыбака, по имени Дика, веселаго, загорѣлаго, сильнаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ — о чудо! — поразительно, невѣроятно похожаго на него. Интересная мысль зародилась въ немъ: онъ пригласилъ барышню

поѣхать съ нимъ къ морю. Они остановились въ разныхъ гостиницахъ. Въ первое же утро она, отправившись гулять, увидѣла съ обрыва — кого? неужели Игрека Иксовича?? — вотъ не думала! Онъ стоялъ внизу на пескѣ, веселый, загорѣлый, въ полосатой фуфайкѣ, съ голыми могучими руками (но это былъ Дикъ). Барышня вернулась въ гостиницу, и, трепета полна, принялась его ждать. Минуты ей казались часами. Онъ же, настоящій Игрекъ Иксовичъ, видѣлъ изъ-за куста, какъ она смотритъ съ обрыва на Дика, его двойника, и теперь, выжидая, чтобъ окончательно созрѣло ея сердце, безпокойно слонялся по поселку въ городской парѣ, въ сиреневомъ галстукѣ, въ бѣлыхъ башмакахъ. Внезапно какая-то смуглая, яркоглазая дѣвушка въ красной юбкѣ окликнула его съ порога хижины, — всплеснула руками: «Какъ {103} ты чудно одѣтъ, Дикъ! Я думала, что ты просто грубый рыбакъ, какъ все наши молодые люди, и я не любила тебя, — но теперь, теперь...» Она увлекла его въ хижину. Шопоть, запахъ рыбы, жгучія ласки... Протекали часы... я открылъ глаза, мой покой былъ весь облитъ зарею... Наконецъ, Игрекъ Иксовичъ направился въ гостиницу, гдѣ ждала его та — нѣжная единственная, которую онъ такъ любилъ. «Я была слѣпа! — воскликнула она, какъ только онъ вошелъ. — И вотъ — прозрѣла, увидя на солнечномъ побережьѣ твою бронзовую наготу. Да, я люблю тебя, дѣлай со мной все, что хочешь!» Шопоть? Жгучія ласки? Протекали часы? — Нѣтъ, увы нѣтъ, отнюдь нѣтъ. Бѣдняга былъ истощенъ недавнимъ развлеченіемъ, и грустно, понуро сидѣлъ, раздумывая надъ тѣмъ, какъ самъ сдуру предалъ, обратилъ въ ничто свой остроумнѣйшій замыселъ...

Литература неважная, — самъ знаю. Покамѣстъ я это писалъ, мнѣ казалось, что выходитъ очень умно и ловко, — такъ иногда бываетъ со снами, — во снѣ великолѣпно, съ блескомъ, говоришь, — а проснешься, вспоминаешь: вялая чепуха. Съ другой же стороны эта псевдоуайльдовская сказочка вполне пригодна для печатанія въ газетѣ, — редактора любятъ потчевать читателей этакими чуть-чуть вольными, кокетливыми рассказчиками въ сорокъ строкъ, съ элегантною пуантой и съ тѣмъ, что невѣжды называютъ парадоксъ («Его разговоръ былъ усыпанъ парадоксами»). Да, пустякъ, шалость пера, но какъ вы удивитесь сейчасъ, когда скажу, что пошлятину эту я писалъ въ мукахъ, съ ужасомъ и скрежетомъ зубовнымъ, яростно облегчая себя и вмѣстѣ съ тѣмъ сознавая, что никакое это {104} не облегченіе, а изысканное самоистязаніе, и что этимъ путемъ я ни отъ чего не освобожусь, а только пуще себя разстрою.

Въ такомъ приблизительно расположеніи духа я встрѣтилъ Новый Годъ, — помню эту черную тушу ночи, дуру-ночь, затаившую дыханіе,

ожидавшую боя часовъ, сакраментальнаго срока. За столомъ сидятъ Лида, Ардаліонъ, Орловіусъ и я, неподвижные и стилизованные, какъ звѣрье на гербахъ: — Лида, положившая локоть на столъ и настороженно поднявшая палець, голоплечая, въ пестромъ, какъ рубашка игральной карты, платьѣ; Ардаліонъ, завернувшійся въ пледъ (дверь на балконъ открыта), съ краснымъ отблескомъ на толстомъ львиномъ лицѣ; Орловіусъ — въ черномъ сюртукѣ, очки блестятъ, отложной воротничекъ поглотилъ края крохотнаго чернаго галстука; — и я, человѣкъ-молнія, озарившій эту картину. Конечно, разрѣшаю вамъ двигаться, скорѣе сюда бутылку, сейчасъ пробьютъ часы. Ардаліонъ разлилъ по бокаламъ шампанское, и всѣ замерли опять. Бокомъ и поверхъ очковъ, Орловіусъ глядѣлъ на старые серебряные часы, выложенные имъ на скатертъ: еще двѣ минуты. Кто-то на улицѣ не выдержалъ — затрещалъ и лопнулъ, — а потомъ снова — напряженная тишина. Фиксируя часы, Орловіусъ медленно протянулъ къ бокалу старческую, съ когтями грифона, руку.

Внезапно ночь стала рваться по швамъ, съ улицы раздались заздравные крики, мы по-королевски вышли съ бокалами на балконъ, — надъ улицей взвивались, и бахнувъ, раздражались цвѣтными рыданіями ракеты, — и во всѣхъ окнахъ, на всѣхъ балконахъ, въ клиньяхъ и квадратахъ праздничнаго свѣта, стояли {105} люди, выкрикивали одни и тѣ же бессмысленно радостныя слова.

Мы всѣ четверо чокнулись, я отпилъ глотокъ.

«За что пьетъ Германъ?» — спросила Лида у Ардаліона.

«А я почему знаю, — отвѣтилъ тотъ. — Все равно онъ въ этомъ году будетъ обезглавленъ, — за сокровище доходовъ».

«Фу, какъ нехорошо, — сказалъ Орловіусъ. — Я пью за всеобщее здоровье».

«Естественно», — замѣтилъ я.

Спустя нѣсколько дней, въ воскресное утро, пока я мылся въ ваннѣ, постучала въ дверь прислуга, — она что-то говорила, — шумъ льющейся воды заглушалъ слова, — я закричалъ: «въ чемъ дѣло? что вамъ надо?» — но мой собственный крикъ и шумъ воды заглушали то, что Эльза говорила, и всякій разъ, что она начинала сызнава говорить, я опять кричалъ, — какъ иногда двое не могутъ разминуться на широмъ, пустомъ тротуарѣ, — но наконецъ я догадался завернуть кранъ, подскочилъ къ двери, и среди внезапной тишины Эльза отчетливо сказала:

«Васъ хочетъ видѣть человѣкъ».

«Какой человѣкъ?» — спросилъ я и отворилъ на дюймъ дверь.

«Какой-то человѣкъ», — повторила Эльза.

«Что ему нужно?» — спросилъ я и почувствовалъ, что вспотѣлъ съ головы до пятъ.

«Говорить, что по дѣлу, и что вы знаете, какое дѣло».

«Какой у него видъ?» — спросилъ я черезъ силу.

«Онъ ждетъ въ прихожей», — сказала Эльза. {106}

«Видъ какой, — я спрашиваю».

«Бѣдный на видъ, съ рюкзакомъ», — отвѣтила она.

«Такъ пошлите его ко всѣмъ чертямъ! — крикнулъ я. — Пускай уберется мгновенно, меня нѣтъ дома, меня нѣтъ въ Берлинѣ, меня нѣтъ на свѣтѣ!...»

Я прихлопнулъ дверь, щелкнулъ задвижкой. Сердце прыгало до горла. Прошло можетъ быть полминуты. Не знаю, что со мной случилось, но, уже крича, я вдругъ отперъ дверь, полуголый выскочилъ изъ ванной, встрѣтилъ Эльзу, шедшую по коридору на кухню.

«Задержите его, — кричалъ я. — Гдѣ онъ? Задержите!»

«Ушелъ, — ничего не сказалъ и ушелъ».

«Кто вамъ велѣлъ...», — началъ я, но не dokonчилъ, помчался въ спальню, одѣлся, выбѣжалъ на лѣстницу, на улицу. Никого, никого. Я дошелъ до угла, постоялъ, озираясь, и вернулся въ домъ. Лиды не было, спозаранку ушла къ какой-то своей знакомой. Когда она вернулась, я сказалъ ей, что дурно себя чувствую и не пойду съ ней въ кафе, какъ было условлено.

«Бѣдный, — сказала она. — Ложись. Прими что-нибудь, у насъ есть салипиринъ. Я, знаешь, пойду въ кафе одна».

Ушла. Прислуга ушла тоже. Я мучительно прислушивался, ожидая звонка. «Какой болванъ, — повторялъ я, — какой неслышанный болванъ!» Я находился въ ужасномъ, прямо-таки болѣзненномъ и нестерпимомъ волненіи, я не зналъ, что дѣлать, я готовъ былъ молиться небытному Богу, чтобы раздался звонокъ. Когда стемнѣло, я не зажегъ свѣта, а продолжалъ лежать на диванѣ и все слушалъ, слушалъ, — онъ {107} навѣрное еще придетъ до закрытія наружныхъ дверей, а если нѣтъ, то ужъ завтра или послѣзавтра совсѣмъ, совсѣмъ навѣрное, — я умру, если онъ не придетъ, — онъ долженъ придти. Около восьми звонокъ наконецъ раздался. Я выбѣжалъ въ прихожую.

«Фу, устала!» — по-домашнему сказала Лида, сдергивая на ходу шляпу и тряся волосами.

Ее сопровождалъ Ардаліонъ. Мы съ нимъ прошли въ гостиную, а жена отправилась на кухню.

«Холодно, странничекъ, голодно», — сказалъ Ардаліонъ, грѣя ладони у радіатора.

Пауза.

«А все-таки, — произнесъ онъ, щурясь на мой портретъ, — очень похоже, замѣчательно похоже. Это нескромно, но я всякій разъ люблюсь имъ, — и вы хорошо сдѣлали, сэръ, что опять сбрили усы».

«Кушать пожалуйста», — нѣжно сказала Лида, пріоткрывъ дверь.

Я не могъ ѣсть, я продолжалъ прислушиваться, хотя теперь уже было поздно.

«Двѣ мечты, — говорилъ Ардаліонъ, складывая пласты ветчины, какъ это дѣлаютъ съ блинами, и жирно чавкая. — Двѣ райскихъ мечты: выставка и поѣздка въ Италію».

«Человѣкъ, знаешь, больше мѣсяца, какъ не пьетъ», — объяснила мнѣ Лида.

«Ахъ, кстати, — Перебродовъ у васъ былъ?» — спросилъ Ардаліонъ.

Лида прижала ладонь ко рту. «Забула, — проговорила она сквозь пальцы. — Сувсѣмъ забула».

«Экая ты росомаха! Я ее просилъ васъ предупредить. Есть такой несчастный художникъ, Васька Перебродовъ, {108} пѣшкомъ пришелъ изъ Данцига, — по крайней мѣрѣ говоритъ, что изъ Данцига и пѣшкомъ. Продаетъ расписные портсигары. Я его направилъ къ вамъ, Лида сказала, что поможете».

«Заходилъ, — отвѣтилъ я, — заходилъ, какъ же, и я его послалъ къ чертовой матери. Былъ бы очень вамъ обязанъ, если бы вы не послали ко мнѣ всякихъ проходимцевъ. Можете передать вашему коллегѣ, чтобы онъ больше не утруждалъ себя хожденіемъ ко мнѣ. Это въ самомъ дѣлѣ странно. Можно подумать, что я присяжный благотворитель. Пойдите къ чорту съ вашимъ Перебродовымъ, я вамъ просто запрещаю!...»

«Германъ, Германъ», — мягко встала Лида.

Ардаліонъ пукнулъ губами. «Грустная исторія», — сказалъ онъ.

Еще нѣкоторое время я продолжалъ браниться, точныхъ словъ не помню, да это и неважно.

«Дѣйствительно, — сказалъ Ардаліонъ, косясь на Лиду, — кажется маху далъ. Виноватъ».

Вдругъ замолчавъ, я задумался, мѣшая ложечкой давно размѣшанный чай, и погода проговорилъ вслухъ:

«Какой я все-таки остолопъ».

«Ну, зачѣмъ же сразу такъ перебарщивать», — добродушно сказалъ Ардаліонъ.

Моя глупость меня самого развеселила. Какъ мнѣ не пришло въ голову, что, если бы онъ вправду явился (а уже одно его появленіе было бы чудомъ, — вѣдь онъ даже имени моего не знаетъ), съ горничной долженъ былъ бы сдѣлаться родимчикъ, ибо передъ нею стоялъ бы мой

двойникъ! Теперь я живо представилъ себѣ, какъ она бы вскрикнула, какъ прибѣжала бы {109} ко мнѣ, какъ, захлебываясь, завопила бы о сходствѣ... Я бы ей объяснилъ, что это мой братъ, неожиданно прибывшій изъ Россіи... Между тѣмъ, я провелъ длинный, одинокій день въ бессмысленныхъ страданіяхъ, — и вмѣсто того, чтобы дивиться его появленію, старался рѣшить, что случится дальше, — ушелъ ли онъ навсегда или явится, и что у него на умѣ, и возможно ли теперь воплощеніе моей такъ и непобѣжденной, моей дикой и чудной мечты, — или уже двадцать человѣкъ, знающихъ меня въ лицо, видѣли его на улицѣ, и все пошло прахомъ. Пораздумавъ надъ своимъ недомысліемъ, и надъ опасностью, такъ просто разсѣявшейся, я почувствовалъ, какъ уже сказалъ, наплывъ веселія и добросердія.

«Я сегодня нервенъ. Простите. Честно говоря, я просто не видалъ вашего симпатичнаго Перебродова. Онъ пришелъ некстати, я мылся, и Эльза сказала ему, что меня нѣтъ дома. Вотъ: передайте ему эти три марки, когда увидите его, — чѣмъ богать, тѣмъ и радъ, — но скажите ему, что больше дать не въ состояніи, пускай обратится, на примѣръ, къ Давыдову, Владиміру Исаковичу».

«Это идея, — сказалъ Ардаліонъ. — Я и самъ тамъ стрѣльну. Пьетъ онъ, между прочимъ, какъ звѣрь, Васька Перебродовъ. Спросите мою тетушку, ту, которая вышла за французскаго фермера, — я вамъ рассказывалъ, — очень живая особа, но несосвѣтимо скупа. У нея около Феодосіи было имѣніе, мы тамъ съ Васькой весь погребъ выпили въ двадцатомъ году».

«А насчетъ Италіи еще поговоримъ, — сказалъ я, улыбаясь, — да, поговоримъ». {110}

«У Германа золотое сердце», — замѣтила Лида. «Передай-ка мнѣ колбасу, дорогая», — сказалъ я все съ той же улыбкой.

Я тогда несовсѣмъ понималъ, что со мною творилось, — но теперь понимаю: глухо, но буйно — и вотъ: уже неудержимо — вновь нарастала во мнѣ страсть къ моему двойнику. Первымъ дѣломъ это выразилось въ томъ, что въ Берлинѣ появилась для меня нѣкая смутная точка, вокругъ которой почти бессознательно, движимый невнятной силой, я началъ замыкать круги. Густая синева почтоваго ящика, желтый толстошинный автомобиль со стилизованнымъ чернымъ орломъ подъ рѣшетчатымъ оконцемъ, почтальонъ съ сумой на животѣ, идущій по улицѣ медленно, съ той особой медленностью, какая бываетъ въ ухваткахъ опытныхъ рабочихъ, синій, прищуренный марочный автоматъ у вокзала и даже лавка, гдѣ въ конвертахъ съ просвѣтомъ заманчиво тѣснятся аппетитно смѣшанныя марки всѣхъ странъ, — все вообще, связанное съ почтой, стало оказывать на меня какое-то давленіе, какое-то неотразимое

вліяніе. Однажды, помнится, почти какъ сомнамбуль, я оказался въ одномъ знакомомъ мнѣ переулкѣ, и вотъ уже близился къ той смутной и притягательной точкѣ, которая стала серединой моего бытія, — но какъ разъ спохватился, ушелъ, — а черезъ нѣкоторое время, — черезъ нѣсколько минутъ, а можетъ быть черезъ нѣсколько дней, — замѣтилъ, что снова, но съ другой стороны, вступилъ въ тотъ переулокъ. Навстрѣчу мнѣ съ развальцемъ шли синіе почтальоны и на углу разбрелись кто куда. Я повернулъ, кусая заусеницы, — я тряхнулъ головой, я еще противился. Главное: вѣдь я зналъ, страстнымъ {111} и безошибочнымъ чутьемъ, что письмо для меня есть, что ждетъ оно моего востребованія, — и зналъ, что рано или поздно поддамся соблазну.

ГЛАВА VII.

Во-первыхъ: эпитафья, но не къ этой главѣ, а такъ, вообще: литература это любовь къ людямъ. Теперь продолжимъ.

Въ помѣщеніи почтамта было темновато. У окошекъ стояло по два по три человекъ, все больше женщины. Въ каждомъ окошкѣ, какъ тусклый портретъ, виднѣлось лицо чиновника. Вонъ тамъ — номеръ девятый. Я несразу рѣшился... Подойдя сначала къ столу посреди помѣщенія — столу, раздѣленному перегородками на конторки, я притворился передъ самимъ собой, что мнѣ нужно кое-что написать, нашелъ въ карманѣ старый счетъ и на оборотѣ принялся выводить первыя попавшіяся слова. Казенное перо непріятно трещало, я соваль его въ дырку чернильницы, въ черный плевокъ, по блѣдному бювару, на который я облокотился, шли, такъ и сякъ скрещиваясь, отпечатки невѣдомыхъ строкъ, — ирраціональный почеркъ, минусъ-почеркъ, — что всегда напоминаетъ мнѣ зеркало, — минусъ на минусъ даетъ плюсъ. Мнѣ пришло въ голову, что и Феликсъ нѣкій минусъ я, — изумительной важности мысль, которую я напрасно, напрасно до конца не продумалъ. Между тѣмъ худосочное перо въ моей рукѣ писало такія слова: Не надо, не хочу, хочу, {112} чухонецъ, хочу, не надо, адъ. Я смялъ листокъ въ кулакъ, нетерпѣливая толстая женщина протиснулась и схватила освободившееся перо, отбросивъ меня ударомъ каракулеваго крупа. Я вдругъ оказался передъ окошкомъ номеръ девять. Большое лицо съ блѣдными усами вопросительно посмотрѣло на меня. Шопотомъ я сказалъ пароль. Рука съ чернымъ чехольчикомъ на указательномъ пальцѣ протянула мнѣ цѣлыхъ три письма. Мнѣ кажется, все это произошло мгновенно, — и черезъ мгновеніе я уже шагаль по улицѣ прижимая

руку къ груди. Дойдя до ближайшей скамьи, сѣлъ и жадно распечаталъ письма.

Поставьте тамъ памятникъ, — напрімѣръ желтый столбъ. Пусть будетъ отмѣчена вещественной вѣхой эта минута. Я сидѣлъ и читалъ, — и вдругъ меня сталъ душить нежданный и неудержимый смѣхъ. Господа, то были письма шантажнаго свойства! Шантажное письмо, за которымъ можетъ быть никто и никогда не придетъ, шантажное письмо, которое посылается до востребованія и подъ условнымъ шифромъ, то-есть съ откровеннымъ признаніемъ, что отправитель не знаетъ ни адреса, ни имени получателя — это безумно смѣшной парадоксъ! Въ первомъ изъ этихъ трехъ писемъ — отъ середины ноября, — шантажный мотивъ еще звучалъ подъ сурдинкой. Оно дышало обидой, оно требовало отъ меня объясненій, — пишуцій поднималъ брови, готовый впрочемъ улыбнуться своей высокобрововой улыбкой, — онъ не понималъ, онъ очень хотѣлъ понять, почему я велъ себя такъ таинственно, ничего не договорилъ, скрылся посреди ночи... Нѣкоторыя все-же подозрѣнія у него были, — но онъ еще не желалъ играть въ открытую, былъ {113} готовъ эти подозрѣнія утаить отъ міра, ежели я поступлю, какъ нужно, — и съ достоинствомъ выражалъ свое недоумѣніе, и съ достоинствомъ ждалъ отвѣта. Все это было до-нельзя безграмотно и вмѣстѣ съ тѣмъ манерно, — эта смѣсь и была его стилемъ. Въ слѣдующемъ письмѣ — отъ конца декабря (какое терпѣніе: ждалъ мѣсяць!) — шантажная музыка уже доносилась гораздо отчетливѣе. Уже ясно было, отчего онъ вообще писалъ. Воспоминаніе о тысячемарковомъ билетѣ, объ этомъ сѣро-голубомъ видѣніи, мелькнувшемъ передъ его носомъ и вдругъ исчезнувшемъ, терзало душу, возделѣніе его было возбуждено до крайности, онъ облизывалъ сухія губы, не могъ простить себѣ, что выпустилъ меня и со мной — обольстительный шелестъ, отъ котораго зудѣло въ кончикахъ пальцевъ. Онъ писалъ, что готовъ встрѣчаться со мной снова, что многое за это время обдумалъ, — но что если я отъ встрѣчи уклонюсь или просто не отвѣчу, то онъ принужденъ будетъ... и тутъ распласталась огромная клякса, которую подлець поставилъ нарочно — съ цѣлью меня заинтриговать, — ибо самъ совершенно не зналъ, какую именно объявить угрозу. Наконецъ, третье письмо, январское, было для Феликса настоящимъ шедевромъ. Я его помню подробнѣе другихъ, такъ какъ нѣсколько долѣе другихъ оно у меня пребывало... «Не получивъ отвѣта на мои прежнія письма, мнѣ начинаетъ казаться, что порапора принять извѣстныя мѣры, но все-жъ-таки я вамъ даю еще мѣсяць на размышленія, послѣ чего обращусь въ такое мѣсто, гдѣ ваши поступки будутъ вполнѣ и полностью оцѣнены, а если и тамъ симпатіи не встрѣчу, ибо кто неподкупенъ, то прибѣгну къ воздѣйствію {114}

особаго рода, что вообразить я всецѣло предоставляю вамъ, такъ какъ считаю, что когда власти не желаютъ да и только карать мошенниковъ, долгъ всякаго честнаго гражданина учинить по отношенію къ нежела- тельному лицу такой разгромъ и шумъ, что поневолѣ государство будетъ принуждено реагировать, но входя въ ваше личное положеніе, я готовъ по соображеніямъ доброты и услужливости отъ своихъ намѣреній отка- заться и никакого грохота не дѣлать подъ тѣмъ условіемъ, что вы въ теченіе сего мѣсяца пришлете мнѣ, пожалуйста, довольно большую сумму для покрытія всѣхъ тревогъ, мною понесенныхъ, размѣръ которой оставляю на ваше почтенное усмотрѣніе». Подпись: «Воробей», а ниже — адресъ провинціального почтамта.

Я долго наслаждался этимъ послѣднимъ письмомъ, всю прелесть котораго едва-ли можетъ передать посильный мой переводъ. Мнѣ все нравилось въ немъ — и торжественный потокъ словъ, не стѣсненныхъ ни одной точкой, и тупая, мелкая подлость этого невиннаго на видъ человѣка, и подразумеваемое согласіе на любое мое предложеніе, какъ бы оно ни было гнусно лишь бы пресловутая сумма попала ему въ руки. Но главное, что доставляло мнѣ наслажденіе, — наслажденіе такой силы и полноты, что трудно было его выдержать, — состояло въ томъ, что Феликсъ самъ, безъ всякаго моего принужденія, вновь появлялся, предлагалъ мнѣ свои услуги, — болѣе того, заставлялъ меня эти услуги принять и, дѣлая все то, что мнѣ хотѣлось, при этомъ какъ бы снималъ съ меня всякую отвѣтственность за роковую послѣдовательность событій.

Я трясся отъ смѣха, сидя на той скамьѣ, — о поставьте {115} тамъ памятникъ — желтый столбъ — непременно поставьте! Какъ онъ себѣ представлялъ, этотъ балда: что его письма будутъ какимъ-то теле- патическимъ образомъ подавать мнѣ вѣсть о своемъ прибытіи? что, чудомъ прочтя ихъ, я чудомъ повѣрю въ силу его призрачныхъ угрозъ? А вѣдь забавно, что я дѣйствительно почувялъ появленіе его писемъ за окошкомъ номеръ девять и дѣйствительно собирался отвѣтить на нихъ, — точно впрямь убоясь ихъ угрозъ, — то-есть исполнялось все, что онъ по неслыханной, наглой глупости своей предполагалъ, что исполнится. И сидя на скамьѣ, и держа эти письма въ горячихъ своихъ объятіяхъ, я почувствовалъ, что замыселъ мой намѣтился окончательно, что все готово или почти готово, — не хватало двухъ-трехъ штриховъ, наложеніе которыхъ труда не представляло. Да и что такое трудъ въ этой области? Все дѣлалось само собой, все текло и плавно сливалось, принимая неизбѣжныя формы — съ того самаго мига, какъ я впервые увидѣлъ Феликса, — ахъ, развѣ можно говорить о трудѣ, когда рѣчь идетъ о гармоніи математическихъ величинъ, о движеніи планетъ, о пла-

номѣрности природныхъ законовъ? Чудесное зданіе строилось какъ бы помимо меня, — да, все съ самаго начала мнѣ пособляло, — и теперь, когда я спросилъ себя, что напишу Феликсу, я понялъ, безъ большого впрочемъ удивленія, что это письмо уже имѣется въ моемъ мозгу, — готово, какъ тѣ поздравительныя телеграммы съ виньеткой, которыя за извѣстную приплату можно послать новобрачнымъ. Слѣдовало только вписать въ готовый формуляръ дату, — вотъ и все.

Поговоримъ о преступленіяхъ, объ искусствѣ преступленія, {116} о карточныхъ фокусахъ, я очень сейчасъ возбужденъ. Конанъ Дойль! Какъ чудесно ты могъ завершить свое твореніе, когда надоѣли тебѣ герои твои! Какую возможность, какую тему ты профукалъ? Вѣдь ты могъ написать еще одинъ послѣдній рассказъ, — заключеніе всей шерлоковой эпопеи, эпизодъ, вѣнчающій всѣ предыдущіе: убійцей въ немъ долженъ былъ бы оказаться не одноногій бухгалтеръ, не китаецъ Чингъ, и не женщина въ красномъ, а самъ Пименъ всей криминальной лѣтописи, самъ докторъ Ватсонъ, — чтобы Ватсонъ былъ бы, такъ сказать, виноватсонъ... Безмѣрное удивленіе читателя! Да что Дойль, Достоевскій, Лебланъ, Уоллесъ, что всѣ великіе романисты, писавшіе о ловкихъ преступникахъ, что всѣ великіе преступники, не читавшіе ловкихъ романистовъ! Всѣ они невѣжды по сравненію со мной. Какъ бываетъ съ геніальными изобрѣтателями, мнѣ конечно помогъ случай (встрѣча съ Феликсомъ), но этотъ случай попалъ какъ разъ въ формочку, которую я для него уготовилъ, этотъ случай я замѣтилъ и использовалъ, чего другой на моемъ мѣстѣ не сдѣлалъ бы. Мое созданіе похоже на пасьянсъ, составленный напередъ: я разложилъ открытыя карты такъ, чтобы онъ выходилъ навѣрняка, собралъ ихъ въ обратномъ порядкѣ, далъ приготовленную колоду другимъ, — пожалуйста, разложите, — ручаюсь, что выйдетъ! Ошибка моихъ безчисленныхъ предтечей состояла въ томъ, что они разсматривали самый актъ, какъ главное и удѣляли больше вниманія тому, какъ потомъ замести слѣды, нежели тому, какъ наиболѣе естественно довести дѣло до этого самаго акта, ибо онъ только одно звено, одна деталь, одна строка, онъ долженъ естественно {117} вытекать изъ всего предыдущаго, — таково свойство всѣхъ искусствъ. Если правильно задумано и выполнено дѣло, сила искусства такова, что, явись преступникъ на другой день съ повинной, ему бы никто не повѣрилъ, — настолько вымыселъ искусства правдивѣе жизненной правды.

Все это, помнится, промелькнуло у меня въ головѣ именно тогда, когда я сидѣлъ на скамьѣ съ письмами въ рукахъ, — но тогда было одно, теперь — другое; я бы внесъ теперь небольшую поправку, а именно ту, что, какъ бываетъ и съ волшебными произведеніями искус-

ства, которыхъ чернь долгое время не признаетъ, не понимаетъ, коихъ обаянію не поддается, такъ случается и съ самымъ геніально продуманнымъ преступленіемъ: геніальности его не признаютъ, не дивятся ей, а сразу выскиваютъ, что бы такое раскритиковать, охаютъ, чѣмъ бы такимъ побольнѣе уязвить автора, и кажется имъ, что они нашли желанный промахъ, — вотъ они гогочутъ, но ошиблись они, а не авторъ, — нѣтъ у нихъ тѣхъ изумительно зоркихъ глазъ, которыми снабженъ авторъ, и не видятъ они ничего особеннаго тамъ, гдѣ авторъ увидѣлъ чудо.

Посмѣявшись, успокоившись, ясно обдумавъ дальнѣйшія свои дѣйствія, я положилъ третье, самое озорное, письмо въ бумажникъ, а два остальныхъ разорвалъ на мелкіе клочки, бросилъ ихъ въ кусты сосѣдняго сквера, при чемъ мигомъ слетѣлось нѣсколько воробьевъ, принявъ ихъ за крошки. Затѣмъ, отправившись къ себѣ въ контору, я настучалъ письмо къ Феликсу съ подробными указаніями, куда и когда явиться, приложилъ двадцать марокъ и вышелъ опять. Мнѣ всегда трудно разжать пальцы, держащіе письмо надъ {118} щелью — это вродѣ того, какъ прыгнуть въ холодную воду или въ воздухъ съ парашютомъ, — и теперь мнѣ было особенно трудно выпустить письмо, — я, помнится, переглотнулъ, зарябило подъ ложечкой, — и, все еще держа письмо въ рукѣ, я пошелъ по улицѣ, остановился у слѣдующаго ящика, и повторилась та же исторія. Я пошелъ дальше, все еще нагруженный письмомъ, какъ бы сгибаясь подъ бременемъ этой огромной бѣлой ноши, и снова черезъ кварталъ увидѣлъ ящикъ. Мнѣ уже надоѣла моя нерѣшительность — совершенно безпричинная и бессмысленная въ виду твердости моихъ намѣреній, — быть можетъ, просто физическая, машинальная нерѣшительность, нежеланіе мышцъ ослабнуть, — или еще, какъ сказалъ бы марксистскій комментаторъ (а марксизмъ подходитъ ближе всего къ абсолютной истинѣ, да-съ), нерѣшительность собственника, все немогущаго, такая ужъ традиція въ крови, разстаться съ имуществомъ, — при чемъ въ данномъ случаѣ имущество измѣрялось не просто деньгами, которыя я посылалъ, а той долей моей души, которую я вложилъ въ строки письма. Но какъ бы тамъ ни было, я колебанія свои преодолѣлъ, когда подходилъ къ четвертому или пятому ящику, и зналъ съ той же опредѣленностью, какъ знаю сейчасъ, что напишу эту фразу, зналъ, что ужъ теперь навѣрное опущу письмо въ ящикъ — и даже сдѣлаю потомъ этакій жестикъ, побью ладонь о ладонь, точно могли къ перчаткамъ пристать какія то пылинки отъ этого письма, уже брошеннаго, уже не моего, и потому и пыль отъ него тоже не моя, дѣло сдѣлано, все чисто, все кончено, — но письма я въ ящикъ все-таки не бросилъ, а замеръ, еще согбенный подъ ношей, глядя {119} исподлобья на двухъ

дѣвочекъ, игравшихъ возлѣ меня на панели: онѣ по очереди кидали стеклянно-радужный шарикъ, мѣтя въ ямку, тамъ, гдѣ панель граничила съ землей. Я выбралъ младшую, — худенькую, темноволосую, въ клѣтчатою платицѣ, какъ ей не было холодно въ этотъ суровый февральскій день? — и, потрепавъ ее по головѣ, сказалъ ей: «Вотъ что, дѣтка, я плохо вижу, очень близорукъ, боюсь, что не попаду въ щель, — опусти письмо за меня вонъ въ тотъ ящикъ». Она посмотрѣла, поднялась съ корточекъ, у нея лицо было маленькое, прозрачно-блѣдное и необыкновенно красивое, взяла письмо, чудно улыбнулась, хлопнувъ длинными рѣсницами, и побѣжала къ ящику. Остального я не доглядѣлъ, а пересѣкъ улицу, — щурясь, (это слѣдуетъ отмѣтить), какъ будто дѣйствительно плохо видѣлъ, и это было искусство ради искусства, ибо я уже отошелъ далеко. На углу слѣдующей площади я вошелъ въ стеклянную будку и позвонилъ Ардаліону: мнѣ было необходимо кое-что предпринять по отношенію къ нему, я давно рѣшилъ, что именно этотъ вѣдливый портретистъ — единственный человѣкъ, для меня опасный. Пускай психологи выясняютъ, навела ли меня притворная близорукость на мысль тотчасъ исполнить то, что я насчетъ Ардаліона давно задумалъ, или же напротивъ постоянное воспоминаніе о его опасныхъ глазахъ толкнуло меня на изображеніе близорукости. Ахъ, кстати, кстати... она подрастетъ, эта дѣвочка, будетъ хороша собой и вѣроятно счастлива, и никогда не будетъ знать, въ какомъ диковинномъ и страшномъ дѣлѣ она послужила посредницей, — а впрочемъ возможно и другое: судьба, нетерпящая такого безсознательнаго, наивнаго {120} маклерства, завистливая судьба, у которой самой губа не дура, которая сама знаетъ толкъ въ мелкомъ жульничествѣ, жестоко дѣвочку эту покараетъ, за вмѣшательство, а та станетъ удивляться, почему я такая несчастная, за что мнѣ это, и никогда, никогда, никогда ничего не пойметъ. Моя же совѣсть чиста. Не я написалъ Феликсу, а онъ мнѣ, не я послалъ ему отвѣтъ, а неизвѣстный ребенокъ.

Когда я пришелъ въ скромное, но пріятное кафе, напротивъ котораго, въ скверѣ, бьетъ въ лѣтніе вечера и какъ будто вертится муаровый фонтанъ, остроумно освѣщаемый снизу разноцвѣтными лампами (а теперь все было голо и тускло, и не цвѣлъ фонтанъ, и въ кафе толстыя портьеры торжествовали побѣду въ классовой борьбѣ съ бродячими сквозняками, — какъ я здорово пишу и, главное, спокоенъ, совершенно спокоенъ), когда я пришелъ Ардаліонъ уже тамъ сидѣлъ и, увидѣвъ меня, поднялъ по-римски руку. Я снялъ перчатки, бѣлое шелковое кашнэ и сѣлъ рядомъ съ Ардаліономъ, выложивъ на столъ коробку дорогихъ папирозъ.

«Что скажете новенькаго?» — спросилъ Ардаліонъ, всегда говорившій со мной шутовскимъ тономъ. Я заказалъ кофе и началъ примѣрно такъ:

«Кое-что у меня для васъ дѣйствительно есть. Послѣднее время, другъ мой, меня мучить сознаніе, что вы погибаете. Мнѣ кажется, что изъ-за матеріальныхъ невзгодъ и общей затхлости вашего быта талантъ вашъ умираетъ, чахнетъ, не бьетъ ключемъ, все равно какъ теперь зимою не бьетъ цвѣтной фонтанъ въ скверѣ напротивъ».

«Спасибо за сравненіе, — обиженно сказалъ Ардаліонъ. {121} — Какой ужасъ... хорошенькое освѣщеніе подъ монпансье. Да и вообще — зачѣмъ говорить о талантѣ, вы же не понимаете въ искусствѣ ни кія».

«Мы съ Лидой не разъ обсуждали, — продолжалъ я, игнорируя его пошлое замѣчаніе, — незавидное ваше положеніе. Мнѣ кажется, что вамъ слѣдовало бы перемѣнить атмосферу, освѣжиться, набраться новыхъ впечатлѣній».

«При чемъ тутъ атмосфера», — поморщился Ардаліонъ.

«Я считаю, что здѣшняя губитъ васъ, — значитъ при чемъ. Эти розы и персики, которыми вы украшаете столовую вашей хозяйки, эти портреты почтенныхъ лицъ, у которыхъ вы норовите поужинать — —»

«Ну ужъ и норовлю...»

«— — все это можетъ быть превосходно, даже геніально, но — простите за откровенность — какъ то однообразно, вынуждено. Вамъ слѣдовало бы пожить среди другой природы, въ лучахъ солнца, — солнце другъ художниковъ. Впрочемъ, этотъ разговоръ вамъ повидимому неинтересенъ. Поговоримъ о другомъ. Скажите, напримѣръ, какъ обстоитъ дѣло съ вашимъ участкомъ?»

«А чортъ его знаетъ. Мнѣ присылаютъ какія-то письма по-нѣмецки, я бы попросилъ васъ перевести, но скучно, да и письма эти либо теряю, либо рву. Требуютъ кажется добавочныхъ взносовъ. Лѣтомъ возьму и построю тамъ домъ. Они ужъ тогда не вытянутъ изъ подъ-него землю. Но вы что-то говорили, дорогой, о перемѣнѣ климата. Валяйте, — я слушаю».

«Ахъ зачѣмъ же, вамъ это неинтересно. Я говорю резонныя вещи, а вы раздражаетесь». {122}

«Христосъ съ вами, — съ чего бы я сталъ раздражаться? Напротивъ, напротивъ...»

«Да нѣтъ, зачѣмъ же».

«Вы, дорогой, упомянули объ Италиі. Жарьте дальше. Мнѣ нравится эта тема».

«Еще не упоминалъ, — сказалъ я со смѣхомъ. — Но разъ вы уже сказали это слово... Здѣсь, между прочимъ, довольно уютно. Вы, гово-

рять, временно перестали...?» — я многозначительно пощелкалъ себя по шеѣ.

«Онаго больше не потребляю. Но сейчасъ, знаете, я бы чего-нибудь такого за компанію... Соснакъ изъ легкихъ виноградныхъ винъ... Нѣтъ, шучу».

«Да, не нужно, это ни къ чему, меня все равно напоить невозможно. Вотъ значитъ, какія дѣла. Охъ, плохо я сегодня спалъ... Охъ-охъ. Ужасная вещь бессонница», — продолжалъ я, глядя на него сквозь слезы. — «Охъ... Простите, раззѣвался».

Ардаліонъ, мечтательно улыбаясь, игралъ ложечкой. Его толстое лицо съ львиной переносицей было наклонено, и рыжія вѣки въ бородавкахъ рѣсницъ полуприкрывали его возмутительно яркіе глаза. Вдругъ, блеснувъ на меня, онъ сказалъ:

«Если бы я съѣздилъ въ Италію, то дѣйствительно написалъ бы роскошныя вещи. Изъ выручки за нихъ я бы сразу погасилъ свой долгъ».

«Долгъ? У васъ есть долги?» — спросилъ я насмѣшливо.

«Полно-те, Германъ Карловичъ, — проговорилъ онъ, впервые кажется назвавъ меня по имени-отчеству, — вы же понимаете, куда я гну. Одолжите мнѣ сотенку, {123} другую, и я буду молиться за васъ во всѣхъ флорентійскихъ церквахъ».

«Вотъ вамъ пока-что на визу, — сказалъ я, распахнувъ бумажникъ. — Только сдѣлайте это немедленно, а то пропѣете. Завтра же утромъ пойдите».

«Дай лапу», — сказалъ Ардаліонъ.

Нѣкоторое время мы оба молчали, — онъ отъ избытка мало интересныхъ мнѣ чувствъ, я потому, что дѣло было сдѣлано, говорить же было не о чемъ.

«Идея, — вдругъ воскликнулъ Ардаліонъ, — почему бы вамъ, дорогой, не отпустить со мной Лидку, вѣдь тутъ тощица страшная, барынькѣ нужны развлеченія. Я, знаете, если поѣду одинъ... Она вѣдь ревнующая, — ей все будетъ казаться, что гдѣ-то нализываюсь. Право же, отпустите ее со мной на мѣсяць, а?»

«Можетъ быть, погода приѣдетъ, — оба приѣдемъ, — я тоже давно мечтаю о небольшомъ путешествіи. Ну-съ, мнѣ нужно итти. Два кофе, — все, кажется».

ГЛАВА VIII.

На слѣдующій день спозаранку — не было еще девяти — я отправился на одну изъ центральныхъ станцій подземной дороги и тамъ у выхода занялъ стратегическую позицію. Черезъ ровные промежутки времени изъ каменныхъ нѣдръ вырывалась наружу очередная партія людей съ портфелями — вверхъ по лѣстницѣ, шаркая, топая, иногда со звякомъ стучался носокъ о металлъ объявленія, которымъ какая-то фирма {124} находитъ умѣстнымъ облицовывать подъемъ ступеней. На предпоследней, спиной къ стѣнѣ, держа передъ собою шляпу (кто былъ первый геніальный нищій, примѣнившій шляпу къ своей профессіи?), нарочито сутулился пожилой оборванецъ. Повыше стояли, увѣшанные плакатами, газетчики въ шутовскихъ фуражкахъ. Былъ темный жалкій день; несмотря на гетры, у меня мерзли ноги. Наконецъ, ровно безъ пяти девять, какъ я и рассчитывалъ, появилась изъ глубины фигура Орловіуса. Я тотчасъ повернулся и медленно пошелъ прочь. Орловіусъ перегналъ меня, оглянулся, оскалилъ свои прекрасные, но фальшивые зубы. Встрѣча вышла какъ бы случайной, что мнѣ и нужно было.

«Да, по пути, — отвѣтилъ я на его вопросъ. — Хочу зайти въ банкъ».

«Собачья погода, — сказалъ Орловіусъ, шлепая рядомъ со мной. — Какъ поживаетъ ваша супруга?»

«Спасибо, благополучно».

«А у васъ все идетъ хорошо?» — учтиво продолжалъ онъ.

«Не очень. Нервное настроеніе, бессонница, всякіе пустяки, которые прежде забавляли бы меня, а теперь раздражаютъ».

«Кушайте лимоны», — вставилъ Орловіусъ.

«Прежде забавляли бы, а теперь раздражаютъ. Вотъ напимѣръ — —» я усмѣхнулся и высунулъ бумажникъ «— — получилъ я дурацкое шантажное письмо, и оно какъ-то повліяло на меня. Кстати, прочтите, — курьезно».

Орловіусъ остановился и близко придвинулъ листокъ къ очкамъ. Пока онъ читалъ, я разсматривалъ {125} витрину, гдѣ торжественно и глупо бѣлѣли двѣ ванны и разные другіе туалетные снаряды, — а рядомъ былъ магазинъ гробовъ, и тамъ тоже все было торжественно и глупо.

«Однако, — сказалъ Орловіусъ. — Знаете ли вы, кто это написалъ?»

Я положилъ письмо обратно въ бумажникъ и отвѣтилъ, посмѣиваясь:

«Да, конечно знаю. Проходимецъ. Служилъ когда-то у знакомыхъ. Ненормальный, даже просто безумный субъектъ. Вбилъ себѣ въ голову, что я лишилъ его какого-то наслѣдства, — знаете, какъ это бываетъ, — навязчивая идея, и ничѣмъ ея не вышибешь».

Орловіусъ подробно объяснилъ мнѣ, какую опасность безумцы представляютъ для общества, и спросилъ, не собираюсь ли я обратиться въ полицію.

Я пожалъ плечами. «Ерунда, въ общемъ не стоитъ объ этомъ говорить. Что вы думаете о рѣчи канцлера, — читали?»

Мы продолжали итти рядомъ, мирно бесѣдуя о внѣшней и внутренней политикѣ. У дверей его конторы я по правилу русской вѣжливости сталъ снимать перчатку.

«Вы нервозны, это плохо, — сказалъ Орловіусъ. — Прошу васъ, кланяйтесь вашей супругѣ».

«Поклонюсь, поклонюсь. Только знаете, — я вамъ завидую, что вы неженаты».

«Какъ такъ?» — спросилъ Орловіусъ.

«А такъ. Тяжело касаться этого, но бракъ мой несчастливъ. Моя супруга сердце имѣетъ зыбковатое, да и есть у нея привязанность на сторонѣ, — да, легкое {126} и холодное существо, такъ что не думаю, чтобъ она долго плакала, если бы со мною... если бы я... Однако, простите, все это очень личные печали»

«Кое-что я давно наблюдалъ», — сказалъ Орловіусъ, качая головой, глубокомысленно и сокрушенно.

Я пожалъ его шерстяную руку, мы разстались. Вышло великолѣпно. Такихъ людей, какъ Орловіусъ, весьма легко провести, ибо порядочность плюсъ сентиментальность какъ разъ равняется глупости. Готовый всякому сочувствовать, онъ не только сталъ тотчасъ на сторону благороднаго любящаго мужа, когда я оклеветалъ мою примѣрную жену, но еще рѣшилъ про себя, что самъ кое-что замѣтилъ, «наблюдалъ» — какъ онъ выразился. Мнѣ было бы презанятно узнать, что этотъ подслѣповатый осель могъ замѣтить въ нашихъ безоблачныхъ отношеніяхъ. Да, вышло великолѣпно. Я былъ доволенъ. Я былъ бы еще болѣе доволенъ, кабы не заминка съ визой. Ардаліонъ съ помощью Лиды заполнилъ анкетные листы, но оказалось, что онъ визу получить не раньше, чѣмъ черезъ двѣ недѣли. Оставалось около мѣсяца до девятаго марта, — въ крайнемъ случаѣ, я всегда могъ написать Феликсу о перемѣнѣ даты.

Наконецъ — въ послѣднихъ числахъ февраля — Ардаліону визу поставили, и онъ купилъ себѣ билетъ. Кромѣ денегъ на билетъ, я далъ ему еще двѣсти марокъ. Онъ рѣшилъ ѣхать перваго марта, — но вдругъ выяснилось, что успѣлъ онъ деньги кому-то одолжить и принужденъ

ждать ихъ возвращенія. Къ нему будто-бы явился пріятель, схватился за виски и простоналъ: «если я къ вечеру не добуду двухсотъ марокъ, все погублю». Довольно таинственный случай; Ардаліонъ {127} говорилъ, что тутъ «дѣло чести», — я же питаю сильнѣйшее недовѣріе къ туманнымъ дѣламъ, гдѣ замѣшана честь, причемъ, замѣтите, не своя, голодранцева, а всегда честь какого то третьяго или даже четвертаго лица, имя котораго хранится въ секретѣ. Ардаліонъ будто бы деньги ему далъ, и тотъ поклялся, что вернетъ ихъ черезъ три дня, — обычный срокъ у этихъ потомковъ феодаловъ. По истеченіи сего срока Ардаліонъ пошелъ должника разыскивать и, разумѣется, нигдѣ не нашелъ. Въ ледяномъ бѣшенствѣ я спросилъ, какъ его зовутъ. Ардаліонъ помялся и сказалъ: «Помните, тотъ, который къ вамъ разъ заходилъ». Я, какъ говорится, свѣта не взвидѣлъ.

Успокоившись, я, пожалуй, и возмѣстилъ бы ему убытокъ, если бы дѣло не усложнялось тѣмъ, что у меня самого денегъ было въ обрѣзъ, — а мнѣ слѣдовало непременно имѣть при себѣ нѣкоторую сумму. Я сказалъ ему, что пусть ѣдетъ такъ какъ есть, съ билетомъ и нѣсколькими марками въ карманѣ, — потомъ дошлю. Онъ отвѣтилъ, что такъ и сдѣлаетъ, но еще обождетъ денька два, авось деньги вернутся. Дѣйствительно, третьяго марта онъ сообщилъ мнѣ по телефону, что долгъ ему возвращенъ, и что завтра вечеромъ онъ ѣдетъ. Четвертаго оказалось, что Лида, у которой почему-то хранился Ардаліоновъ билетъ, не можетъ теперь вспомнить, куда его положила. Ардаліонъ мрачно сидѣлъ въ прихожей и повторялъ: «Ну что жъ, значить — не судьба». Издали доносился стукъ ящиковъ, неистовое шерошеніе бумаги, — это Лида искала билетъ. Черезъ часъ Ардаліонъ махнулъ рукой и ушелъ. Лида сидѣла на постели, плача навзрыдъ. Пятаго утромъ она нашла билетъ среди грязнаго {128} бѣлья, приготовленнаго для прачки, а шестого мы поѣхали Ардаліона провожать.

Поѣздъ отходилъ въ 10.10. Стрѣлка часовъ дѣлала стойку, нацѣливаясь на минуту, вдругъ прыгала на нее, и вотъ уже нацѣливалась на слѣдующую. Ардаліона все не было. Мы ждали у вагона съ надписью «Миланъ». «Въ чемъ дѣло? — причитывала Лида. — Почему его нѣтъ, я безпокоюсь». Вся эта идіотская канитель съ Ардаліоновымъ отѣздомъ меня такъ бѣсила, что теперь я боялся разжать зубы, — иначе со мной бы тутъ же на вокзалѣ сдѣлался какой-нибудь припадокъ. Къ намъ подошли двое мизерныхъ господъ, — одинъ въ синемъ макинтошѣ, другой въ русскомъ пальто съ облѣзлымъ барашковымъ воротникомъ, — и, минуя меня, любезно поздоровались съ Лидой.

«Почему его нѣтъ? Какъ вы думаете?» — спросила Лида, глядя на нихъ испуганными глазами и держа на отлетѣ букетикъ фіалокъ, кото-

рый она нашла нужнымъ для этой скотины купить. Макинтошъ развелъ руками, а барашковый проговорилъ басомъ:

«Несцимусь. Мы не знаемъ».

Я почувствовалъ, что не могу дольше сдерживаться и, круто повернувшись, пошелъ къ выходу. Лида меня догнала: «Куда ты, погоди, — я увѣрена, что — —»

Въ эту минуту появился вдали Ардаліонъ. Угрюмый человекъ съ напряженнымъ лицомъ поддерживалъ его подъ локоть и несъ его чемоданъ. Ардаліонъ былъ такъ пьянъ, что едва держался на ногахъ; виномъ несло и отъ угрюмца.

«Онъ въ такомъ видѣ не можетъ ѣхать!» — крикнула Лида. {129}

Красный, съ бисеромъ пота на лбу, растерянный, валкій, безъ пальто (смутный расчетъ на тепло юга), Ардаліонъ полѣзъ со всѣми лобызаться. Я едва успѣлъ отстраниться.

«Художникъ Кернъ, — отрекомендовался угрюмецъ, сунувъ мнѣ влажную руку. — Имѣлъ счастье съ вами встрѣчаться въ притонахъ Каира».

«Германъ, его такъ нельзя отпустить», — повторяла Лида, теребя меня за рукавъ.

Между тѣмъ двери уже захлопывались. Ардаліонъ, качаясь и призывно крича, пошелъ было за повозкой продавца бисквитовъ, но друзья поймали его, и вдругъ онъ въ охапку сгребъ Лиду и сталъ смачно ее цѣловать.

«Эхъ ты, коза, — приговаривалъ онъ. — Прощай, коза, спасибо, коза».

«Господа, — сказалъ я совершенно спокойно, — помогите мнѣ его поднять въ вагонъ».

Поездъ поплылъ. Сіяя и вопя, Ардаліонъ прямо-таки вываливался изъ окна. Лида бѣжала рядомъ и кричала ему что-то. Когда проѣхалъ послѣдній вагонъ, она, согнувшись, посмотрѣла подъ колеса и перекрестилась. Въ рукѣ она все еще держала букетъ.

Какое облегченіе... Я вздохнулъ всей грудью и шумно выпустилъ воздухъ. Весь день Лида молча волновалась, но потомъ пришла телеграмма, два слова «Привѣтъ сдороги», и она успокоилась. Теперь предстояло послѣднее и самое скучное: поговорить съ ней, натаскать ее.

Почему-то не помню, какъ я къ этому разговору приступилъ: память моя включаетъ, когда уже разговоръ {130} въ полномъ ходу. Лида сидитъ противъ меня на диванѣ и на меня смотритъ въ нѣмомъ изумленіи. Я сижу на кончикѣ стула, изрѣдка, какъ врачъ, трогаю ее за кисть — и ровнымъ голосомъ говорю, говорю, говорю. Я рассказалъ ей то, чего не рассказывалъ никогда. Я рассказалъ ей о младшемъ моемъ

братъ. Онъ учился въ Германіи, когда началась война, былъ призванъ, сражался противъ Россіи. Помню его тихимъ, унылымъ мальчикомъ. Меня родители били, а его баловали, но онъ былъ съ ними неласковъ, зато ко мнѣ относился съ невѣроятнымъ, болѣе чѣмъ братскимъ, обожаніемъ, всюду слѣдовалъ за мной, заглядывалъ въ глаза, любилъ все, что меня касалось, любилъ нюхать и мять мой платокъ, надѣвать еще теплую мою сорочку, чистить зубы моей щеткой. Нѣтъ, — не извращенность, а сильное выраженіе неизъяснимаго нашего единства: мы были такъ похожи другъ на друга, что даже близкіе родственники путали насъ, и съ годами это сходство становилось все безупречнѣе. Когда, помнится, я его провожалъ въ Германію — это было незадолго до выстрѣла Принципа, — бѣдняжка такъ рыдалъ, такъ рыдалъ, — будто предчувствовалъ долгую и грозную разлуку. На вокзалѣ смотрѣли на насъ, — смотрѣли на этихъ двоихъ одинаковыхъ юношей, державшихся за руки и глядѣвшихъ другъ другу въ глаза съ какимъ-то скорбнымъ восторгомъ... Потомъ война. — Томясь въ далекомъ русскомъ плѣну, я ничего о братѣ не слышалъ, но почему-то былъ увѣренъ, что онъ убитъ. Душные годы, траурные годы. Я пріучилъ себя не думать о немъ, и даже потомъ, когда женился, ничего Лидѣ о немъ не рассказалъ, — ужъ слишкомъ все это было {131} тягостно. А затѣмъ, вскорѣ по пріѣздѣ съ женой въ Германію, я узналъ отъ нѣмецкаго родственника, появившагося мимоходомъ, на мигъ, только ради одной реплики, что Феликсъ мой живъ, но нравственно погибъ. Не знаю, что именно, какое крушеніе души... Должно быть, его нѣжная психика не выдержала бранныхъ испытаній, — а мысль, что меня уже нѣтъ (странно, — онъ былъ тоже увѣренъ въ смерти брата), что онъ больше никогда не увидитъ обожаемаго двойника, или, вѣрнѣе, усовершенствованное изданіе собственной личности, эта мысль изуродовала его жизнь, ему показалось, что онъ лишился опоры и цѣли, — и что отнынѣ можно жить кое-какъ. И онъ опустился. Этотъ человѣкъ, съ душой какъ скрипка, занимался воровствомъ, подлогами, нюхалъ кокаинъ и наконецъ совершилъ убійство: отравилъ женщину, содержащую его. О послѣднемъ дѣлѣ я узналъ изъ его-же устъ; къ отвѣтственности его такъ и не привлекли, настолько ловко онъ скрылъ преступленіе. А встрѣтился я съ нимъ такъ случайно, такъ нежданно и мучительно... подавленность, которую даже Лида во мнѣ замѣчала, была какъ разъ слѣдствіемъ той встрѣчи, а произошла она въ Прагѣ, въ одномъ кафе, — онъ, помню, всталъ, увидя меня, раскрылъ объятія и повалился навзничъ въ глубокомъ обморокѣ, длившемся восемнадцать минутъ.

Да, страшная встрѣча. Вмѣсто нѣжнаго, маленькаго увальня, я нашелъ говорливаго безумца съ рѣзкими тѣлодвиженіями... Счастье,

которое онъ испыталъ, встрѣтивъ меня, дорогого Германа, внезапно, въ чудномъ сѣромъ костюмѣ, возставшаго изъ мертвыхъ, не только не поправило его душевныхъ дѣлъ, но совсѣмъ, {132} совсѣмъ напротивъ, убѣдило его въ недопустимости и невозможности жить съ убійствомъ на совѣсти. Между нами произошла ужасная бесѣда, онъ цѣловалъ мои руки, онъ прощался со мной... Я сразу же понялъ, что поколебать въ немъ рѣшеніе покончить съ собой уже не подъ силу никому, даже мнѣ, имѣвшему на него такое идеальное вліяніе. Для меня это были нелегкія минуты. Ставя себя на его мѣсто, я отлично представлялъ себѣ, въ какой изощренный застѣнокъ превратилась его память, и понималъ, увы, что выходъ одинъ — смерть. Не дай Богъ никому переживать такія минуты, видѣть, какъ братъ гибнетъ, и не имѣть моральнаго права гибель его предотвратить... Но вотъ въ чемъ сложность: его душа, нечуждая мистическихъ устремленій, непременно жаждала искупленія, жертвы, — просто пустить себѣ пулю въ лобъ казалось ему недостаточнымъ. «Я хочу смерть мою кому-нибудь подарить, — внезапно сказалъ онъ, и глаза его налились брилліантовымъ свѣтомъ безумія. — Подарить мою смерть. Мы съ тобой еще больше схожи, чѣмъ прежде. Въ этомъ сходствѣ я чувствую божественное намѣреніе. Наложить на рояль руки еще не значитъ сотворить музыку, а я хочу музыки. Скажи, тебѣ можетъ-быть выгодно было-бы исчезнуть со свѣта?» Я сначала не понялъ его вопроса, мнѣ сдавалось, что Феликсъ бредитъ, — но изъ его дальнѣйшихъ словъ выяснилось, что у него есть опредѣленный планъ. Такъ! Съ одной стороны бездна страждущаго духа, съ другой — дѣловые проекты. При грозомъ свѣтѣ его трагической судьбы и позднего геройства та часть его плана, которая касалась меня, моей выгоды, моего благополучія, казалась глуповато-матеріальной, какъ {133} — скажемъ — громоотводъ на зданіи банка, вдругъ освѣщенный ночью молніей.

Дойдя примѣрно до этого мѣста моего разсказа, я остановился, откинулся на спинку стула, сложивъ руки и пристально глядя на Лиду. Она какъ-то стекла съ дивана на коверъ, подползла на колѣняхъ, прижалась головой къ моему бедру и заглушеннымъ голосомъ принялась меня утѣшать: «Какой ты бѣдный, — бормотала она, — какъ мнѣ больно за тебя, за брата... Боже мой, какіе есть несчастные люди на свѣтѣ. Онъ не долженъ погибнуть, всякаго человѣка можно спасти».

«Его спасти нельзя, — сказалъ я съ такъ называемой горькой усмѣшкой. — Онъ рѣшилъ умереть въ день своего рожденія, девятого марта, то-есть послѣзавтра, воспрепятствовать этому не можетъ самъ президентъ. Самоубійство есть самодурство. Все, что можно сдѣлать, это исполнить капризъ мученика, облегчить его участь сознаниемъ, что, уми-

рая, онъ творить доброе дѣло, приносить пользу, — грубую, матеріальную пользу, — но все же пользу».

Лида обхватила мою ногу и уставилась на меня своими шоколадными глазами.

«Его планъ таковъ, — продолжалъ я ровнымъ тономъ, — жизнь моя, скажемъ, застрахована въ столько-то тысячъ. Гдѣ-нибудь въ лѣсу находятъ мой трупъ. Моя вдова, то-есть ты...»

«Не говори такихъ ужасовъ, — крикнула Лида, вскочивъ съ ковра. — Я только-что гдѣ-то читала такую исторію... Пожалуйста, замолчи...»

«... моя вдова, то-есть ты, получаетъ эти деньги. Погодя уѣзжаетъ въ укромное мѣсто. Погодя я инкогнито {134} соединяюсь съ нею, даже можетъ быть снова на ней женюсь — подъ другимъ именемъ. Мое, вѣдь, имя умретъ съ моимъ братомъ. Мы съ нимъ схожи, не перебивай меня, какъ двѣ капли крови, и особенно будетъ онъ на меня похожъ въ мертвомъ видѣ».

«Перестань, перестань! Я не вѣрю, что его нельзя спасти... Ахъ, Германъ, какъ это все нехорошо... Гдѣ онъ сейчасъ, тутъ, въ Берлинѣ?»

«Нѣтъ, въ провинціи... Ты, какъ дура, повторяешь: спасти, спасти... Ты забываешь, что онъ убійца и мистикъ. Я же со своей стороны не имѣю права отказать ему въ томъ, что можетъ облегчить и украсить его смерть. Ты должна понять, что тутъ мы вступаемъ въ нѣкую высшую область. Вѣдь я же не говорю тебѣ: послушай, дѣла мои идутъ плохо, я стою передъ банкротствомъ, мнѣ все опротивѣло, я хочу уѣхать въ тихое мѣсто и тамъ предаваться созерцанію и куроводству, — давай воспользуемся рѣдкимъ случаемъ, — всего этого я не говорю, хотя я мечтаю о жизни на лонѣ природы, — а говорю другое, — я говорю: Какъ это ни тяжело, какъ это ни страшно, но нельзя отказать родному брату въ его предсмертной просьбѣ, нельзя помѣшать ему сдѣлать добро, — хотя-бы такое добро...»

Лида перемигнула, — я ее совсѣмъ заплевалъ, — но вопреки прыщущимъ словамъ прижалась ко мнѣ, хватая меня, а я продолжалъ:

«... Такой отказъ — грѣхъ, этотъ грѣхъ не хочу, не хочу брать на свою совѣсть. Ты думаешь, я не возражалъ ему, не старался его образумить, ты думаешь, мнѣ легко было согласиться на его предложеніе, ты думаешь, я спалъ всѣ эти ночи, — милая моя, вотъ {135} уже полгода, какъ я страдаю, страдаю такъ, какъ моему злѣйшему врагу не дай Богъ страдать. Очень мнѣ нужны эти тысячи! Но какъ мнѣ отказать, скажи, какъ могу я въ конецъ замучить, лишить послѣдней радости... Э, да что говорить!»

Я отстранилъ ее, почти отбросилъ и сталъ шагать по комнатѣ. Я глоталъ слезы, я всхлипывалъ. Метались малиновыя тѣни мелодрамъ.

«Ты въ миллионъ разъ умнѣе меня, — тихо сказала Лида, ломая руки (да, читатель, дикси, ломая руки), — но все это такъ страшно, такъ ново, мнѣ казалось, что это только въ книгахъ... Вѣдь это значить... Все вѣдь абсолютно перемѣнится, вся жизнь... Вѣдь... Ну, напримѣръ, какъ будетъ съ Ардалиономъ?»

«А ну его къ чертовой матери! Тутъ рѣчь идетъ о величайшей человѣческой трагедіи, а ты мнѣ суешь...»

«Нѣтъ, я просто такъ спросила. Ты меня огорошилъ, у меня все идетъ кругомъ. Я думаю, что — ну, не сейчасъ, а потомъ, вѣдь можно будетъ съ нимъ видѣться, ему объяснить, — Германъ, какъ ты думаешь?»

«Не заботься о пустякахъ, — сказалъ я, дернувшись, — тамъ будетъ видно. Да что это въ самомъ дѣлѣ (голосъ мой вдругъ перешелъ въ тонкій крикъ), что ты вообще за колода такая...»

Она расплакалась и сдѣлалась вдругъ податливой, нѣжной, припала ко мнѣ вздрагивая: «Прости меня, — лепетала она, — ахъ, прости... Я правда дура. Ахъ, прости меня. Весь этотъ ужасъ, который случился... Еще сегодня утромъ все было такъ ясно, такъ хорошо, такъ всегдашненько... Ты настрадался, милый, я безумно жалѣю тебя. Я сдѣлаю все, что ты хочешь». {136}

«Сейчасъ я хочу кофе, ужасно хочу».

«Пойдемъ на кухню, — сказала она, утирая слезы. — Я все сдѣлаю. Только побудь со мной, мнѣ страшно».

На кухнѣ, все еще потягивая носомъ, но уже успокоившись, она насыпала коричневыхъ крупныхъ зеренъ въ горло кофейной мельницы и, сжавъ ее между колѣнъ, завертѣла рукояткой. Сперва шло туго, съ хрустомъ и трескомъ, потомъ вдругъ полегчало.

«Вообрази, Лида, — сказалъ я, сидя на стулѣ и болтая ногами, — вообрази, что все, что я тебѣ рассказываю — выдуманная исторія. Я самъ, знаешь, внушилъ себѣ, что это сплошь выдуманная или гдѣ-то мной прочитанная исторія, — единственный способъ не сойти отъ ужаса съ ума. Итакъ: предприимчивый самоубійца и его застрахованный двойникъ... видишь ли, когда держатель полиса кончаетъ собой, то страховое общество платить не обязано. Поэтому — —»

«Я сварила очень крѣпкое, — сказала Лида, — тебѣ понравится. Да, я слушаю тебя».

«... поэтому герой этого сенсационнаго романа требуетъ слѣдующей мѣры: дѣло должно быть обставлено такъ, чтобы получилось впечатлѣніе убійства. Я не хочу входить въ техническія подробности, но въ

двухъ словахъ: оружіе прикрѣплено къ дереву, отъ гашетки идетъ веревка, самоубійца, отвернувшись, дергаетъ, бахъ въ спину, — приблизительно такъ».

«Ахъ, подожди, — воскликнула Лида, — я что-то вспомнила: онъ какъ-то придѣлалъ револьверъ къ мосту... Нѣтъ, не такъ: онъ привязалъ къ веревкѣ камень... Позволь, какъ же это было? Да: къ одному {137} концу — большой камень, а къ другому револьверъ, и значить выстрѣлилъ въ себя... А камень упалъ въ воду, а веревка — за нимъ черезъ перила, и револьверъ туда же, и все въ воду... Только я не помню, зачѣмъ это все нужно было...»

«Однимъ словомъ, концы въ воду, — сказалъ я, — а на мосту — мертвецъ. Хорошая вещь кофе. У меня безумно болѣла голова, теперь гораздо лучше. Ну такъ вотъ, ты, значить, понимаешь, какъ это происходитъ...»

Я пилъ мелкими глотками огненное кофе и думалъ: Вѣдь воображенія у нея ни на грошъ. Черезъ два дня мѣняется жизнь, неслыханное событіе, землетрясеніе... а она со мной попиваетъ кофе и вспоминаетъ похождения Шерлока...

Я, однако, ошибся: Лида вздрогнула и сказала, медленно опуская чашку:

«Германъ, вѣдь если это все такъ скоро, нужно начать укладываться. И знаешь, масса бѣлья въ стиркѣ... И въ чисткѣ твой смокингъ».

«Во-первыхъ, милая моя, я вовсе не желаю быть сожженнымъ въ смокингѣ; во-вторыхъ, выкинь изъ головы, забудь совершенно и моментально, что нужно тебѣ что-то дѣлать, къ чему-то готовиться и такъ далѣе. Тебѣ ничего не нужно дѣлать по той причинѣ, что ты ничего не знаешь, ровно ничего, — заруби это на носу. Никакихъ туманныхъ намековъ твоимъ знакомымъ, никакой суеты и покупокъ, — запомни это твердо, матушка, иначе будетъ для всѣхъ плохо. Повторяю: ты еще ничего не знаешь. Послѣзавтра твой мужъ поѣдетъ кататься на автомобиле и не вернется. Вотъ тогда-то, и только тогда, начнется твоя работа. {138} Она простая, но очень отвѣтственная. Пожалуйста, слушай меня внимательно:

Десятаго утромъ ты позвонишь Орловиусу и скажешь ему, что я куда-то уѣхалъ, не ночевалъ, до сихъ поръ не вернулся. Спросишь, какъ дальше быть. Исполнишь все, что онъ посоветуетъ. Пускай, вообще, онъ беретъ дѣло въ свои руки, обращается въ полицію и т. д. Главное, постарайся убѣдить себя, что я, точно, погибъ. Да въ концѣ концовъ это такъ и будетъ, — братъ мой часть моей души».

«Я все сдѣлаю, — сказала она. — Все сдѣлаю ради него и ради тебя. Но мнѣ уже такъ страшно, и все у меня путается».

«Пускай не путается. Главное — естественность горя. Пускай оно будет не ахти какое, но естественное. Для облегченія твоей задачи я наемнулъ Орловіусу, что ты давно разлюбила меня. Итакъ, пусть это будетъ тихое, сдержанное горе. Вздыхай и молчи. Когда же ты увидишь мой трупъ, т. е. трупъ человѣка, неотличимаго отъ меня, то ты конечно будешь потрясена».

«Ой, Германъ, я не могу. Я умру со страху».

«Гораздо было бы хуже, если бы ты въ мертвецкой стала пудрить себѣ носъ. Во всякомъ случаѣ, сдержись, не кричи, а то придется, послѣ криковъ, повысить общее производство твоего горя, и получится плохой театръ. Теперь дальше. Передавъ мое тѣло огню, въ соотвѣтствіи съ завѣщаніемъ, выполнивъ всѣ формальности, получивъ отъ Орловіуса то, что тебѣ причитается, и распорядившись деньгами сообразно съ его указаніями, ты уѣдешь за границу, въ Парижъ. Гдѣ ты въ Парижѣ остановишься?»

«Я не знаю, Германъ». {139}

«Вспомни, гдѣ мы съ тобой стояли, когда были въ Парижѣ. Ну?»

«Да, конечно знаю. Отель».

«Но какой отель?»

«Я ничего не могу вспомнить, Германъ, когда ты смотришь такъ на меня. Я тебѣ говорю, что знаю. Отель что-то такое».

«Подскажу тебѣ: имѣетъ отношеніе къ травѣ. Какъ трава по-французски?»

«Сейчасъ. Эрбъ. О, вспомнила: Малербъ».

«На всякій случай, если забудешь опять: наклейка отеля есть на черномъ сундукѣ. Всегда можешь посмотреть».

«Ну знаешь, Германъ, я все-таки не такая растяпа. А сундукъ я съ собой возьму. Черный».

«Вотъ ты тамъ и остановишься. Дальше слѣдуетъ нѣчто крайне важное. Но сначала все повтори».

«Я буду печальна. Я буду стараться не очень плакать. Орловіусъ. Я закажу себѣ два черныхъ платья».

«Погоди. Что ты сдѣлаешь, когда увидишь трупъ?»

«Я упаду на колѣни. Я не буду кричать».

«Ну вотъ видишь, какъ все это хорошо выходитъ. Ну, дальше?»

«Дальше, я его похороню».

«Во-первыхъ, не его, а меня. Пожалуйста, не спутай! Во-вторыхъ, не похороны, а сожженіе. Орловіусъ скажетъ пастору о моихъ достоинствахъ, нравственныхъ, гражданскихъ, супружескихъ. Пасторъ въ крематорской часовнѣ произнесетъ прочувствованную рѣчь. Мой гробъ подъ звуки органа тихо опустится въ преисподнюю. Вотъ и все. Затѣмъ?»

«Затѣмъ — Парижъ. Нѣтъ, постой, сперва всякія {140} денежныя формальности. Мнѣ, знаешь, Орловіусъ надоѣсть хуже горькой рѣдьки. Въ Парижѣ остановлюсь въ отелѣ — ну вотъ, я знала, что забуду, — подумала, что забуду, и забыла. Ты меня какъ-то тѣснишь... Отель... отель... Малербъ! На всякій случай — черный сундукъ».

«Такъ. Теперь важное: какъ только ты пріѣдешь въ Парижъ, ты меня извѣстишь. Какъ мнѣ теперь сдѣлать, чтобы ты запомнила адресъ?»

«Лучше запиши, Германъ. У меня голова сейчасъ не работаетъ. Я ужасно боюсь все перепутать».

«Нѣтъ, милая моя, никакихъ записываній. Ужъ хотя бы потому, что записку все равно потеряешь. Адресъ тебѣ придется запомнить, волей-неволей. Это абсолютно необходимо. Категорически запрещаю его записывать. Дошло?»

«Да, Германъ. Но я же не могу запомнить...»

«Глупости. Адресъ очень простъ. Пострестантъ. Иксъ». — (я назвалъ городъ).

«Это тамъ, гдѣ прежде жила тетя Лиза? Ну да, это легко вспомнить. Я тебѣ говорила про нее. Она теперь живетъ подъ Ниццей. Поѣзжай въ Ниццу».

«Вотъ именно. Значитъ, ты запомнила эти два слова. Теперь — имя. Ради простоты я тебѣ предлагаю написать такъ: Мсье Малербъ».

«Она вѣроятно все такая же толстая и бойкая. Знаешь, Ардаліонъ писалъ ей, прося денегъ, но конечно...»

«Все это очень интересно, но мы говоримъ о дѣлѣ. На какое имя ты мнѣ напишешь?»

«Ты еще не сказалъ, Германъ».

«Нѣтъ, сказалъ, — я предложилъ тебѣ: Мсье Малербъ». {141}

«Но какъ же, вѣдь это гостиница, Германъ?»

«Вотъ потому-то. Тебѣ будетъ легче запомнить по ассоціаціи».

«Ахъ, я забуду ассоціацію, Германъ. Это безнадежно. Пожалуйста, не надо ассоціацій. И вообще — ужасно поздно, я устала».

«Хорошо. Придумай сама имя. Имя, которое ты навѣрное запомнишь. Ну, хочешь — Ардаліонъ?»

«Хорошо, Германъ».

«Вотъ великолѣпно. Мсье Ардаліонъ. Пострестантъ. Иксъ. А напишешь ты мнѣ такъ: Дорогой другъ, ты навѣрное слышалъ о моемъ горѣ и дальше въ томъ же родѣ. Всего нѣсколько словъ. Письмо ты опустишь сама. Письмо ты опустишь сама. Есть?»

«Хорошо, Германъ».

«Теперь, пожалуйста, повтори».

«Я, знаешь, прямо умираю отъ напряженія. Боже мой, половина второго. Можетъ быть, завтра?»

«Завтра все равно придется повторить. Ну-съ, пожалуйста, я васъ слушаю».

«Отель Малербъ. Я пріѣхала. Я опустила письмо. Сама. Ардаліонъ, пострестантъ, Иксъ. А что дальше, когда я напишу?»

«Это тебя не касается. Тамъ будетъ видно. Ну, что-же, — я могу быть увѣренъ, что ты все это исполнишь?»

«Да, Германъ. Только не заставляй меня опять повторять. Я смертельно устала».

Стоя посреди кухни, она расправила плечи, сильно затрясла откинутой головой и повторила, ероша волосы: «Ахъ, какъ я устала, ахъ...» — и «ахъ» перешло въ зѣвоту. Мы отправились спать. Она раздѣлась, {142} кидая куда попало платье, чулки, разныя свои дамскія штучки, рухнула въ постель и тотчасъ стала посвистывать носомъ. Я легъ тоже и потушилъ свѣтъ, но спать не могъ. Помню, она вдругъ проснулась и тронула меня за плечо.

«Что тебѣ?» — спросилъ я съ притворной сонливостью.

«Германъ, — залепетала она, — Германъ, послушай, — а ты не думаешь, что это... жульничество?»

«Спи, — отвѣтилъ я. — Не твоего ума дѣло. Глубокая трагедія, — а ты — о глупостяхъ. Спи, пожалуйста».

Она сладко вздохнула, повернулась на другой бокъ и засвистала опять.

Любопытная вещь; невзирая на то, что я себя ничуть не обольщаль насчетъ способностей моей жены, тупой, забывчивой и нерасторопной, все же я былъ почему-то совершенно спокоенъ, совершенно увѣренъ въ томъ, что ея преданность безсознательно поведетъ ее по вѣрному пути, не дастъ ей оступиться и — главное — заставить ее хранить мою тайну. Я уже ясно представлялъ себѣ, какъ, глядя на ея наивно искусственное горе, Орловіусъ будетъ опять глубокомысленно сокрушенно качать головой, — и, Богъ его знаетъ, быть можетъ подумаетъ: не любовникъ ли укокошилъ бѣднаго мужа, — но тутъ онъ вспомнитъ шантажное письмо отъ неизвѣстнаго безумца.

Весь слѣдующій день мы просидѣли дома, и снова, кропотливо и настойчиво, я заряжалъ жену, набивальъ ее моей волей, какъ вотъ гуся насильно пичкаютъ кукурузой, чтобы набухла печень, Къ вечеру она едва могла ходить. Я остался доволенъ ея состояніемъ. {143} Мнѣ самому теперь было пора готовиться. Помню, какъ въ тотъ вечеръ я мучительно прикидываль, сколько денегъ взять съ собой, сколько оста-

вить Лидѣ, мало было гамзы, очень мало. У меня явилась мысль прихватить съ собой на всякій случай цѣнную вещицу, и я сказалъ Лидѣ:

«Дай-ка мнѣ твою московскую брошку».

«Ахъ да, брошку», — сказала она, вяло вышла изъ комнаты, но тотчасъ вернулась, легла на диванъ и зарыдала, какъ не рыдала еще никогда.

«Что съ тобой, несчастная?»

Она долго не отвѣчала, а потомъ, глупо всхлипывая и не глядя на меня, объяснила, что брошка заложена, что деньги пошли Ардалиону, ибо пріятель ему денегъ не вернулъ.

«Ну, ладно, ладно, не реви, — сказалъ я. — Ловко устроился, но слава Богу уѣхалъ, убрался, — это главное».

Она мигомъ успокоилась и даже просіяла, увидя, что я не сержусь, и пошла, шатаясь, въ спальню, долго рылась, принесла какое-то колечко, сережки, старомодный портсигаръ, принадлежавшій ей бабушкѣ. Ничего изъ этого я не взялъ.

«Вотъ что, — сказалъ я, блуждая по комнатѣ и кусая заусеницы, — вотъ что, Лида. Когда тебя будутъ спрашивать, были ли у меня враги, когда будутъ допытываться, кто же это могъ убить меня, говори: не знаю. И вотъ еще что: я беру съ собой чемоданъ, но это конечно между нами. Не должно такъ казаться, что я собрался въ какое-то путешествіе, — это выйдетъ подозрительно. Впрочемъ — —» — тутъ, помнится, я задумался. Странно, — почему это, когда все {144} было такъ чудесно продумано и предусмотрѣно, вылъзала торчкомъ мелкая деталь, какъ при укладкѣ вдругъ замѣчаешь, что забылъ уложить маленькій, но громоздкій пустякъ, — есть такіе недобросовѣстные предметы. Въ мое оправданіе слѣдуетъ сказать, что вопросъ чемодана былъ, пожалуй, единственный пунктъ, который я рѣшилъ измѣнить: все остальное шло именно такъ, какъ я замыслилъ давнымъ-давно, можетъ быть много мѣсяцевъ тому назадъ, можетъ быть въ ту самую секунду, когда я увидѣлъ на травѣ спящаго бродягу, точь-въ-точь похожаго на мой трупъ. Нѣтъ, — подумалъ я, — чемодана все-таки не слѣдуетъ брать, все равно кто-нибудь да увидитъ, какъ несу его внизъ.

«Чемодана я не беру», — сказалъ я вслухъ и опять зашагалъ по комнатѣ.

Какъ мнѣ забыть утро девятаго марта? Само по себѣ оно было блѣдное, холодное, ночью выпало немного снѣга, и швейцары подметали тротуары, вдоль которыхъ тянулся невысокій снѣговой хребетъ, а асфальтъ былъ уже чистый и черный, только слегка лоснился. Лида мирно спала. Все было тихо. Я приступилъ къ одѣванію. Одѣлся я такъ: двѣ рубашки, одна на другую, — причемъ верхняя, уже ношенная, была

для него. Кальсонъ — тоже двѣ пары, и опять же верхняя предназначалась ему. Засимъ я сдѣлалъ небольшой пакетъ, въ который вошли маникюрный приборъ и все что нужно для бритвы. Этотъ пакетикъ я сразу же, боясь его забыть, сунулъ въ карманъ пальто, висѣвшаго въ прихожей. Далѣе я надѣлъ двѣ пары носковъ (верхняя съ дыркой), черные башмаки, мышиныя гетры, — и въ такомъ видѣ т. е. уже изящно {145} обутый, но еще безъ панталонъ, нѣкоторое время стоялъ посреди комнаты, вспоминая, все-ли такъ дѣлаю, какъ было рѣшено. Вспомнивъ, что нужна лишняя пара подвязокъ, я разыскалъ старую и присоединилъ ее къ пакету, для чего пришлось опять выходить въ переднюю. Наконецъ выбралъ любимый сиреневый галстукъ и плотный темно-сѣрый костюмъ, который обычно носилъ послѣднее время. Разложилъ по карманамъ слѣдующія вещи: бумажникъ (около полутора тысячъ марокъ), паспортъ, кое-какія незначительныя бумажки съ адресами, счетами... Спихватился: паспортъ было вѣдь рѣшено не брать, — очень тонкій маневръ: незначительныя бумажки какъ-то художественнѣе устанавливали личность. Еще взялъ я: ключи, портсигаръ, зажигалку. Теперь я былъ одѣтъ, я хлопалъ себя по карманамъ, я отдувался, мнѣ было жарко въ двойной оболочкѣ бѣлья. Оставалось сдѣлать самое главное, — это была цѣлая церемонія: медленное выдвиганіе ящика, гдѣ онъ покоился, тщательный осмотръ, далеко впрочемъ не первый. Онъ былъ отлично смазанъ, онъ былъ туго набитъ... Мнѣ его подарилъ въ двадцатомъ году въ Ревелѣ незнакомый офицеръ, — вѣрнѣе, просто оставилъ его у меня, а самъ исчезъ. Я не знаю, что случилось потомъ съ этимъ любезнымъ поручикомъ.

Между тѣмъ Лида проснулась, запахнулась въ земляничныи халатъ, мы сѣли въ столовой, Эльза принесла кофе. Когда Эльза ушла:

«Ну-съ, — сказалъ я, — день насталъ, сейчасъ поѣду».

Маленькое отступленіе литературнаго свойства. Ритмъ этотъ — нерусскій, но онъ хорошо передаетъ {146} мое эпическое спокойствіе и торжественный драматизмъ положенія.

«Германъ, пожалуйста, останься, никуда не ѣзди», тихо проговорила Лида и, кажется, сложила ладони.

«Ты, надѣюсь, все запомнила», — продолжалъ я невозмутимо.

«Германъ, — повторила она, — не ѣзди никуда. Пускай онъ дѣлаетъ все, что хочетъ, — это его судьба, ты не вмѣшивайся...»

«Я радъ, что ты все запомнила, — сказалъ я съ улыбкой, — ты у меня молодецъ. Вотъ, сѣмъ еще булочку и двинусь».

Она расплакалась. Потомъ высморкалась, громко трубя, хотѣла что-то сказать, но опять принялась плакать. Зрѣлище было довольно любопытное: я — хладнокровно мажущій масломъ рогульку, Лида —

сидящая противъ меня и вся прыгающая отъ плача. Я сказалъ съ полнымъ ртомъ: «По крайней мѣрѣ, ты сможешь во всеуслышаніе — (— пожевалъ, проглотилъ, —) вспомнить, что у тебя было дурное предчувствіе, хотя уѣзжалъ я довольно часто и не говорилъ куда. А враги, сударыня, у него были? Не знаю, господинъ слѣдователь».

«Но что же дальше будетъ?» — тихонько простонала Лида, медленно разводя руками.

«Ну, довольно, моя милая, — сказалъ я другимъ тономъ. — Поплакала, и будетъ. И не вздумай сегодня ревѣть при Эльзѣ».

Она утрамбовала платкомъ глаза, грустно хрюкнула и опять развела руками, но уже молча и безъ слезъ.

«Все запомнила?» — въ послѣдній разъ спросилъ я, пристально смотря на нее. {147}

«Да, Германъ. Все. Но я такъ боюсь...»

Я всталъ, она встала тоже. Я сказалъ:

«До свиданія, будь здорова, мнѣ пора къ пациенту».

«Германъ, послушай, ты же не собираешься присутствовать?»

Я даже не понялъ.

«То-есть какъ: присутствовать?»

«Ахъ, ты знаешь, что я хочу сказать. Когда... Ну, однимъ словомъ, когда... съ этой веревочкой...»

«Вотъ дура, — сказалъ я. — А какъ же иначе? Кто потомъ все приберетъ? Да и нечего тебѣ такъ много думать, пойди въ кинематографъ сегодня. До-свиданія, дура».

Мы никогда не цѣловались, — я не терплю слякоти лобзаній. Говорятъ, японцы тоже — даже въ минуты страсти — никогда не цѣлуютъ своихъ женщинъ, — просто имъ чуждо и непонятно, и можетъ быть даже немного противно это прикосновеніе голыми губами къ эпителию ближняго. Но теперь меня вдругъ подтянуло жену поцѣловать, она же была къ этому неготова: какъ то такъ вышло, что я всего лишь скользнулъ по ея волосамъ и уже не повторилъ попытки, а, щелкнувъ почему-то каблуками, только тряхнулъ ея вялую руку и вышелъ въ переднюю. Тамъ я быстро одѣлся, схватилъ перчатки, провѣрилъ, взяты ли свертокъ, и уже идя къ двери услышалъ, какъ изъ столовой она меня зоветъ плаксивымъ и тихимъ голосомъ, но я не обратилъ на это вниманія, мнѣ хотѣлось поскорѣе выбратъся изъ дому.

Я направился во дворъ, гдѣ находился большой, полный автомобилей гаражъ. Меня привѣтствовали улыбками. Я сѣлъ, пустилъ моторъ въ ходъ. Асфальтовая {148} поверхность двора была немного выше поверхности улицы, такъ что при въѣздѣ въ узкій наклонный туннель, соеди-

нявшій дворъ съ улицей, автомобиль мой, сдержанный тормозами, легко и беззвучно нырнулъ.

ГЛАВА ІХ.

Сказать по правдѣ — испытываю нѣкоторую усталость. Я пишу чуть ли не отъ зари до зари, по главѣ въ сутки, а то и больше. Великая, могучая вещь — искусство. Вѣдь мнѣ, въ моемъ положеніи, слѣдовало бы дѣйствовать, волноваться, петлится... Прямой опасности нѣтъ, конечно, — и я полагаю, что такой опасности никогда не будетъ, — но все-таки странно — сиднемъ сидѣть и писать, писать, писать, или же подолгу думать, думать, думать, — что въ общемъ то же самое. И чѣмъ дальше я пишу, тѣмъ яснѣе становится, что я этого такъ не оставлю, договорюсь до главнаго, — и уже непременно, непременно опубликую мой трудъ, несмотря на рискъ, — а впрочемъ и риска-то особеннаго нѣтъ: какъ только рукопись отошлю, — смоюсь; міръ достаточно великъ, чтобы могъ спрятаться въ немъ скромный, бородатый мужчина.

Рѣшеніе трудъ мой вручить тому густо психологическому беллетристу, о которомъ я какъ будто уже упоминалъ, даже, кажется, обращалъ къ нему мой рассказъ, (— давно бросилъ написанное перечитывать, — некогда да и тошно...) было принято мною несразу, {149} — сначала я думалъ, не проще ли всего послать оный трудъ прямо какому-нибудь издателю, нѣмецкому, французскому, американскому, — но вѣдь написано-то по-русски, и не все переводимо, — а я, признаться, дорожу своей литературной колоратурой и увѣренъ, что пропади иной выгибъ, иной оттѣнокъ — все пойдетъ на смарку. Еще я думалъ послать его въ СССР, — но у меня нѣтъ необходимыхъ адресовъ, — да и не знаю, какъ это дѣлается, пропустятъ ли манускриптъ черезъ границу, — вѣдь я по привычкѣ пользуюсь старой орѳографіей, — переписывать же нѣтъ силъ... Что переписывать! Не знаю, допишу ли вообще, выдержу ли напряженіе, не умру ли отъ кровоизліянія въ мозгу...

Рѣшивъ наконецъ дать рукопись мою человѣку, который долженъ ею прельститься и приложить всѣ старанія, чтобы она увидѣла свѣтъ, я вполне отдаю себѣ отчетъ въ томъ, что мой избранникъ (ты, мой первый читатель), — беллетристъ бѣженскій, книги котораго въ СССР появляться никакъ не могутъ. Но для этой книги сдѣлаютъ, быть можетъ, исключеніе, — въ концѣ концовъ, не ты ее писалъ. О, какъ я лелѣю надежду, что несмотря на твою эмигрантскую подпись (прозрачная подложность которой ни для кого не останется загадкой), книга моя найдетъ сбытъ въ СССР! Далеко не являясь врагомъ совѣтскаго строя, я

должно-быть невольно выразилъ въ ней иныя мысли, которыя вполнѣ соотвѣтствуютъ діалектическимъ требованіямъ текущаго момента. Мнѣ даже представляется иногда, что основная моя тема, сходство двухъ людей, есть нѣкое иносказаніе. Это разительное физическое подобіе вѣроятно казалось мнѣ (подсознательно!) залогомъ {150} того идеальнаго подобія, которое соединить людей въ будущемъ безклассовомъ обществѣ, — и стремясь частный случай использовать, — я еще социалью не прозрѣвшій, смутно выполнялъ все же нѣкоторую социальную функцію. И опять же: неполная удача моя въ смыслѣ реализаціи этого сходства объяснима чисто социалью-экономическими причинами, а именно тѣмъ, что мы съ Феликсомъ принадлежали къ разнымъ, рѣзко отграниченнымъ классамъ, сліяніе которыхъ не подъ силу одиночкѣ, да еще нынѣ, въ періодъ безкомпромисснаго обостренія борьбы. Правда, мать моя была изъ простыхъ, а дѣдъ съ отцовской стороны въ молодости пасъ гусей, — такъ что мнѣ самому-то очень даже понятно, откуда въ чловѣкѣ моего склада и обихода имѣется это глубокое, хотя еще неполнѣ выявленное устремленіе къ подлинному сознанію. Мнѣ грезится новый міръ, гдѣ всѣ люди будутъ другъ на друга похожи, какъ Германъ и Феликсъ, — міръ Геликсовъ и Фермановъ, — міръ, гдѣ рабочаго, павшаго у станка, замѣнитъ тотчасъ, съ невозмутимой социалью улыбкой, его совершенный двойникъ. Посему думаю, что совѣтской молодежи будетъ небезполезно прочесть эту книгу и прослѣдить въ ней, подъ руководствомъ опытнаго марксиста, рудиментарное движеніе заложенной въ ней социалью мысли. Другіе же народы пуцай переводятъ ее на свои языки, — американцы утоляютъ, читая ее, свою жажду кровавыхъ сенсацій, французамъ привидятся миражи Содомы въ пристрастіи моемъ къ бродягѣ, нѣмцы наслаждаются причудами полуславянской души. Побольше, побольше читайте ее, господа! Я всецѣло это привѣтствую. {151}

Но писать ее нелегко. Особенно сейчасъ, когда приближаюсь къ самому, такъ сказать, рѣшительному дѣйствію вся трудность моей задачи является мнѣ — и вотъ, какъ видите, я отвиливаю, болтаю о вещахъ, мѣсто коимъ въ предисловіи къ повести, а не въ началѣ ея самой существенной, для читателя, главы. Но я уже объяснялъ, что, несмотря на разсудочность и лукавство подступовъ, не я, не разумъ мой пишетъ, а только память моя, только память. Вѣдь и тогда, то-есть въ часъ, на которомъ остановилась стрѣлка моего разсказа, я какъ бы тоже остановился, медлилъ, какъ медлю сейчасъ, — и тогда тоже я занятъ былъ путанными разсужденіями, не относящимися къ дѣлу, срокъ котораго все близился. Вѣдь я отправился въ путь утромъ, а свиданіе мое съ Феликсомъ было назначено на пять часовъ пополудни; дома мнѣ не

сидѣлось, но куда сбыть мутно-бѣлое время, отдѣлявшее меня отъ встрѣчи? Удобно, даже сонно, сидя и управляя какъ бы однимъ пальцемъ, я медленно катилъ по Берлину, по тихимъ, холоднымъ, шепчущимъ улицамъ, — и все дальше, дальше, покуда не замѣтилъ, что я уже изъ Берлина выѣхалъ. День былъ выдержанъ въ двухъ тонахъ, — черномъ (вѣтви деревьевъ, асфальтъ) и бѣлесомъ (небо, пятна снѣга). Все продолжалось мое сонное перемѣщеніе. Нѣкоторое время передо мной моталась большая, непріятная тряпка, которую ломовой, везущій что-либо длинное, нацѣпляетъ на торчащій сзади конецъ, — потомъ это исчезло, завернуло куда-то. Я не прибавилъ хода. На другомъ перекресткѣ выскочилъ мнѣ наперерѣзъ таксомоторъ, со стономъ затормозилъ и такъ какъ было довольно склизко закружился винтомъ. Я невозмутимо проѣхалъ, будто плылъ по {152} теченію. Дальше, женщина въ глубокомъ траурѣ наискось переходила мостовую передо мной, не видя меня; я не гукнулъ, не измѣнилъ тихаго ровнаго движенія, проплылъ въ двухъ вершкахъ отъ ея крепа, она даже не замѣтила меня, — беззвучнаго призрака. Меня обгоняло любое колесо; долго шелъ, вровень со мной медленный трамвай, и я уголкомъ глаза видѣлъ пассажировъ, глупо сидѣвшихъ другъ противъ друга. Раза два я проѣзжалъ плохо мощеными мѣстами, и уже появились куры: расправивъ куцыя крылья и вытянувъ шею, перебѣгали дорогу (а можетъ быть это было не тогда, а лѣтомъ). Потомъ я ѣхалъ по длинному, длинному шоссе, мимо жнивьевъ испещренныхъ снѣгомъ, и въ совершенно безлюдной мѣстности автомобиль мой какъ бы задремалъ, точно изъ синяго сдѣлался сизымъ, постепенно замеръ и остановился, и я склонился на руль въ неизъяснимомъ раздумьѣ. О чемъ я думалъ? Ни о чемъ, или о глупостяхъ, я путался, я почти засыпалъ, я въ полубморокѣ разсуждалъ самъ съ собой о какой-то ерундѣ, вспоминалъ какой-то споръ, бывшій у меня когда-то съ кѣмъ-то на какой-то станціи, о томъ, можно ли видѣть солнце во снѣ, — и потомъ мнѣ начинало казаться, что кругомъ много людей, и всѣ говорятъ сразу и замолкаютъ, и давъ другъ другу смутныя порученія, беззвучно расходятся. Погодя я двинулся дальше и въ полдень, влачась черезъ какую-то деревню, рѣшилъ тамъ сдѣлать привалъ, — ибо даже такимъ дремотнымъ темпомъ я оттуда добирался до Кенигсдорфа черезъ часъ не болѣе, а у меня было еще много времени въ запасѣ. Я долго сидѣлъ въ темномъ и скучномъ трактирѣ, совершенно одинъ, въ задней какой-то комнатѣ у большого {153} стола, и на стѣнѣ висѣла старая фотографія: группа мужчинъ въ сюртукахъ, съ закрученными усами, при чемъ кое-кто изъ переднихъ непринужденно опустил на одно колѣно, а двое даже прилегли по бокамъ, и это напоминало русскія студенческія фотографіи. Я выпилъ много воды съ лимономъ и все въ томъ

же до неприличія сонномъ настроеніи поѣхалъ дальше. Помню, что черезъ нѣкоторое время, у какого-то моста, я снова остановился: старая женщина въ синихъ шерстяныхъ штанахъ, съ мѣшкомъ за плечами, хлопотала надъ своимъ поврежденнымъ велосипедомъ. Я, не выходя изъ автомобиля, далъ ей нѣсколько совѣтовъ, совершенно впрочемъ непрошенныхъ и ненужныхъ, а потомъ замолчалъ и, опершись щекой о ладонь, а локтемъ о руль, долго и бессмысленно смотрѣлъ на нее, — она все возилась, возилась, но наконецъ я перемигнулъ, и оказалось, что никого уже нѣтъ, — она давно уѣхала. Я двинулся дальше, стараясь помножить въ умѣ два неуклюжихъ числа, неизвѣстно что означавшихъ и откуда выплывшихъ, но разъ они появились, нужно было ихъ сравнить, — и вотъ они сцѣпились и разсыпались. Вдругъ мнѣ показалось, что я ѣду съ бѣшеной скоростью, что машина прямо пожираетъ дорогу, какъ фокусникъ, поглощающій длинную ленту, — и тихо проходили мимо сосны, сосны, сосны. Еще помню: я встрѣтилъ двухъ школьниковъ, маленькихъ блѣдныхъ мальчиковъ, съ книжками, схваченными ремешкомъ, и поговорилъ съ ними; у нихъ были непріятныя птичьи фізіономіи, вродѣ какъ у воронятъ, и они какъ будто побаивались меня и, когда я отѣхалъ, долгое время глядѣли мнѣ вслѣдъ, разинувъ черные рты, — одинъ повыше, другой пониже. {154} И внезапно я очутился въ Кенигсдорфѣ, взглянулъ на часы и увидѣлъ, что уже пять. Проѣзжая мимо краснаго зданія станціи, я подумалъ, что можетъ быть Феликсъ запоздалъ почему-либо и еще не спускался вонъ по тѣмъ ступенямъ мимо того автомата съ шоколадомъ, — и что нѣтъ никакой возможности установить по внѣшнему виду приземистаго краснаго зданія, проходилъ ли онъ уже тутъ. Какъ бы тамъ ни было, поѣздъ, съ которымъ вѣрно было ему пріѣхать въ Кенигсдорфъ, прибывалъ въ безъ пяти три, — значитъ, если Феликсъ на него не опоздалъ...

Читатель, ему было сказано, выйти въ Кенигсдорфѣ и пойти на сѣверъ по шоссе до десятаго километра, до желтаго столба, — и вотъ теперь я во весь опоръ гналъ по тому шоссе, — незабываемая минута! Оно было пустынно. Автобусъ ходитъ тамъ зимой только дважды въ день, — утромъ и въ полдень, — на протяженіи этихъ десяти километровъ мнѣ навстрѣчу попалась только таратайка, запряженная пѣгой лошадыю. Наконецъ, вдали, желтымъ мизинцемъ выпрямился знакомый столбъ и увеличился, доросъ до естественныхъ своихъ размѣровъ, и на немъ была мурмолка снѣга. Я затормозилъ и оглядѣлся. Никого. Желтый столбъ былъ очень желтъ. Справа за полемъ театральная декорацией плоско сѣрѣлъ лѣсъ. Никого. Я вылѣзъ изъ автомобиля и со стукомъ сильнѣе всякаго выстрѣла захлопнулъ за собою дверцу. И вдругъ я

замѣтилъ, что изъ-за спутанныхъ прутьевъ куста, росшаго въ канавѣ, глядитъ на меня усатенькій, восковой, довольно веселый — —

Поставивъ одну ногу на подножку автомобиля и какъ разгнѣванный теноръ хлеща себя по рукѣ снятой {155} перчаткой, я неподвижнымъ взглядомъ уставился на Феликса. Неувѣренно ухмыляясь, онъ вышелъ изъ канавы.

«Ахъ ты, негодяй, — сказалъ я сквозь зубы съ необыкновенной, оперной силой. — Негодяй и мошенникъ, — повторилъ я уже полнымъ голосомъ, все яростнѣй хлеща себя перчаткой (въ оркестрѣ все громыхало промежъ взрывовъ моего голоса), — какъ ты смѣлъ, негодяй, разболтать? Какъ ты смѣлъ, какъ ты смѣлъ, у другихъ просить совѣтовъ, хвастать, что добился своего, что въ такой-то день на такомъ-то мѣстѣ... вѣдь тебя за это убить мало» — (грохотъ, бряцаніе и опять мой голосъ:) — «Многаго ты этимъ достигъ, идиотъ! Профѣршипилился, маху далъ, не видать тебѣ ни гроша, болтунъ!» — (кимвальная пощечина въ оркестрѣ).

Такъ я его ругалъ, съ холодной жадностью слѣдя за выраженіемъ его лица. Онъ былъ ошарашенъ, онъ былъ искренне обиженъ. Прижавъ руку къ груди, онъ качалъ головой. Отрывокъ изъ оперы кончился, и громковѣщатель заговорилъ обыкновеннымъ голосомъ.

«Ну ужъ ладно, браню тебя просто такъ, для проформы, на всякій случай... А видъ у тебя, дорогой мой, забавный, — прямо гримъ!»

По моему приказу онъ отпустилъ усы; они кажется были даже нафабрены; кромѣ того, уже по личному своему почину, онъ устроилъ себѣ по двѣ курчавыхъ котлетки. Эта претенціозная растительность меня чрезвычайно развеселила.

«Ты конечно пріѣхалъ тѣмъ путемъ, какъ я тебѣ велѣлъ?» — спросилъ я улыбаясь. {156}

Онъ отвѣтилъ:

«Да, какъ вы велѣли. А насчетъ того, чтобы болтать... — сами знаете, я несходчивъ и одинокъ».

«Знаю, и сокрушаюсь вмѣстѣ съ тобой, — сказалъ я. — А встрѣчные по дорогѣ были?»

«Если кто и проѣзжалъ, я прятался въ канаву, какъ вы велѣли».

«Ладно. Наружность твоя и такъ хорошо спрятана. Ну-съ, — нечего тутъ прохлаждаться. Садись въ автомобиль. Оставь, оставь, — потомъ мѣшокъ снимешь. Садись скорѣе, намъ нужно отъѣхать отсюда».

«Куда?» — любопытствовалъ онъ.

«Вонъ въ тотъ лѣсъ».

«Туда?» — спросилъ онъ и указалъ палкой.

«Да, именно туда. Сядешь ли ты когда-нибудь, чортъ тебя дери!»

Онъ съ удовольствіемъ разглядывалъ автомобиль. Неспѣша влѣзъ и сѣлъ рядомъ со мной.

Я повернулъ руль, медленно двинулись... ухъ! еще разъ: ухъ! (сѣхали на поле) — подъ колесами зашуршалъ мелкій снѣгъ и дряхлыя травы. Автомобиль подпрыгивалъ на кочкахъ, мы съ Феликсомъ — тоже. Онъ говорилъ:

«Я безъ труда съ нимъ справлюсь (гопъ). Я ужъ прокачусь (гопъ). Вы не бойтесь, я (гопъ-гопъ) его не попорчу».

«Да, автомобиль будетъ твой. На короткое время (гопъ) твой. Но ты, братъ, не зѣвай, посматривай кругомъ, никого нѣтъ на шоссе?»

Онъ обернулся и затѣмъ отрицательно мотнулъ головой. Мы вѣхали или вѣрнѣе вползли въ лѣсъ. {157} Кузовъ скрипѣлъ и ухалъ, хвойныя вѣтви мели по крыльямъ.

Углубившись немного въ боръ, остановились и вылѣзли. Уже безъ вождельнія неимущаго, а со спокойнымъ удовлетвореніемъ собственника, Феликсъ продолжалъ любоваться лаково-синей машиной. Его глаза подернулись поволокой задумчивости. Вполнѣ возможно, — замѣтите, я не утверждаю, а говорю: вполнѣ возможно, — вполнѣ возможно, что мысль его потекла приблизительно такъ: а что если улизнуть на этой штучкѣ? Вѣдь деньги я сейчасъ получу впередъ. Притворюсь, что все исполню, а на самомъ дѣлѣ укачу далеко. Вѣдь въ полицію онъ обратиться не можетъ, будетъ, значить, молчать. А я на собственной машинѣ... — —

Я прервалъ теченіе этихъ пріятныхъ думъ. «Ну что жъ, Феликсъ, великая минута наступила. Ты сейчасъ переодѣнешься и останешься съ автомобилемъ одинъ въ лѣсу. Черезъ полчаса стемнѣетъ, врядъ ли кто потревожитъ тебя. Проночуешь здѣсь, — у тебя будетъ мое пальто, — пощупай, какое оно плотное, — то-то же! — да и въ автомобилѣ тепло... выспишься, а какъ только начнетъ свѣтать — — впрочемъ, это потомъ, сперва давай я тебя приведу въ должный видъ, а то въ самомъ дѣлѣ стемнѣетъ. Тебѣ нужно прежде всего побриться».

«Побриться? — съ глупымъ удивленіемъ переспросилъ Феликсъ. — Какъ же такъ? Бритвы у меня съ собой нѣтъ, и я не знаю, чѣмъ можно бриться въ лѣсу, развѣ что камнемъ».

«Нѣтъ, зачѣмъ камнемъ; такого разгильдяя какъ ты слѣдуетъ брить топоромъ. Но я человѣкъ предусмотрительный, {158} все съ собой принесъ, и все самъ сдѣлаю».

«Смѣшно, право, — ухмыльнулся онъ. — Какъ же такъ будетъ. Вы меня еще бритвой того и гляди зарѣжете».

«Не бойся, дуракъ, — она безопасная. Ну, пожалуйста. Садись куда-нибудь, — вотъ сюда, на подножку, что-ли».

Онъ сѣлъ, скинувъ мѣшокъ. Я вытащилъ пакетъ и разложилъ на подножкѣ бритвенный приборъ, мыло, кисточку. Надо было торопиться: день осунулся, воздухъ становился все тусклѣе. И какая тишина... Тишина эта казалась врожденной тутъ, неотдѣлимой отъ этихъ неподвижныхъ вѣтвей, прямыхъ стволовъ, отъ слѣпыхъ пятенъ снѣга тамъ и сямъ на землѣ.

Я снялъ пальто, чтобы свободнѣе было оперировать. Феликсъ съ любопытствомъ разглядывалъ блестящіе зубчики бритвы, серебристый стерженекъ. Затѣмъ онъ осмотрѣлъ кисточку, приложилъ ее даже къ щекѣ, испытывая ее мягкость, — она дѣйствительно была очень пушиста, стоила семнадцать пятьдесятъ. Очень заинтересовала его и тубочка съ дорогой мыльной пастой.

«Итакъ, приступимъ, — сказалъ я. — Стрижка-брижка. Садись, пожалуйста, бокомъ, а то мнѣ негдѣ примоститься».

Набравъ въ ладонь снѣгу, я выдавилъ туда вьющійся червякъ мыла, размѣсилъ кисточкой и ледяной пѣной смазалъ ему бачки и усы. Онъ морщился, ухмылялся, — опушка мыла захватила ноздрю, — онъ крутилъ носомъ, — было щекотно.

«Откинься, — сказалъ я, — еще». {159}

Неудобно упираясь колѣномъ въ подножку, я сталъ сбривать ему бачки, — волоски трещали, отвратительно мѣшались съ пѣной; я слегка его порѣзалъ, пѣна окрасилась кровью. Когда я принялся за усы, онъ зажмурился, но храбро молчалъ, — а было должно быть не очень пріятно, — я спѣшилъ, волосъ былъ жесткій, бритва дергала.

«Платокъ у тебя есть?» — спросилъ я.

Онъ вынулъ изъ кармана какую-то тряпку. Я тщательно стеръ съ его лица кровь, снѣгъ и мыло. Щеки у него блестѣли какъ новыя. Онъ былъ выбритъ на славу, только возлѣ уха краснѣла царапина съ почернѣвшимъ уже рубинчикомъ на краю. Онъ провелъ ладонью по бритымъ мѣстамъ.

«Постой, — сказалъ я. — Это не все. Нужно подправить брови, — онѣ у тебя гуще моихъ».

Я взялъ ножницы и очень осторожно отхватилъ нѣсколько волосковъ.

«Вотъ теперь отлично. А причешу я тебя, когда смѣнишь рубашку».

«Вашу дадите?» — спросилъ онъ и безцеремонно пощупалъ мою шелковую грудь.

«Э, да у тебя ногти не первой чистоты!» — воскликнулъ я весело.

Я не разъ дѣлалъ маникюръ Лидѣ и теперь безъ особаго труда привелъ эти десять грубыхъ ногтей въ порядокъ, — причемъ все сравни-

валь его руки съ моими, — онѣ были крупнѣе и темнѣе, — но ничего, со временемъ поблѣднѣютъ. Кольца обручальнаго не ношу, такъ что пришлось нацѣпить на его руку всего только часики. Онѣ шевелилъ пальцами, поворачивалъ, такъ и сякъ кисть, очень довольный. {160}

«Теперь живо. Переодѣнемся. Сними все съ себя, дружокъ, до послѣдней нитки».

Феликсъ крикнулъ: холодно будетъ. «Ничего. Это одна минута. Ну-съ, поторапливайся». Осклабясь, онѣ скинулъ свой куцый пиджакъ, снялъ черезъ голову мохнатую темную фуфайку. Рубашка подъ ней была болотно-зеленая, съ галстукомъ изъ той же матеріи. Затѣмъ онѣ разулся, сдернулъ заштопанные мужской рукой носки и жизнерадостно екнулъ, прикоснувшись босою ступней къ зимней землѣ. Простой человѣкъ любитъ ходить босикомъ: лѣтомъ, на травкѣ, онѣ первымъ дѣломъ разувается, но даже и зимой пріятно, — напоминаетъ, можетъ быть, дѣтство или что-нибудь такое.

Я стоялъ поодаль, развязывая галстукъ, и внимательно смотрѣлъ на Феликса.

«Ну, дальше, дальше!» крикнулъ я, замѣтивъ, что онѣ замѣшкался.

Онѣ не безъ стыдливой ужимки спустилъ штаны съ бѣлыхъ, безволосыхъ ляжекъ. Освободился и отъ рубашки. Въ зимнемъ лѣсу стоялъ передо мной голый человѣкъ.

Необычайно быстро, съ легкой стремительностью нѣкоего Фреголи, я раздѣлся, кинулъ ему верхнюю оболочку моего бѣлья, — пока онѣ ее надѣвалъ, ловко вынулъ изъ снятаго съ себя костюма деньги и еще кое-что и спряталъ это въ карманы непривычно-узкихъ штановъ, которые на себя съ виртуозной живостью натянулъ. Его фуфайка оказалась довольно теплой, а пиджакъ былъ мнѣ почти по мѣркѣ: я похудѣлъ за послѣднее время.

Феликсъ между тѣмъ нарядился въ мое розовое {161} бѣлье, но былъ еще босъ. Я далъ ему носки, подвязки, но тутъ замѣтилъ, что и ноги его требуютъ отдѣлки. Онѣ поставилъ ступню на подножку автомобиля, и мы занялись торопливымъ педикюромъ. Боюсь, что онѣ успѣлъ простудиться — въ одномъ нижнемъ бѣльѣ. Потомъ онѣ вымылъ ноги снѣгомъ, какъ это сдѣлалъ кто-то у Мопассана, и съ понятнымъ наслажденіемъ надѣлъ носки.

«Торопись, торопись, — приговаривалъ я. — Сейчасъ стемнѣетъ, да и мнѣ пора уходить. Смотри, я уже готовъ, — ну и башмачища у тебя. А гдѣ фуражка? А, вижу, спасибо».

Онѣ туго затянулъ ремень штановъ. Съ трудомъ влѣзъ въ мои черные шевровые полуботинки. Я помогъ ему справиться съ гетрами и

повязать сиреневый галстукъ. Наконецъ, при помощи его грязнаго гребешка, я зачесалъ назадъ со лба и съ висковъ его жирные волосы.

Теперь онъ былъ готовъ. Онъ стоялъ передо мной, мой двойникъ, въ моемъ солидномъ темно-сѣромъ костюмѣ, разглядывалъ себя съ глупой улыбкой; обслѣдовалъ карманы; квитанціи и портсигаръ положилъ обратно, но бумажникъ раскрылъ. Онъ былъ пустъ.

«Вы мнѣ общали впередъ», — заискивающимъ тономъ сказалъ Феликсъ.

«Да, конечно, — отвѣтилъ я, вынувъ руку изъ кармана штановъ и разжавъ кулакъ съ ассигнаціями. — Вотъ они. Сейчасъ отсчитаю и дамъ тебѣ. Башмаки не жмутъ?»

«Жмутъ, — сказалъ онъ. — Здорово жмутъ. Но ужъ какъ-нибудь вытерплю. На ночь я ихъ пожалуй {162} сниму. А куда же мнѣ завтра двинуться съ машиной?»

«Сейчасъ, сейчасъ... все объясню. Тутъ надо прибрать, — вишь, разбросалъ свою рвань. Что у тебя въ мѣшкѣ?»

«Я какъ улитка. У меня домъ на спинѣ! — сказалъ Феликсъ. — Съ собой мѣшокъ возьмете? Въ немъ есть колбаса, — хотите?»

«Тамъ будетъ видно. Засунь-ка туда всѣ эти вещи. Эту тряпку тоже. И ножницы. Такъ. Теперь надѣвай пальто, и давай въ послѣдній разъ провѣримъ, можешь ли ты сойти за меня».

«Вы не забудете деньги?» — поинтересовался онъ.

«Да нѣтъ же. Вотъ оболтусъ. Сейчасъ рассчитаемся. Деньги у меня здѣсь, въ твоемъ бывшемъ карманѣ. Поторопись, пожалуйста».

Онъ облачился въ мое чудное бежевое пальто, осторожно надѣлъ элегантную шляпу. Послѣдній штрихъ — желтыя перчатки.

«Такъ-съ. Пройдись-ка нѣсколько шаговъ. Посмотримъ, какъ на тебѣ все это сидитъ».

Онъ пошелъ мнѣ навстрѣчу, то сунувъ руки въ карманы, то вынимая ихъ опять.

Близко подойдя ко мнѣ, расправилъ плечи, ломаясь, прикидываясь фатомъ.

«Все-ли, все-ли? — говорилъ я вслухъ. — Погоди, дай мнѣ хорошенько... Да, какъ будто все... Теперь повернись. Я хочу видѣть, какъ сзади...»

Онъ повернулся, и я выстрѣлилъ ему въ спину.

Я помню разные вещи: я помню, какъ въ воздухѣ повисъ дымокъ, далъ прозрачную складку и разсѣялся; помню какъ Феликсъ упалъ, — онъ упалъ несразу, {163} сперва закончилъ движеніе, еще относившееся къ жизни, — а именно почти полный поворотъ, — хотѣлъ вѣроятно въ шутку повертѣться передо мной, какъ передъ зеркаломъ, — и вотъ,

по инерціи доканчивая эту жалкую шутку, онъ, уже насквозь пробитый, ко мнѣ обратился лицомъ, медленно растопырилъ руку, будто спрашивая: что это? — и не получивъ отвѣта, медленно повалился навзничь. Да, все это я помню, — помню: — шурша на снѣгу, онъ началъ кобелиться, какъ если бъ ему было тѣсно въ новыхъ одеждахъ; вскорѣ, онъ замеръ, и тогда стало чувствительно вращеніе земли, и только шляпа тихо отдѣлилась отъ его темени и упала назадъ, разинувшись, словно за него прощаясь, — или вродѣ того, какъ пишутъ: присутствовавшіе обнажили головы. Да, все это я помню, но только не помню одного: звука выстрѣла. Зато остался у меня въ ушахъ неотвязный звонъ. Онъ обволакивалъ меня, онъ дрожалъ на губахъ. Сквозь этотъ звонъ я подошелъ къ трупу и жадно взглянулъ.

Таинственное мгновеніе. Какъ писатель, тысячу разъ перечитывающій свой трудъ, провѣряющій, испытывающій каждое слово, уже не знаетъ, хорошо ли, ибо слишкомъ все примелькалось, такъ и я, такъ и я. — Но есть тайная увѣренность творца, она непогрѣшима. Теперь, когда въ полной неподвижности застыли черты, сходство было такое, что право я не зналъ, кто убить — я или онъ. И пока я смотрѣлъ, въ ровно звенѣвшемъ лѣсу потемнѣло, — и, глядя на расплывшееся, все тише звенѣвшее лицо передо мной, мнѣ казалось, что я гляжусь въ недвижную воду.

Боясь испачкаться, я не прикоснулся къ тѣлу; не провѣрилъ, дѣйствительно ли оно совсѣмъ, совсѣмъ {164} мертвое; я чутьемъ зналъ, что это такъ, что пуля моя скользнула какъ разъ по короткой воздушной колеѣ, проложенной волей и взглядомъ. Торопиться, торопиться, — кричалъ Иванъ Ивановичъ, надѣвая штаны въ рукава. Не будемъ ему подражать. Я быстро, но зорко осмотрѣлся, Феликсъ все, кромѣ пистолета, убралъ въ мѣшокъ самъ, но у меня хватило самообладанія посмотреть, не выронилъ ли онъ чего-нибудь, — и даже обмахнуть подножку, гдѣ стригъ ему ногти. Затѣмъ я выполнилъ кое-что давно замышленное, а именно: выкатилъ автомобиль къ самой опушкѣ, съ расчетомъ, что его утромъ увидятъ съ дороги и по нему найдутъ мое тѣло.

Стремительно надвигалась ночь. Звонъ въ ушахъ почти смолкъ. Я углубился въ лѣсъ, прошелъ опять недалеко отъ трупа, но уже не остановился, только подхватилъ рюкзакъ, и шагая скоро, увѣренно, не чувствуя пудовыхъ башмаковъ на ногахъ, обогнулъ озеро и все лѣсомъ, лѣсомъ, въ призрачномъ сумракѣ, въ призрачныхъ снѣгахъ... но какъ хорошо я зналъ направленіе, какъ правильно, какъ живо я представлялъ себѣ все это еще тогда, лѣтомъ, когда изучалъ тропы, ведущія въ Айхенбергъ!

Я пришелъ на станцію во время. Черезъ десять минутъ услужливымъ привидѣніемъ явился нужный мнѣ поѣздъ. Половину ночи я ѣхалъ въ гроыхающемъ, валкомъ вагонѣ на твердой скамейкѣ, и рядомъ со мной двое пожилыхъ мужчинъ играли въ карты, — и карты были необыкновенныя, — большія, красно-зеленыя, съ желудями. За-полночь была пересадка; еще два часа ѣзды — уже на западъ, — а утромъ я пересѣлъ въ скорый. Только тогда, въ уборной, я осмотрѣлъ содержимое {165} мѣшка. Въ немъ кромѣ сунутаго давеча, было немного бѣлья, кусокъ колбасы, три большихъ изумрудныхъ яблока, подошва, пять марокъ въ дамскомъ кошелькѣ, паспортъ и мои къ Феликсу письма. Яблоки и колбасу я тутъ же въ уборной съѣлъ, письма положилъ въ карманъ, паспортъ осмотрѣлъ съ живѣйшимъ интересомъ. Странное дѣло, — Феликсъ на снимкѣ былъ не такъ ужъ похожъ на меня, — конечно, это безъ труда могло сойти за мою фотографію, — но все-таки мнѣ было странно, — и тутъ я подумалъ: вотъ настоящая причина тому, что онъ мало чувствовалъ наше сходство; онъ видѣлъ себя такимъ, какимъ былъ на снимкѣ или въ зеркалѣ, то-есть какъ бы справа налѣво, не такъ, какъ въ дѣйствительности. Людская глупость, ненаблюдательность, небрежность, — все это выражалось въ томъ, между прочимъ, что даже опредѣленія въ краткомъ перечнѣ его чертъ несовсѣмъ соотвѣтствовали эпитетамъ въ собственномъ моемъ паспортѣ, оставленномъ дома. Это пустякъ, но пустякъ характерный. А въ рубрикѣ профессіи онъ, этотъ олухъ, игравшій на скрипкѣ вѣроятно такъ, какъ въ Россіи играли на гитарахъ лѣтнимъ вечеромъ лакеи, былъ названъ «музыкантомъ», — что сразу превращало въ музыканта и меня. Вечеромъ, въ пограничномъ городкѣ, я купилъ себѣ чемоданъ, пальто и такъ далѣе, а мѣшокъ съ его вещами и моимъ браунингомъ, — нѣтъ, не скажу, что я съ ними сдѣлалъ, какъ спряталъ: молчите, рейнскія воды. И уже одиннадцатаго марта очень небритый господинъ въ черномъ пальтишкѣ былъ заграницей. {166}

ГЛАВА X.

Я съ дѣтства люблю фіалки и музыку. Я родился въ Цвикау. Мой отецъ былъ сапожникъ, мать — прачка. Когда сердилась, то шипѣла на меня по-чешски. У меня было смутное и невеселое дѣтство. Едва возмужавъ, я забродяжничалъ. Игралъ на скрипкѣ. Я лѣвшя. Лицо овальное. Женщинъ я всегда чуждался: нѣтъ такой, которая бы не измѣнила. На войнѣ было довольно погано, но война прошла, какъ все проходитъ. У всякой мыши есть свой домъ... Я люблю бѣлокъ и воробьевъ. Пиво въ

Чехии дешевле. О, если бы можно было подковать себя ноги в кузнице, — какая экономия! Министры все подкуплены, а поэзия это ерунда. Однажды на ярмарке я видел двух близнецов, — предлагали приз тому, кто их различит, рыжий Фриц дал одному в ухо, оно покраснело, — вот примета! Как мы смѣялись... Побои, воровство, убийство, — все это дурно или хорошо, смотря по обстоятельствам. Я присваивал деньги, если они попадались под руку: что взял — твое, ни своих, ни чужих денег не бывает, на гроше не написано: принадлежит Мюллеру. Я люблю деньги. Я всегда хотел найти верного друга, мы бы с ним музицировали, он бы в наследство мне оставил дом и цветник. Деньги, милые деньги. Милые маленькия деньги. Милые большія деньги. Я ходил по дорогам, там и сям работал. Однажды мне попался франтъ, утверждавший, что похож на меня. Глупости, он не был похож. Но я с ним не спорил ибо он был богат, и всякій, кто с богачем знается, может и сам разбогатеть. Он хотел, чтобы я вместо него {167} прокатился, а тем временем он бы обдѣлал свои шахермахерскія дѣла. Этого шутника я убил и ограбил. Он лежит в лѣсу. Лежит в лѣсу, кругом снег, каркают вороны, прыгают бѣлки. Я люблю бѣлок. Бѣдный господин в хорошем пальто лежит мертвый, недалеко от своего автомобиля. Я умѣю править автомобилем. Я люблю фиалки и музыку. Я родился в Цвикау. Мой отец был лысый сапожник в очках, мать — краснорукая прачка. Когда она сердилась — —

И опять все сначала, с новыми нелѣпыми подробностями. Так укрѣпившееся отраженіе предъявляло свои права. Не я искалъ убежища в чужой стране, не я обрастал бородой, а Феликс, убившій меня. О, если бы я хорошо его знал, знал близко и давно, мне было бы даже забавно новоселье в душѣ, унаследованной мною. Я знал бы все ея углы, все коридоры ея прошлаго, пользовался бы всеми ея удобствами. Но душу Феликса я изучил весьма поверхностно, — знал только схему его личности, двѣ-три случайных черты.

Съ этими неприятными ощущеніями я кое-как справился. Трудновато было забыть, наприкладъ, податливость этого большого мягкого истукана, когда я готовил его для казни. Эти холодныя послушныя лапы. Дико вспомнить, как он слушался меня! Ноготь на большом пальце ноги был так крѣпокъ, что ножницы несразу могли его взять, он завернулся на лезвие, как жестъ консервной банки на ключ. Неужто воля человека так могуча, что можетъ обратить другого в куклу? Неужто я действительно брилъ его? Удивительно! Главное, что мучило меня в этомъ воспоминаніи, {168} была покорность Феликса, нелѣпый, безмозглый автоматизмъ его покорности. Но повторяю, я съ

этимъ справился. Хуже было то, что я никакъ не могъ привыкнуть къ зеркаламъ. И бороду я сталъ отращивать не столько, чтобы скрыться отъ другихъ, сколько — отъ себя. Ужасная вещь — повышенное воображеніе. Вполнѣ понятно, что человѣкъ, какъ я надѣленный такой обостренной чувствительностью, мучимъ пустяками, — отраженіемъ въ темномъ стеклѣ, собственной тѣнью, павшей убитой къ его ногамъ ундъ зо вайтеръ. Стопъ, господа, — поднимаю огромную бѣлую ладонь, какъ полицейскій, стопъ! Никакихъ, господа, сочувственныхъ вздоховъ. Стопъ, жалость. Я не принимаю вашего соболѣзнованія, — а среди васъ навѣрное найдутся такіе, что пожалѣютъ меня, — непонятаго поэта. «Дымъ, туманъ, струна дрожить въ туманѣ». Это не стишокъ, это изъ романа Достоевскаго «Кровь и Слюни». Пардонъ, «Шульдъ ундъ Зюне». О какомъ-либо раскаяніи не можетъ быть никакой рѣчи, — художникъ не чувствуетъ раскаянія, даже если его произведенія не понимаютъ. Что же касается страховыхъ тысячъ — —

Знаю, знаю, — оплошно съ беллетристической точки зрѣнія, что въ теченіе всей моей повѣсти (насколько я помню) почти не удѣлено вниманія главному какъ-будто двигателю моему, а именно корысти. Какъ же это я даже толкомъ и не упомянулъ о томъ, на что мертвый двойникъ былъ мнѣ нуженъ? Но тутъ меня беретъ сомнѣніе, ужъ такъ ли дѣйствительно владѣла мною корысть, ужъ такъ ли мнѣ было важно получить эту довольно двусмысленную сумму (цѣна человѣка въ денежныхъ знакахъ, сильное вознагражденіе за {169} исчезновеніе со свѣта), — или напротивъ память моя, пишущая за меня, не могла иначе поступить, не могла — будучи до конца правдивой — придать особое значеніе разговору въ кабинетѣ у Орловіуса (не помню, описалъ ли я этотъ кабинетъ).

И еще я хочу вотъ что сказать о посмертныхъ моихъ настроеніяхъ: хотя въ душѣ-то я не сомнѣвался, что мое произведеніе мнѣ удалось въ совершенствѣ, т. е. что въ черно-бѣломъ лѣсу лежитъ мертвецъ, въ совершенствѣ на меня похожій, — я, гениальный новичекъ, еще не вкусившій славы, столь же самолюбивый, сколь взыскательный къ себѣ, мучительно жаждалъ, чтобы скорѣе это мое произведеніе, законченное и подписанное девятаго марта въ глухомъ лѣсу, было оцѣнено людьми, чтобы обманъ — а всякое произведеніе искусства обманъ — удался; авторскія же, платимыя страховымъ обществомъ, были въ моемъ сознаніи дѣломъ второстепеннымъ. О да, я былъ художникъ безкорыстный.

Что пройдетъ, то будетъ мило. Въ одинъ прекрасный день наконецъ пріѣхала ко мнѣ за границу Лида. Я зашелъ къ ней въ гостиницу, «тише», сказалъ я внушительно, когда она бросилась ко мнѣ въ объятія,

«помни, что меня зовутъ Феликсомъ, что я просто твой знакомый». Трауръ ей очень шелъ, какъ впрочемъ и мнѣ шелъ черный артистическій бантъ и каштановая борода. Она стала рассказывать, — да, все произошло такъ, какъ я предполагалъ, ни одной заминки. Оказывается, она искренне плакала въ крематоріи, когда пасторъ съ профессиональными рыданіями въ голосѣ говорилъ обо мнѣ: «И *этотъ* человекъ, *этотъ* благородный человекъ, который — —» Я повѣдалъ ей {170} мои дальнѣйшіе планы и очень скоро сталъ за ней ухаживать.

Теперь я женился на ней, на вдовушкѣ, живемъ съ ней въ тихомъ живописномъ мѣстѣ, обзавелись домикомъ, часами сидимъ въ миртовомъ садикѣ, откуда видъ на сафирный заливъ далеко внизу, и очень часто вспоминаемъ моего бѣднаго брата. Я рассказываю все новые эпизоды изъ его жизни. «Что-жъ — судьба!» — говоритъ Лида со вздохомъ, — «по крайней мѣрѣ онъ въ небесахъ утѣшенъ тѣмъ, что мы счастливы».

Да, Лида счастлива со мной, никого ей не нужно. «Какъ я рада», — порою говоритъ она, — «что мы навсегда избавились отъ Ардаліона. Я очень жалѣла его, много съ нимъ возилась, но какъ человекъ онъ былъ невыносимъ. Гдѣ-то онъ сейчасъ? Вѣроятно совсѣмъ спился, бѣдняга. Это тоже судьба!»

По утрамъ я читаю и пишу, — кое-что можетъ быть скоро издамъ подъ новымъ своимъ именемъ; русскій литераторъ, живущій по-близости, очень хвалитъ мой слогъ, яркость воображенія.

Изрѣдка Лида получаетъ вѣсточку отъ Орловіуса, поздравленіе къ Новому Году, на примѣръ; онъ неизмѣнно проситъ ее кланяться супругу, котораго не имѣетъ чести знать, а самъ думаетъ вѣроятно: «Быстро, быстро утѣшилась вдовушка... Бѣдный Германъ Карловичъ!»

Чувствуете тонъ этого эпилога? Онъ составленъ по классическому рецепту. О каждомъ изъ героевъ повѣсти кое-что сообщается на послѣдокъ, — при чемъ ихъ житье-бытье остается въ правильномъ, хотя и суммарномъ соотвѣтствіи съ прежде выведенными характерами {171} ихъ, — и допускается нѣкоторой юморъ, намеки на консервативность жизни.

Лида все такъ же забывчива и неаккуратна...

А ужъ къ самому концу эпилога приберегается особенно добродушная черта, относящаяся иногда къ предмету незначительному, мелькнувшему въ романѣ только вскользь: на стѣнѣ у нихъ виситъ все тотъ же пастельный портретъ, и Германъ, глядя на него, все такъ же смѣется и бранится.

Финисъ.

Мечты, мечты... И довольно притомъ прѣсныя. Очень мнѣ это все нужно...

Вернемся къ нашему разсказу. Попробуемъ держать себя въ рукахъ. Опустимъ нѣкоторыя детали путешествія. Помню, прибывъ двѣнадцатаго въ городъ Иксъ (продолжаю называть его Иксомъ изъ понятной застѣнчивости), я прежде всего пошелъ на поиски нѣмецкихъ газетъ; кое-какія нашелъ, но въ нихъ еще не было ничего. Я снялъ комнату въ гостиницѣ второго разряда, — огромную, съ каменнымъ поломъ и картонными на видъ стѣнами, на которыхъ словно была нарисована рыжеватая дверь въ сосѣдній номеръ и гуашевое зеркало. Было ужасно холодно, но открытый очагъ бутафорскаго камина былъ неприспособленъ для топки, и когда сгорѣли щепки, принесенныя горничной, стало еще холоднѣе. Я провелъ тамъ ночь, полную самыхъ неправдоподобныхъ, изнурительныхъ видѣній, — и когда утромъ, весь колючій и липкій, вышелъ въ переулокъ, вдохнулъ приторные запахи, увидѣлъ южную базарную суету, то почувствовалъ, что въ самомъ городѣ оставаться не въ силахъ. Дрожа отъ {172} озноба, оглушенный тѣснымъ уличнымъ гвалтомъ, я направился въ бюро для туристовъ, тамъ болтливый мужчина далъ мнѣ нѣсколько адресовъ: я искалъ мѣсто уютное, уединенное, и когда подвечеръ лѣтний автобусъ доставилъ меня по выбранному адресу, я подумалъ, что такое мѣсто нашелъ.

Особнякомъ среди пробковыхъ дубовъ стояла приличная свиду гостиница, наполовину еще закрытая (сезонъ начинался только лѣтомъ). Испанскій вѣтеръ трепалъ въ саду цыплячій пухъ мимозъ. Въ павильонѣ вродѣ часовни билъ ключъ цѣлебной воды, и висѣли паутины въ углахъ темногранатовыхъ оконъ. Жителей было немного. Былъ докторъ, душа гостиницы и король табльдота, — онъ сидѣлъ во главѣ стола и разглагольствовалъ; былъ горбоносый старикъ въ люстриновомъ пиджакѣ, издававшій бессмысленное хрюканіе, когда съ легкимъ топотомъ быстрая горничная обносила насъ форелью, выловленной имъ изъ сосѣдней рѣчки; была вульгарная молодая чета, пріѣхавшая въ это мертвое мѣсто съ Мадагаскара; была старушка въ кисейномъ воротничкѣ, школьная инспектриса; былъ ювелиръ съ большою семьей; была манерная дамочка, которая сперва оказалась виконтессой, потомъ контессой, а теперь, ко времени, когда я это пишу, превратилась стараніями доктора, дѣлающаго все, чтобы повысить репутацію гостиницы, въ маркизу; былъ еще унылый комивояжеръ изъ Парижа, представитель патентованной ветчины; былъ, наконецъ, хамоватый жирный аббатъ, все толковавшій о красотѣ какого-то монастыря по-близости и при этомъ, для пушней выразительности, срывавшій съ губъ, сложенныхъ мясистымъ сердечкомъ, воздушный {173} поцѣлуй. Вотъ кажется и весь

паноптикумъ. Жукообразный жеранъ стоялъ у дверей, заложивъ руки за спину, и слѣдилъ исподлобья за церемоніаломъ обѣда. На дворѣ бушевалъ сильный вѣтеръ.

Новыя впечатлѣнія подѣйствовали на меня благотворно. Кормили неплохо. У меня былъ свѣтлый номеръ, и я съ интересомъ смотрѣлъ въ окно на то, какъ вѣтеръ грубо приподымаетъ и отворачиваетъ исподнюю листву маслинъ. Вдали лиловато-бѣлымъ конусомъ выдѣлялась на безпощадной синевѣ гора, похожая на Фузіяму. Выходилъ я мало, — меня пугалъ этотъ безпрестанный, все сокрушающій, слѣпящій, наполняющій гуломъ голову, мартовскій вѣтеръ, убійственный горный сквознякъ. На второй день я все же поѣхалъ въ городъ за газетами, и опять ничего не было, и такъ какъ это невыносимо раздражало меня, то я рѣшилъ нѣсколько дней выждать.

За табльдотомъ я кажется прослылъ нелюдимомъ, хотя старательно отвѣчалъ на всѣ вопросы, обращенные ко мнѣ. Тщетно докторъ приставалъ ко мнѣ, чтобы я по вечерамъ приходилъ въ салонъ — душную комнатку съ разстроеннымъ піанино, плюшевой мебелью и проспектами на кругломъ столѣ. У доктора была козлиная бородка, слезящіеся голубые глаза и брюшко. Онъ ѣлъ дѣловито и неаппетитно. Онъ желтый зракъ яичницы ловко поддѣвалъ кускомъ хлѣба и цѣликомъ съ сочнымъ присвистомъ отправлялъ въ ротъ. Косточки отъ жаркого онъ жирными отъ соуса пальцами собиралъ съ чужихъ тарелокъ, кое-какъ заворачивалъ и клалъ въ карманъ просторнаго пиджака, и при этомъ разыгрывалъ оригинала: это, молъ, для бѣдныхъ собакъ, животныя бываютъ лучше людей, — утвержденіе, {174} вызывавшее за столомъ (длящіеся до сихъ поръ) страстные споры, особенно горячился аббатъ. Узнавъ что я нѣмецъ и музыкантъ, докторъ страшно мною заинтересовался и, судя по взглядамъ отовсюду обращеннымъ на меня, я заключилъ, что не столько обросшее мое лицо привлекаетъ вниманіе, сколько національность моя и профессія, при чемъ и въ томъ и въ другомъ докторъ усматривалъ нѣчто несомнѣнно благопріятное для престижа отеля. Онъ ловилъ меня на лѣстницѣ, въ длинныхъ бѣлыхъ коридорахъ, и заводилъ безконечный разговоръ, обсуждалъ соціальные недостатки представителя ветчины или религіозную нетерпимость аббата. Все это становилось немного мнѣ въ тягость, но по крайней мѣрѣ развлекало меня. Какъ только наступала ночь, и по комнатѣ начинали раскачиваться тѣни листвы, освѣщенной на дворѣ одинокимъ фонаремъ, — у меня наполнялась бесплоднымъ и ужаснымъ смятеніемъ моя просторная, моя нежилая душа. О нѣтъ, мертвецовъ я не боюсь, какъ не боюсь сломанныхъ, разбитыхъ вещей, чего ихъ бояться! Боялся я, въ этомъ невѣрномъ мірѣ отраженій, не выдержать, не дожить до какой-то необыкновенной, ликую-

щей, все разрѣшающей минуты, до которой слѣдовало дожить непремѣнно, минуты творческаго торжества, гордости, избавленія, блаженства.

На шестой день моего пребыванія вѣтеръ усилился до того, что гостиница стала напоминать судно среди бурнаго моря, стекла гудѣли, трещали стѣны, тяжкая листва съ шумомъ пятилась и разбѣжавшись осаждала домъ. Я вышелъ было въ садъ, но сразу согнулся вдвое, чудомъ удержалъ шляпу и вернулся къ себѣ. {175} Задумавшись у окна среди волнующагося гула, я не слышалъ гонга и, когда сошелъ внизъ къ завтраку и занялъ свое мѣсто, уже подавалось жаркое — мохнатые потроха подъ томатовымъ соусомъ — любимое блюдо доктора. Сначала я не вслушивался въ общій разговоръ, умѣло имъ руководимый, но внезапно замѣтилъ, что всѣ смотрятъ на меня.

«А вы что по этому поводу думаете?» — обратился ко мнѣ докторъ.

«По какому поводу?» — спросилъ я.

«Мы говорили, — сказалъ докторъ, — объ этомъ убійствѣ у васъ въ Германіи. Какимъ нужно быть монстромъ, — продолжалъ онъ, чувствуя интересный споръ, — чтобы застраховать свою жизнь, убить другого — —».

Не знаю, что со мной случилось, но вдругъ я поднялъ руку и сказалъ: «Послушайте, остановитесь...» и той же рукой, но сжавъ кулакъ, ударилъ по столу, такъ что подпрыгнуло кольцо отъ салфетки, и закричалъ, не узнавая своего голоса: «Остановитесь, остановитесь! Какъ вы смѣете, какое вы имѣете право? Оскорбленіе! Я не допущу! Какъ вы смѣете — о моей странѣ, о моемъ народѣ... Замолчать! Замолчать! — кричалъ я все громче. — Вы... Смѣть говорить мнѣ, мнѣ, въ лицо, что въ Германіи... Замолчать!...»

Впрочемъ всѣ молчали уже давно — съ тѣхъ поръ, какъ отъ удара моего кулака покатилося кольцо. Оно докатилось до конца стола, и тамъ его осторожно прихлопнулъ младшій сынъ ювелира. Тишина была исключительно хорошаго качества. Даже вѣтеръ пересталъ, кажется, гудѣть. Докторъ, держа въ рукахъ {176} вилку и ножъ, замеръ; на лбу у него замерла муха. У меня заскочило что-то въ горлѣ, я бросилъ на столъ салфетку и вышелъ, чувствуя, какъ всѣ лица автоматически поворачиваются по мѣрѣ моего прохожденія.

Въ холлѣ я на ходу сгребъ со стола открытую газету, поднялся по лѣстницѣ и, очутившись у себя въ номерѣ, сѣлъ на кровать. Я весь дрожалъ, подступали рыданія, меня сотрясала ярость, рука была загажена томатовымъ соусомъ. Принимаясь за газету, я еще успѣлъ подумать: навѣрное — совпаденіе, ничего не случилось, не стануть французы

этимъ интересоваться, — но тутъ мелькнуло у меня въ глазахъ мое имя, прежнее мое имя...

Не помню въ точности, что я вычиталъ какъ разъ изъ той газеты — газетъ я съ тѣхъ поръ прочелъ немало, и онѣ у меня нѣсколько спутались, — гдѣ-то сейчасъ валяются здѣсь, но мнѣ некогда разбирать. Помню, однако, что сразу понялъ двѣ вещи: знаютъ, кто убилъ, и не знаютъ, кто жертва. Сообщение исходило не отъ собственного корреспондента, а было просто короткой перепечаткой изъ берлинскихъ газетъ, и очень это подавалось небрежно и нагло, между политическимъ столкновениемъ и попугайной болѣзнью. Тонъ былъ неслыханный, — онъ настолько былъ неприемлемъ и непозволителенъ по отношенію ко мнѣ, что я даже подумалъ, не идетъ ли рѣчь объ однофамильцѣ, — такимъ тономъ пишутъ о какомъ-нибудь полуидіотѣ, вырѣзавшемъ цѣлую семью. Теперь я впрочемъ догадываюсь, что это была уловка международной полиціи, попытка меня напугать, сбить съ толку, но въ ту минуту я былъ внѣ себя, и какимъ-то пятнистымъ взглядомъ попадалъ то въ одно мѣсто столбца, то въ {177} другое, — когда вдругъ раздался сильный стукъ. Бросилъ газету подъ кровать и сказалъ: «Войдите!» Вошелъ докторъ. Онъ что-то дожевывалъ. «Послушайте, — сказалъ онъ, едва переступивъ порогъ, — тутъ какая-то ошибка, вы меня невѣрно поняли. Я бы очень хотѣлъ — —»

«Вонъ, — заоралъ я, — моментально вонъ». Онъ измѣнился въ лицѣ и вышелъ, не затворивъ двери. Я вскочилъ и съ невѣроятнымъ грохотомъ ее захлопнулъ. Вытащилъ изъ-подъ кровати газету, — но уже не могъ найти въ ней то, что читалъ только-что. Я ее просмотрѣлъ всю: ничего! Неужели мнѣ приснилось? Я сызнова началъ ее просматривать, — это было какъ въ кошмарѣ, — теряется, и нельзя найти, и нѣтъ тѣхъ природныхъ законовъ, которые вносятъ нѣкоторую логику въ поиски, — а все безобразно и бессмысленно произвольно. Нѣтъ, ничего въ газетѣ не было. Ни слова. Должно-быть я былъ страшно возбужденъ и безтолковъ, ибо только черезъ нѣсколько секундъ замѣтилъ, что газета старая, нѣмецкая, а не парижская, которую только-что держалъ. Заглянувъ опять подъ кровать, я вытащилъ нужную и перечелъ плоское и даже пашквильное извѣстіе. Мнѣ вдругъ стало ясно, что именно больше всего поражало, оскорбительно поражало, меня: ни звука о сходствѣ, — сходство не только не оцѣнивалось (ну, сказали бы, по крайней мѣрѣ: да, — превосходное сходство, но все-таки по тѣмъ-то и тѣмъ-то примѣтамъ это не онъ), но вообще не упоминалось вовсе, — выходило такъ, что это человѣкъ совершенно другого вида, чѣмъ я, а между тѣмъ, не могъ же онъ вѣдь за одну ночь разложиться, — напротивъ, его фізіономія должна была стать {178} еще мраморнѣе, сходство

еще рѣзче, — но если бы даже срокъ былъ большій, и смерть позабавилась бы имъ, все равно стадіи его распада совпадали бы съ моими, — опрометью выражаюсь, чортъ, мнѣ сейчасъ не до изящества. Въ этомъ игнорированіи самаго цѣннаго и важнаго для меня было нѣчто умышленное и чрезвычайно подлое, — получалось такъ, что съ первой минуты всѣ будто бы отлично знали, что это не я, что никому въ голову не могло придти, что это мой трупъ, и въ самой ноншалантности изложенія было какъ бы подчеркиваніе моей оплошности, — оплошности, которую я конечно ни въ коемъ случаѣ не могъ допустить, — а между тѣмъ, прикрывъ ротъ и отвернувъ рыло, молча, но содрагаясь и лопааясь отъ наслажденія, злорадствовали, мстительно измывались, мстительно, подло, непереносимо — —

Тутъ опять постучались, я задохнувшись вскочилъ, вошли докторъ и жеранъ. «Вотъ, — съ глубокой обидой сказалъ докторъ, обращаясь къ жерану и указывая на меня, — вотъ — этотъ господинъ не только на меня зря обидѣлся, но теперь оскорбляетъ меня, не желаетъ слушать и весьма грубъ. Пожалуйста, поговорите съ нимъ, я не привыкъ къ такимъ манерамъ».

«Надо объясниться, — сказалъ жеранъ, глядя на меня исподлобья. — Я увѣренъ, что вы сами — —»

«Уходите! — закричалъ я, топая. — То, что вы дѣлаете со мной... Это не поддается... Вы не смѣете унижать и мстить... Я требую, вы понимаете я требую — —»

Докторъ и жеранъ, вскидывая ладони и какъ заводные переступая на прямыхъ ногахъ, затараторили, тѣсня меня, — я не выдержалъ, мое бѣшенство прошло, {179} но зато я почувствовалъ напоръ слезъ и вдругъ, — желающимъ предоставляю побѣду, — палъ на постель и рыдался.

«Это все нервы, все нервы», — сказалъ докторъ, какъ по волшебству смягчаясь.

Жеранъ улыбнулся и вышелъ, нѣжно прикрывъ за собой дверь. Докторъ налилъ мнѣ воды, предлагалъ бромъ, гладилъ меня по плечу, — а я рыдалъ и, сознавая отлично, даже холодно и съ усмѣшкой сознавая, постыдность моего положенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ чувствуя въ немъ всю прелесть надрывчика и какую-то смутную выгоду, продолжалъ трястись, вытирая щеки большимъ, грязнымъ, пахнувшимъ говядиной, платкомъ доктора, который, поглаживая меня, бормоталъ:

«Какое недоразумѣніе! Я, который всегда говорю, что довольно войны... У васъ есть свои недостатки, и у насъ есть свои. Политику нужно забыть. Вы вообще просто не поняли, о чемъ шла рѣчь. Я просто спрашивалъ ваше мнѣніе объ одномъ убійствѣ».

«О какомъ убійствѣ?» — спросилъ я всхлипывая.

«Ахъ, грязное дѣло, — переодѣлъ и убилъ, — но успокойтесь, другъ мой, — не въ одной Германіи убійцы, у насъ есть свои Ландрю, слава Богу, такъ что вы не единственный. Успокойтесь, все это нервы, здѣшняя вода отлично дѣйствуетъ на нервы, вѣрнѣе на желудокъ, что сводится къ тому же».

Онъ поговорилъ еще немного и всталъ. Я отдалъ ему платокъ.

«Знаете что? — сказалъ онъ, уже стоя въ дверяхъ. — А вѣдь маленькая графиня къ вамъ равнодушна. Вы бы сыграли сегодня вечеромъ что-нибудь на роялѣ {180} (онъ произвелъ пальцами трель), увѣряю васъ, вы бы имѣли ее у себя въ постели».

Онъ былъ уже въ коридорѣ, но вдругъ передумалъ и вернулся.

«Въ молодые безумные годы, — сказалъ онъ, — мы, студенты, однажды кутили, особенно наздрызгался самый безбожный изъ насъ, и когда онъ совсѣмъ былъ готовъ, мы нарядили его въ рясу, выбрали круглую плѣшь, и вотъ поздно ночью стучимся въ женскій монастырь, отпираетъ монахиня, и одинъ изъ насъ говоритъ: «Ахъ, сестра моя, поглядите въ какое грустное состояніе привелъ себя этотъ бѣдный аббатъ, возьмите его, пускай онъ у васъ выпится». И представьте себѣ, — онѣ его взяли. Какъ мы смѣялись! — Докторъ слегка присѣлъ и хлопнулъ себя по ляжкамъ. Мнѣ вдругъ показалось — а не говоритъ ли онъ объ этомъ (переодѣли... сошелъ за другого...) съ извѣстнымъ умысломъ, не подосланъ ли онъ, и меня опять обуяла злоба, но посмотрѣвъ на его глупо сіявшія морщины, я сдержался, сдѣлалъ видъ, что смѣюсь, онъ, очень довольный, помахалъ мнѣ ручкой, и наконецъ, наконецъ оставилъ меня въ покоѣ»

Несмотря на каррикатурное сходство съ Раскольниковымъ — — Нѣтъ, не то. Отставить. Что было дальше? Да: я рѣшилъ, что въ первую голову слѣдуетъ добыть какъ можно больше газетъ. Я побѣжалъ внизъ. На лѣстницѣ мнѣ попался толстый аббатъ, который посмотрѣлъ на меня съ сочувствіемъ, — я понялъ по его маслянистой улыбкѣ, что докторъ успѣлъ всѣмъ рассказать о нашемъ примиреніи. На дворѣ меня сразу оглушилъ вѣтеръ, но я не сдался, нетерпѣливо прилипъ къ воротамъ, и вотъ показался автобусъ, я замахалъ {181} и влѣзъ, мы покатали по шоссе, гдѣ съ ума сходила бѣлая пыль. Въ городѣ я досталъ нѣсколько номеровъ нѣмецкихъ газетъ и за одно справлялся на почтамтѣ, нѣтъ ли письма. Письма не оказалось, но зато въ газетахъ было очень много, слишкомъ много... Теперь, послѣ недѣли всепоглощающей литературной работы, я исцѣлился и чувствую только презрѣніе, но тогда холодный издѣвательскій тонъ газетъ доводилъ меня почти до обморока. Въ концѣ концовъ картина получается такая: въ воскресенье, десятаго марта, въ

полдень, парикмахеръ изъ Кенигсдорфа нашель въ лѣсу мертвое тѣло; отчего онъ оказался въ этомъ лѣсу, гдѣ и лѣтомъ никто не бываль, и отчего онъ только вечеромъ сообщилъ о своей находкѣ, осталось неяснымъ. Далѣе слѣдуетъ тотъ замѣчательно смѣшной анекдотъ, который я уже приводилъ: автомобиль, умышленно оставленный мной возлѣ опушки, исчезъ. По слѣдамъ въ видѣ повторяющейся буквы «т» полиція установила марку шинъ, какіе-то кенигсдорфцы, надѣленные феноменальной памятью, вспомнили, какъ проѣхалъ синій двухмѣстный кабріолетъ «Икаръ» на тангентныхъ колесахъ съ большими втулками, а любезные молодцы изъ гаража на моей улицѣ дали всѣ дополнительныя свѣдѣнія, — число силъ и цилиндровъ, и не только полицейскій номеръ, а даже фабричныя номера мотора и шасси. Всѣ думаютъ, что я вотъ сейчасъ на этой машинѣ гдѣ-то катаюсь, — это упоительно смѣшно. Для меня же очевидно, что автомобиль мой кто-то увидѣлъ съ шоссе и не долго думая присвоилъ, а трупа-то не примѣтилъ, — спѣшилъ. Напротивъ — парикмахеръ, трупъ нашедшій, утверждаетъ, что никакого автомобиля не видалъ. Онъ подозрителенъ, {182} полиціи бы, казалось, тутъ-то его и зацапать, — вѣдь и не такимъ рубили головы, — но какъ бы не такъ, его и не думаютъ считать возможнымъ убійцей, — вину свалили на меня сразу, безоговорочно, съ холодной и грубой поспѣшностью, словно были рады меня уличить, словно мстили мнѣ, словно я былъ давно виноватъ передъ ними, и давно жаждали они меня покарать. Едва ли не загодя рѣшивъ что найденный трупъ не я, никакого сходства со мной не замѣтивъ, вѣрнѣе исключивъ а пріори возможность сходства (ибо человѣкъ не видитъ того, что не хочетъ видѣть), полиція съ блестящей послѣдовательностью удивилась тому, что я думалъ обмануть міръ, просто одѣвъ въ свое платье человѣка, ничуть на меня не похожаго. Глупость и явная пристрастность этого разсужденія уморительны. Основываясь на немъ, они усомнились въ моихъ умственныхъ способностяхъ. Было даже предположеніе, что я ненормальный, это подтвердили нѣкоторыя лица, знавшія меня, между прочими болванъ Орловіусъ (кто еще, — интересно), рассказавшій, что я самъ себѣ писалъ письма (вотъ это неожиданно!). Что однако совершенно озадачило полицію, это то, какимъ образомъ моя жертва (слово «жертва» особенно смаковалось газетами) очутилась въ моихъ одеждахъ, или точнѣе, какъ удалось мнѣ заставить живого человѣка надѣть не только мой костюмъ, но даже носки и слишкомъ тѣсные для него полуботинки (обуть то его я могъ и постфактумъ, умники!). Вбивъ себѣ въ голову, что это не мой трупъ (т. е. поступивъ какъ литературный критикъ, который, при одномъ видѣ книги непріятнаго ему писателя, рѣшаетъ, что книга бездарна, и уже дальше исходитъ изъ {183} этого произвольнаго положенія), вбивъ себѣ

это въ голову, они съ жадностью накинулись на тѣ мелкіе, совсѣмъ неважные недостатки нашего съ Феликсомъ сходства, которые при болѣе глубокомъ и даровитомъ отношеніи къ моему созданію прошли бы незамѣтно, какъ въ прекрасной книгѣ не замѣчается описка, опечатка. Была упомянута грубость рукъ, выискали даже какую-то многозначительную мозоль, но отмѣтили все же аккуратность ногтей на всѣхъ четырехъ конечностяхъ, при чемъ кто-то, чуть ли не парикмахеръ, нашедшій трупъ, обратилъ вниманіе сыщиковъ на то, что въ силу нѣкоторыхъ обстоятельствъ, ясныхъ профессионалу (подумаешь!), ногти подрѣзаль не самъ человѣкъ, а другой.

Я никакъ не могу выяснитъ, какъ держалась Лида, когда вызвали ее. Такъ какъ, повторяю, ни у кого не было сомнѣнія, что убитый не я, ее навѣрное заподозрили въ сообщничествѣ, — сама виновата, могла понять, что страховыя денежки тютю, и нечего соваться съ вдовьими слезами. Въ концѣ концовъ она вѣроятно не удержится и, вѣря въ мою невинность и желая спасти меня, разболтаетъ о трагедіи моего брата, что будетъ впрочемъ совершенно зря, такъ какъ безъ особаго труда можно установить, что никакого брата у меня никогда не было, — а что касается самоубійства, то врядъ ли фантазія полиціи осилитъ пресловутую веревочку.

Для меня, въ смыслѣ моей безопасности, важно слѣдующее: убитый не опознанъ и не можетъ быть опознанъ. Межъ тѣмъ я живу подъ его именемъ, кое-гдѣ слѣды этого имени уже оставилъ, такъ что найти меня можно было бы въ два счета, если бы выяснилось, кого {184} я, какъ говорится, угробилъ. Но выяснитъ это нельзя, что весьма для меня выгодно, такъ какъ я слишкомъ усталъ, чтобы принимать новыя мѣры. Да и какъ я могу отрѣшиться отъ имени, которое съ такимъ искусствомъ присвоилъ? Вѣдь я же похожъ на мое имя, господа, и оно подходит мнѣ такъ же, какъ подходило ему. Нужно быть дуракомъ, чтобы этого не понимать.

А вотъ автомобиль рано или поздно найдутъ, но это имъ не поможетъ, ибо я и хотѣлъ, чтобы его нашли. Какъ это смѣшно! Они думаютъ, что я услужливо сижу за рулемъ, а на самомъ дѣлѣ они найдутъ самага простого и очень напуганнаго вора.

Я не упоминаю здѣсь ни о чудовищныхъ эпитетахъ, которыми досужіе борзописцы, поставщики сенсацій, негодяи, строящіе свои балаганы на крови, считаютъ нужнымъ меня награждать, ни о глубокомысленныхъ разсужденіяхъ психоаналитическаго характера, до которыхъ охочи фельетонисты. Вся эта мерзость и грязь сначала бѣсили меня, особенно уподобленія какимъ-то олухамъ съ вампирными наклонностями, проступки которыхъ въ свое время поднимали тиражъ газетъ. Былъ,

напримѣръ, такой, который сжегъ свой автомобиль съ чужимъ трупомъ, мудро отрѣзавъ ему ступни, такъ какъ онъ оказался не по мѣркѣ владѣльца. Да впрочемъ, чортъ съ ними! Ничего общаго между нами нѣтъ. Бѣсило меня и то, что печатали мою паспортную фотографію, на которой я дѣйствительно похожъ на преступника, такая ужъ злостная ретушевка, а совершенно непохожъ на себя самого. Право, могли взять другую, напримѣръ ту, гдѣ гляжу въ книгу, дорогой нѣжно-шоколадный снимокъ; тотъ же фотографъ {185} снялъ меня и въ другой позѣ, гляжу исподлобья, серьезные глаза, палецъ у виска, — такъ снимаются нѣмецкіе беллетристы. Вообще, выборъ большой. Есть и любительскіе снимки: одна фоточка очень удачная, въ купальномъ костюмѣ на участкѣ Ардаліона. Кстати, кстати, чуть не забылъ: полиція, тщательно производя розыски, осматривая каждый кустъ и даже роясь въ землѣ, ничего не нашла, кромѣ одной замѣчательной штучки, а именно: бутылки съ самодѣльной водкой. Водка пролежала тамъ съ іюня, — я кажется описалъ, какъ Лида спрятала ее... Жалѣю, что я не запряталъ гдѣ-нибудь и балалайку, что-бы доставить имъ удовольствіе вообразить славянское убійство подъ чоканіе рюмочекъ и пѣніе «Пожалѣй же меня, дорогая...»

Но довольно, довольно... Вся эта гнусная путаница и чепуха происходитъ оттого, что по косности своей и тупости и предвзятости, люди не узнали меня въ трупѣ безупречнаго моего двойника. Принимаю съ горечью и презрѣніемъ самый фактъ непризнанія (чье мастерство имъ не было омрачено?) и продолжаю вѣрить въ безупречность. Обвинять себя мнѣ не въ чемъ. Ошибки — мнимыя — мнѣ навязали заднимъ числомъ, голословно рѣшивъ, что самая концепція моя неправильна, и уже тогда найдя пустяшные недочеты, о которыхъ я самъ отлично знаю, и которые никакого значенія не имѣютъ при свѣтѣ творческой удачи. Я утверждаю, что все было задумано и выполнено съ предѣльнымъ искусствомъ, что совершенство всего дѣла было въ нѣкоторомъ смыслѣ неизбежно, слагалось какъ бы помимо моей воли, интуитивно, вдохновенно. И вотъ, для того, чтобы добиться признанія, оправдать {186} и спасти мое дѣтище, пояснить міру всю глубину моего творенія, я и затѣялъ писаніе сего труда.

Ибо, измявъ и отбросивъ послѣднюю газету, все высосавъ, все узнавъ, сжигаемый неотвязнымъ зудомъ, изощреннѣйшимъ желаніемъ тотчасъ же принять какія-то мнѣ одному понятныя мѣры, я сѣлъ за столъ и началъ писать. Если бы не абсолютная вѣра въ свои литературныя силы, въ чудный даръ — — Сперва шло трудно, въ гору, я останавливался и затѣмъ снова писалъ. Мой трудъ, мощно изнуря меня, давалъ мнѣ отраду. Это мучительное средство, жестокое средневѣковое промываніе, но оно дѣйствуетъ.

Съ тѣхъ поръ какъ я началъ, прошла недѣля, и вотъ, трудъ мой подходитъ къ концу. Я спокоенъ. Въ гостиницѣ со мной всѣ любезны и предупредительны. Ѥмъ я теперь не за табльдотомъ, а за маленькимъ столомъ у окна. Докторъ одобрилъ мой уходъ и всѣмъ объясняетъ чуть ли не въ моемъ присутствіи, что нервному человѣку нуженъ покой, и что музыканты вообще нервные люди. Во время обѣда онъ часто ко мнѣ обращается со своего мѣста, рекомендуя какое-нибудь кушаніе или шутливо спрашивая меня, не присоединюсь ли сегодня въ видѣ исключенія къ общей трапезѣ, и тогда всѣ смотрятъ на меня съ большимъ добродушіемъ.

Но какъ я усталъ, какъ я смертельно усталъ... Бывали дни, — третьяго дня, напримѣръ, — когда я писалъ съ двумя небольшими перерывами девятнадцать часовъ подрядъ, а потомъ, вы думаете, я заснулъ? Нѣтъ, я заснуть не могъ, и все мое тѣло тянулось и ломалось, какъ на дыбѣ. Но теперь, когда я кончаю, когда мнѣ въ общемъ нечего больше рассказать, мнѣ {187} такъ жалко съ этой исписанной бумагой разстаться, — а разстаться нужно, перечестъ, исправить, запечатать въ конвертъ и отважно отослать, — а самому двинуться дальше, въ Африку, въ Азію, все равно куда, но какъ мнѣ не хочется двигаться, какъ я жажду покоя... Вѣдь въ самомъ дѣлѣ: пускай читатель представитъ себѣ положеніе человѣка, живущаго подъ такимъ-то именемъ не потому, что другого паспорта — —

ГЛАВА XI.

30 марта 1931 г.

Я на новомъ мѣстѣ: приключилась бѣда. Думалъ, что будетъ всего десять главъ, — анъ нѣтъ! Теперь вспоминаю, какъ увѣренно, какъ спокойно, несмотря ни на что, я дописывалъ десятую, — и не дописалъ: горничная пришла убирать номеръ, я отъ нечего дѣлать вышелъ въ садъ, — и меня обдало чѣмъ-то тихимъ, райскимъ. Я даже сначала не понималъ, въ чемъ дѣло, — но встряхнулся, и вдругъ меня осѣнило: ураганный вѣтеръ, дувшій всѣ эти дни, прекратился.

Воздухъ былъ дивный, леталъ шелковистый ивовый пухъ, вѣчно-зеленая листва прикидывалась обновленной, отливали смуглой красной обнаженные наполовину, атлетическіе торсы пробковыхъ дубовъ. Я пошелъ вдоль шоссе, мимо покатыхъ бурыхъ виноградниковъ, гдѣ правильными рядами стояли голыя еще лозы, похожія на приземистые корявые кресты, а потомъ {188} сѣлъ на траву и, глядя черезъ виноградники

на золотую отъ цвѣтущихъ кустовъ макушку холма, стоящаго по поясъ въ густой дубовой листвѣ, и на глубокое-глубокое, голубое-голубое небо, подумаль съ млѣющей нѣжностью (ибо можетъ быть главная, хоть и тайная, черта моей души — нѣжность), что начинается новая простая жизнь, тяжелые творческіе сны миновали... Вдали, со стороны гостиницы, показался автобусъ, и я рѣшилъ въ послѣдній разъ позабавиться чтеніемъ берлинскихъ газетъ. Въ автобусѣ я сперва притворялся спящимъ (и даже улыбался во снѣ), замѣтя среди пассажировъ представителя ветчины, но вскорѣ заснулъ по-настоящему.

Добывъ въ Иксѣ газету, я раскрылъ ее только по возвращеніи домой и началъ читать, благодушно посмѣиваясь. И вдругъ расхохотался во-всю: автомобиль мой былъ найденъ.

Его исчезновеніе объяснилось такъ: трое молодцовъ, шедшихъ десятаго марта утромъ по шоссе, — безработный монтеръ, знакомый намъ уже парикмахеръ и братъ парикмахера, юноша безъ опредѣленныхъ занятій, — завидѣли на дальней опушкѣ лѣса блескъ радіатора и тотчасъ подошли. Парикмахеръ, человѣкъ положительный, чтившій законъ, сказалъ, что надобно дождаться владѣльца, а если такового не окажется, отвести машину въ Кенигсдорфъ, но его братъ и монтеръ, оба озорники, предложили другое. Парикмахеръ возразилъ, что этого не допустить, и углубился въ лѣсъ, посматривая по сторонамъ. Вскорѣ онъ нашель трупъ. Онъ поспѣшилъ обратно къ опушкѣ, зовя товарищей, но съ ужасомъ увидѣлъ, что ни ихъ, ни машины нѣтъ: умчались. Нѣкоторое время онъ валандался {189} кругомъ да около, дожидаясь ихъ. Они не вернулись. Вечеромъ онъ наконецъ рѣшился рассказать полиціи о своей находкѣ, но изъ братолюбія скрылъ исторію съ машиной.

Теперь же оказывалось, что тѣ двое, сломавъ машину, спрятали ее, сами притаились было, но погода, благоразумно объявились. «Въ автомобильѣ», — добавляла газета, — «найденъ предметъ, устанавливающій личность убитаго».

Сперва я по ошибкѣ прочель «убійцы» и еще пуще развеселился, ибо вѣдь съ самага начала было извѣстно, что автомобиль принадлежитъ мнѣ, — но перечель и задумался. Эта фраза раздражала меня. Въ ней была какая-то глупая таинственность. Конечно, я сразу сказалъ себѣ, что это либо новая уловка, либо нашли что-нибудь такое же важное, какъ пресловутая водка. Но все-таки мнѣ стало непріятно, — и нѣкоторое время я даже перебиралъ въ памяти всѣ предметы, участвовавшіе въ дѣлѣ (вспомнилъ и тряпку и гнусную голубую гребенку), и такъ какъ я дѣйствовалъ тогда отчетливо, увѣренно, то безъ труда все прослѣдилъ, и нашель въ порядкѣ. Кводъ эратъ демонстрандумъ.

Но покою у меня не было. Надо было дописать послѣднюю главу, а вмѣсто того, чтобы писать, я опять вышелъ, бродилъ до поздняго времени и, придя восвояси, утомленный до послѣдней степени, тотчасъ заснулъ, несмотря на смутное мое безпокойство. Мнѣ приснилось, что послѣ долгихъ, непоказанныхъ во снѣ, подразумѣваемыхъ розысковъ, я нашелъ наконецъ скрывавшуюся отъ меня Лиду, которая спокойно сказала мнѣ, что все хорошо, наслѣдство она получила и выходитъ замужъ за другого, ибо меня нѣтъ, я мертвъ. {190} Проснулся я въ сильнѣйшемъ гнѣвѣ, съ безумно бьющимся сердцемъ, — одураченъ! безсиленъ! — не можетъ вѣдь мертвецъ обратиться въ судъ, — да, безсиленъ, и она знаетъ это! Очухавшись, я размѣялся, — приснится же такая чепуха, — но вдругъ почувствовалъ, что и въ самомъ дѣлѣ есть что-то чрезвычайно непріятное, что смѣхомъ стряхнуть нельзя, — и не въ снѣ дѣло, а въ загадочности вчерашняго извѣстія: обнаруженъ предметъ... Если дѣйствительно удалось подыскать убитому имя, и если имя это правильное — Тутъ было слишкомъ много «если», — я вспомнилъ, какъ вчера тщательно провѣрилъ плавные, планетные пути всѣхъ предметовъ — могъ бы начертить пунктиромъ ихъ орбиты, — а все-таки не успокоился.

Ища способа отвлечься отъ расплывчатыхъ, невыносимыхъ предчувствій, я собралъ страницы моей рукописи, взвѣсилъ пачку на ладони, игриво сказалъ «ого!» и рѣшилъ, прежде чѣмъ дописать послѣднія строки, все перечестъ сначала. Я подумалъ внезапно, что предстоитъ мнѣ огромное удовольствіе. Въ ночной рубашкѣ, стоя у стола, я любовно утряхивалъ въ рукахъ шуршащую толщу исписанныхъ страницъ. Затѣмъ легъ опять въ постель, закурилъ папиросу, удобно устроилъ подушку подъ лопатками, — замѣтилъ, что рукопись оставилъ на столѣ, хотя казалось мнѣ, что все время держу ее въ рукахъ; спокойно, не выругавшись, всталъ и взялъ ее съ собой въ постель, опять устроилъ подушку, посмотрѣлъ на дверь, спросилъ себя, заперта ли она на ключъ или нѣтъ, — мнѣ не хотѣлось прерывать чтеніе, чтобы впускать горничную, когда въ девять часовъ она принесетъ кофе; всталъ еще разъ — и опять спокойно, — дверь оказалась отпертой, такъ {191} что можно было и не вставать; кашлянулъ, легъ, удобно устроился, уже хотѣлъ приступить къ чтенію, но тутъ оказалось, что у меня потухла папироса, — не въ примѣръ нѣмецкимъ, французскія требуютъ къ себѣ вниманія; куда дѣлись спички? Только-что были у меня. Я всталъ въ третій разъ, уже съ легкой дрожью въ рукахъ, нашелъ спички за чернильницей, а вернувшись въ постель, раздавилъ бедромъ другой, полный, коробокъ, спрятавшійся въ простыняхъ, — значитъ опять вставалъ зря. Тутъ я вспылить, поднялъ съ пола разсыпавшіяся страницы рукописи, и

приятное предвкушение, только-что наполнявшее меня, смѣнилось почти страданіемъ, ужаснымъ чувствомъ, что кто-то хитрый обѣщаетъ мнѣ раскрыть еще и еще промахи, и только промахи. Все же, заново закуривъ и оглушивъ ударомъ кулака строптивную подушку, я обратился къ рукописи. Меня поразило, что сверху не выставлено никакого заглавія — мнѣ казалось, что я какое-то заглавіе въ свое время придумалъ, что-то, начинавшееся на «Записки...», — но чьи записки — не помнилъ, — и вообще «Записки» ужасно банально и скучно. Какъ же назвать? «Двойникъ»? Но это уже имѣется. «Зеркало»? «Портретъ автора въ зеркалѣ»? Жеманно, приторно... «Сходство»? «Непризнанное сходство»? «Оправданіе сходства»? — Суховато, съ уклономъ въ фило-софію... Можетъ быть: «Отвѣтъ критикамъ»? Или «Поэтъ и чернь»? Это не такъ плохо — надо подумать. Сперва перечтемъ, сказалъ я вслухъ, а потомъ придумаемъ заглавіе.

Я сталъ читать, — и вскорѣ уже не зналъ, читаю ли или вспоми-наю, — даже болѣе того — преображенная память моя дышала двойной порціей кислорода, въ {192} комнатѣ было еще свѣтлѣе оттого, что вымыли стекла, прошлое мое было живѣе оттого, что было дважды оза-рено искусствомъ. Снова я взбирался на холмъ подъ Прагой, слышалъ жаворонка, видѣлъ круглый, красный газоемъ; снова въ невѣроятномъ волненіи стоялъ надъ спящимъ бродягой, и снова онъ потягивался и зѣвалъ, и снова изъ его петлицы висѣла головкой внизъ вялая фіалка. Я читалъ дальше, и появлялась моя розовая жена, Ардаліонъ, Орловиусъ, — и всѣ они были живы, но въ какомъ то смыслѣ жизнь ихъ я держалъ въ своихъ рукахъ. Снова я видѣлъ желтый столбъ и ходилъ по лѣсу, уже обдумывая свою фэбулу; снова въ осенній день мы смот-рѣли съ женой, какъ падаетъ листь навстрѣчу своему отраженію, — и вотъ я и самъ плавно упалъ въ саксонскій городокъ, полный странныхъ повтореній, и навстрѣчу мнѣ плавно поднялся двойникъ. И снова я обво-лакивалъ его, овладѣвалъ имъ, и онъ отъ меня ускользалъ, и я дѣлалъ видъ, что отказываюсь отъ замысла, и съ неожиданной силой фэбула разгоралась опять, требуя отъ своего творца продолженія и окончанія. И снова, въ мартовскій день, я сонно ѣхалъ по шоссе, и тамъ, въ кустахъ, у столба, онъ меня уже дожидался:

«... Садись, скорѣе, намъ нужно отѣхать отсюда».

«Куда?» — любопытствовалъ онъ.

«Вонъ въ тотъ лѣсъ».

«Туда?» — спросилъ онъ и указалъ...

Палкой, читатель, палкой. Палкой, дорогой читатель, палкой. Самодѣльной палкой съ выжженнымъ на ней именемъ: Феликсъ такой-то изъ Цвикау. Палкой указалъ, дорогой и почтенный читатель, пал-

кой, — ты знаешь, что такое «палка»? Ну вотъ — палкой, {193} — указалъ ей, сѣлъ въ автомобиль и потомъ палку въ немъ и оставилъ, когда выльѣзъ: вѣдь автомобиль временно принадлежалъ ему, я отмѣтилъ это «спокойное удовлетвореніе собственника». Вотъ какая вещь — художественная память! Почтище всякой другой. «Туда?» — спросилъ онъ и указалъ палкой. Никогда въ жизни я не былъ такъ удивленъ...

Я сидѣлъ въ постели, выпученными глазами глядя на страницу, на мною же — нѣтъ, не мной, а диковинной моей союзницей, — написанную фразу, и уже понималъ, какъ это непоправимо. Ахъ, совсѣмъ не то, что нашли палку въ автомобилѣ и теперь знаютъ имя, и уже неизбежно это общее наше имя приведетъ къ моей поимкѣ, — ахъ, совсѣмъ не это пронзало меня, — а сознание, что все мое произведение, такъ тщательно продуманное, такъ тщательно выполненное, теперь въ самомъ себѣ, въ сущности своей, уничтожено, обращено къ труху, допущенною мною ошибкой. Слушайте, слушайте! Вѣдь даже если бы его трупъ сошелъ за мой, все равно обнаружили бы палку и затѣмъ поймали бы меня, думая, что берутъ его, — вотъ что самое позорное! Вѣдь все было построено именно на невозможности промаха, а теперь оказывается, промахъ былъ, да еще какой, — самый пошлый, смѣшной и грубый. Слушайте, слушайте! Я стоялъ надъ прахомъ дивнаго своего произведенія, и мерзкій голосъ вопилъ въ ухо, что меня непризнавая чернь можетъ быть и права... Да, я усомнился во всемъ, усомнился въ главномъ, — и понялъ, что весь небольшой остатокъ жизни будетъ посвященъ одной лишь бесплодной борьбѣ съ этимъ сомнѣніемъ, и я улыбнулся улыбкой смертника и тупымъ, кричащимъ отъ боли карандашомъ {194} быстро и твердо написалъ на первой страницѣ слово «Отчаяніе», — лучшаго заглавія не сыскать.

Мнѣ принесли кофе, я выпилъ его, но оставилъ гренки. Затѣмъ я наскоро одѣлся, уложился и самъ снесъ внизъ чемоданъ. Докторъ къ счастью не видѣлъ меня. Зато жеранъ удивился внезапности моего отъѣзда и очень дорого взялъ за номеръ, но мнѣ было это уже все равно. Я уѣзжалъ просто потому, что такъ принято въ моемъ положеніи. Я слѣдовалъ нѣкой традиціи. При этомъ я предполагалъ, что французская полиція уже напала на мой слѣдъ.

По дорогѣ въ городъ я изъ автобуса увидѣлъ двухъ ажановъ въ быстромъ, словно мукой обсыпанномъ автомобилѣ, — мы скрестились, они оставили облако пыли — но мчались ли они именно за тѣмъ, чтобы меня арестовать, не знаю, — да и можетъ быть это вовсе не были ажаны, — не знаю, — они мелькнули слишкомъ быстро. Въ городѣ я зашелъ на почтамтъ, такъ, на всякій случай, — и теперь жалѣю, что зашелъ, — я бы вполне обошелся безъ письма, которое мнѣ тамъ выдали. Въ тотъ

же день я выбралъ наудачу пейзажъ въ щегольской брошюркѣ и поздно вечеромъ прибылъ сюда, въ горную деревню. А насчетъ полученнаго письма... Нѣтъ, пожалуй, я все-таки его приведу, какъ примѣръ человѣческой низости.

«Вотъ что. Пишу Вамъ, господинъ хорошій, по тремъ причинамъ: 1) Она просила, 2) Собираюсь непременно Вамъ сказать, что я о Васъ думаю, 3) Искренне хочу посоветовать Вамъ отдаться въ руки правосудія, чтобы разъяснить кровавую путаницу и гнусную тайну, отъ которой больше всего, конечно, страдаетъ она, терроризованная, невиноватая. Предупреждаю Васъ, {195} что я съ большимъ сомнѣніемъ отношусь къ мрачной достоевщинѣ, которую Вы изволили ей рассказать. Думаю, мягко говоря, что это вранье. Подлое при этомъ вранье, такъ какъ Вы играли на ея чувствахъ.

Она просила написать, думая, что Вы еще ничего не знаете, совсѣмъ растерялась и говоритъ, что Вы разсердитесь, если Вамъ написать. Желалъ бы я посмотреть, какъ Вы будете сердиться: это должно быть звѣрски занято.

Стало быть, такъ. Но мало убить человѣка и одѣть въ подходящее платье. Нужна еще одна деталь, а именно сходство, но схожихъ людей нѣтъ на свѣтѣ и не можетъ быть, какъ бы Вы ихъ ни наряжали. Впрочемъ, до такихъ тонкостей не дошло, да и началось то съ того, что добрая душа честно ее предупредила: нашли трупъ съ документами Вашего мужа, но это не онъ. А страшно вотъ что: наученная подлецомъ, она, бѣдняжка, еще прежде — понимаете-ли Вы это? — еще прежде, чѣмъ ей показали тѣло, утверждала вопреки всему, что это именно ея мужъ. Я просто не понимаю, какимъ образомъ Вы сумѣли вселить въ нее, въ женщину совсѣмъ чуждую Вамъ, такой священный ужасъ. Для этого надо быть дѣйствительно незауряднымъ чудовищемъ. Богъ знаетъ, что ей еще придется испытать. Нѣтъ, — Вы обязаны снять съ нея тѣнь сообщничества. Дѣло же само по себѣ ясно всѣмъ. Эти шуточки, господинъ хорошій, со страховыми обществами давнымъ-давно извѣстны. Я бы даже сказалъ, что это халтура, банальщина, давно набившая оскомину.

Теперь — что я думаю о Васъ. Первое извѣстіе мнѣ попало въ городъ, гдѣ я застрялъ. До Италіи не доѣхалъ и слава Богу. И вотъ, прочтя это извѣстіе, я {196} знаете что? не удивился! Я всегда вѣдь зналъ, что Вы грубое и злое животное, и не скрылъ отъ слѣдователя всего, что самъ видѣлъ. Особенно, что касается Вашего съ ней обращенія, этого Вашего высокомернаго презрѣнія, и вѣчныхъ насмѣшекъ, и мелочной жестокости, и всѣхъ насъ угнетавшаго холода. Вы очень похожи на большого страшнаго кабана съ гнилыми клыками,

напрасно не нарядили такого въ свой костюмъ. И еще въ одномъ долженъ признаться Вамъ: я, слабовольный, я, пьяный, я, ради искусства готовый продать свою честь, я Вамъ говорю: мнѣ стыдно, что я отъ Васъ принималъ подачки, и этотъ стыдъ я готовъ обнародовать, кричать о немъ на улицѣ, только бы отдѣлаться отъ него.

Вотъ что, кабанъ! Такое положеніе длиться не можетъ. Я желаю Вашей гибели не потому, что Вы убійца, а потому, что Вы подлѣйшій подлець, воспользовавшійся наивностью довѣрчивой молодой женщины, и такъ истерзанной и оглушенной десятилѣтнимъ адомъ жизни съ Вами. Но если въ Васъ еще не все померкло: объявитесь!»

Слѣдовало бы оставить это письмо безъ комментаріевъ. Безпристрастный читатель предыдущихъ главъ видѣлъ, съ какимъ добродушіемъ и доброхотствомъ я относился къ Ардаліону, а вотъ какъ онъ мнѣ отплатилъ. Но все равно, все равно... Я хочу думать, что писалъ онъ эту мерзость въ пьяномъ видѣ, ужъ слишкомъ все это безобразно, бьетъ мимо цѣли, полно клеветническихъ утвержденій, абсурдность которыхъ тотъ же внимательный читатель пойметъ безъ труда. Назвать веселую, пустую, недалекую мою Лиду запуганной или какъ тамъ еще — истерзанной, — намекать {197} на какой-то раздоръ между нами, доходящій чуть ли не до мордобоя, это уже извините, это уже я не знаю, какими словами охарактеризовать. Нѣтъ этихъ словъ. Корреспондентъ мой всѣ ихъ уже использовалъ, въ другомъ, правда, примѣненіи. Я, передъ тѣмъ полагавшій, что уже перевалилъ за послѣднюю черту возможныхъ страданій, обидъ, недоумѣній, пришелъ въ такое состояніе, перечитывая это письмо, меня такая одолѣла дрожь, что все кругомъ затряслось, — столъ, стаканъ на столѣ, даже мышеловка въ углу новой моей комнаты.

Но вдругъ я хлопнулъ себя по лбу и расхохотался. Какъ это было просто! Какъ просто разгадывалось таинственное неистовство этого письма. Это — неистовство собственника: Ардаліонъ не можетъ мнѣ простить, что я шифромъ взялъ его имя, и что убійство произошло какъ разъ на его участкѣ земли. Онъ ошибается, всѣ давно обанкротились, неизвѣстно кому принадлежитъ эта земля, и вообще — довольно, довольно о шутѣ Ардаліонѣ! Послѣдній мазокъ на его портретъ наложенъ, послѣднимъ движеніемъ кисти я наискось въ углу подписалъ его. Онъ лучше будетъ той подкрашенной дохлятины, которую этотъ шутъ сотворилъ изъ моей фізіономіи. Баста! Онъ хорошъ, господа.

Но все-таки, какъ онъ смѣетъ... Ахъ, къ чорту, къ чорту, все къ чорту! {198}

31 марта, ночью.

Увы, моя повѣсть вырождается въ дневникъ. Но ничего не подѣлаешь: я уже не могу обойтись безъ писанія. Дневникъ, правда, самая низкая форма литературы. Знатоки оцѣняютъ это прелестное, будто бы многозначительное «ночью», — ахъ ты — «ночью», смотри какой, писалъ ночью, не спалъ, какой интересный и томный! Но все-таки я пишу это ночью.

Деревня, гдѣ я скучаю, лежитъ въ люлькѣ долины, среди высокихъ и тѣсныхъ горъ. Я снялъ большую, похожую на сарай, комнату въ домѣ у смуглой старухи, держащей внизу бакалейную. Въ деревнѣ одна всего улица. Я бы долго могъ описывать мѣстныя красоты, — облака, напримѣръ, которыя проползаютъ черезъ домъ изъ окна въ окно, — но описывать все это чрезвычайно скучно. Меня забавляетъ, что я здѣсь единственный туристъ, да еще иностранецъ, а такъ какъ успѣли какъ то разнюхать (впрочемъ, я самъ сказалъ хозяйкѣ), что я изъ Германіи, то возбуждаю сильное любопытство. Мнѣ бы скрываться, а я лѣзу на самое, такъ сказать, видное мѣсто, трудно было лучше выбрать. Но я усталъ; чѣмъ скорѣе все это кончится, тѣмъ лучше.

Сегодня, кстати, познакомился я съ мѣстнымъ жандармомъ, — совершенно опереточный персонажъ! Это довольно пухлый розовый мужчина, ноги херомъ, фатоватыя черныя усики. Я сидѣлъ на концѣ улицы на скамейкѣ, и кругомъ поселяне занимались своимъ дѣломъ, т. е. притворялись, что занимаются своимъ дѣломъ, а въ сущности съ неистовымъ любопытствомъ, въ какихъ бы позахъ они ни находились, изъ-за плеча, {199} изъ подмышки, изъ-подъ колѣна слѣдили за мной, — я это отлично видѣлъ. Жандармъ нерѣшительно подошелъ ко мнѣ, заговорилъ о дождѣ, потомъ о политикѣ. Онъ кое-чѣмъ напомнилъ мнѣ покойнаго Феликса, — солиднымъ тономъ, мудростью самоучки. Я спросилъ, когда тутъ послѣдній разъ арестовали кого-нибудь. Онъ подумалъ и отвѣтилъ, что это было шесть лѣтъ тому назадъ, — задержали испанца, который съ кѣмъ-то повздорилъ не безъ мокрыхъ послѣдствій и скрылся въ горахъ. Далѣе онъ счелъ нужнымъ сообщить мнѣ, что въ горахъ есть медвѣди, которыхъ искусственно тамъ поселили для борьбы съ волками, — что показалось мнѣ очень смѣшнымъ. Но онъ не смѣялся, онъ стоялъ, меланхолично покручивая лѣвый усъ правой рукой и разсуждалъ о современномъ образованіи:

«Вотъ, напримѣръ, я, — говорилъ онъ, — я знаю географію, ариметику, военное дѣло, пишу красивымъ почеркомъ...» Я спросилъ: «А на скрипкѣ играете?» Онъ грустно покачалъ головой.

Сейчасъ, дрожа въ студенной комнатѣ, проклиная лающихъ собакъ, ожидая, что въ углу съ трескомъ хлопнетъ мышеловка, отхвативъ мыши голову, машинально попивая вербеновую настойку, которую хозяйка, считая, что у меня хворый видъ и боясь вѣроятно, что умру до суда, вздумала мнѣ принести, я сижу, и вотъ пишу на этой клѣтчатой школьной бумагѣ, другой было здѣсь не найти, — и задумываюсь, и опять посматриваю на мышеловку. Зеркала, слава Богу, въ комнатѣ нѣтъ, какъ нѣтъ и Бога, котораго славлю. Все темно, все страшно, и нѣтъ особыхъ причинъ медлить мнѣ въ этомъ темномъ, зря выдуманномъ мирѣ. Убить себя я не хочу, это было бы не экономно, — почти въ каждой {200} странѣ есть лицо, оплачиваемое государствомъ, для исполненія смертной услуги. И затѣмъ — раковинный гуль вѣчнаго небытія. А самое замѣчательное, что все это можетъ еще продлиться, — т. е. не убьютъ, а сошлютъ на каторгу, и еще можетъ случиться, что черезъ пять лѣтъ подойду подъ какую-нибудь амнистію и вернусь въ Берлинъ, и буду опять торговать шоколадомъ. Не знаю, почему, — но это страшно смѣшно.

Предположимъ, я убилъ обезьяну. Не трогаютъ. Предположимъ, что это обезьяна особенно умная. Не трогаютъ. Предположимъ, что это — обезьяна новаго вида, говорящая, голая. Не трогаютъ. Осмотрительно поднимаясь по этимъ тонкимъ ступенямъ, можно добратся до Лейбница или Шекспира и убить ихъ, и никто тебя не тронетъ, — такъ какъ все дѣлалось постепенно, неизвѣстно, когда перейдена грань, послѣ которой софисту приходится худо.

Лаютъ собаки. Холодно. Какая смертельная, невылазная мука. Указалъ палкой. Палка, — какія слова можно выжать изъ палки? Паль, лакъ, калъ, лампа. Ужасно холодно. Лаютъ, — одна начнетъ, и тогда подхватываютъ всѣ. Идетъ дождь. Электричество хилое, желтое. Чего я, собственно говоря, натворилъ?

1-го апрѣля.

Опасность обращенія моея повѣсти въ худосочный дневникъ къ счастью разсѣяна. Вотъ сейчасъ заходилъ мой опереточный жандармъ, дѣловитый, при саблѣ, и не глядя мнѣ въ глаза, учтиво попросилъ мои бумаги. Я отвѣтилъ, что все равно намѣренъ на-дняхъ прописаться, а что сейчасъ не хочу вылѣзть изъ постели. Она настаивалъ, — былъ вѣжливъ, извинялся, но настаивалъ. {201} Я вылѣзъ и далъ ему паспортъ. Уходя, онъ въ дверяхъ обернулся и все тѣмъ же вѣжливымъ голосомъ попросилъ меня сидѣть дома. Скажите, пожалуйста!

Я подкрался къ окну и осторожно отвелъ занавѣску. На улицѣ стоятъ зѣваки, человѣкъ сто; и смотрятъ на мое окно. Въ толпѣ пробирается мой жандармъ, его о чемъ-то рьяно спрашиваетъ господинъ въ котелкѣ набекрень, любопытные ихъ затѣснили. Лучше не видѣть.

Можетъ быть, все это — лжебытіе, дурной сонъ, и я сейчасъ проснусь гдѣ-нибудь — на травкѣ подъ Прагой. Хорошо по крайней мѣрѣ, что затравили такъ скоро.

Я опять отвелъ занавѣску. Стоятъ и смотрятъ. Ихъ сотни, тысячи, милліоны. Но полное молчаніе, только слышно, какъ дышать. Отворить окно, пожалуй, и произнести небольшую рѣчь.